

Роберт Штильмарк

Наследник из Калькутты

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128227

*Штильмарк Р.А. Наследник из Калькутты: ЗАО Издательство Центрполиграф; Москва; 2011
ISBN 978-5-227-02791-7*

Аннотация

Роберт Штильмарк в 1945 году был арестован по обвинению в «контрреволюционной агитации» и приговорен к десяти годам заключения. В исправительно-трудовом лагере он создал приключенческий роман «Наследник из Калькутты». Некий криминальный авторитет собирался послать И. Сталину это произведение под своей фамилией, чтобы получить амнистию.

Книга впервые опубликована в 1958 году, после освобождения и реабилитации Р. Штильмарка.

Действие романа разворачивается в конце XVIII века в Англии, Италии, Испании и морях Индийского океана. Пиратское судно во главе с одноглазым капитаном Бернардито Луисом Эль Гором захватывает корабль с наследником графского рода Фредриком Райлендом, который едет в Англию из Калькутты со своей невестой Эмилией... В романе в яркой художественной форме проявились все особенности приключенческого жанра: нераскрытые тайны, удивительные превращения, преследования, интриги и, наконец, торжество добра над злом.

Содержание

Вступление	5
Часть первая	14
1. Рукопись мистера Мортон	14
1	14
2	15
2. Люди, нужные королевству	34
1	34
2	36
3	40
4	41
5	44
6	46
3. Островитяне	51
1	51
2	53
3	54
4	55
5	57
6	58
4. Крестники Нептуна	61
1	61
2	62
3	63
4	65
5	67
6	70
5. Леопард и шакалы	73
1	73
2	74
3	79
4	81
5	86
6	91
6. Постоялец миссис Бингль	93
1	93
2	95
3	99
4	103
5	105
6	107
7. Клинок и кольчуга	109
1	109
2	112
3	114
4	114
5	117

6	120
8. Костер на ветру	124
1	124
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Роберт Штильмарк

Наследник из Калькутты

Вступление

Джентльмен и слуга

Горькая услада воспоминаний...
Альфред де Мюссе

Два человека осторожно шли каменистой тропой к небольшой бухте между скалами. Высокий горбоносый джентльмен в темно-зеленом плаще и треугольной шляпе шагал впереди. Из-под шляпы блестела серебром косица парика, туго перехваченная черной лентой, чтобы не растрепал ветер. Морские сапоги с поднятыми отворотами не мешали упругой поступи человека. Эту походку вырабатывал не паркет гостиных, а шаткий настил корабельной палубы.

Спутник человека в плаще, красивый юноша в кафтане грума, нес за ним подзорную трубу в черном футляре и охотничье ружье. Ствол ружья был из лучшей стали – «букетного дамаска»; гладко отполированный приклад украшали перламутровые инкрустации. Ремня и даже ременных ушек – антабок – у этого ружья не имелось: владельцу не было нужды таскать свое охотничье снаряжение на собственных плечах – он не выходил на охоту без оруженосца.

Полукружие открытой бухты окаймляли серые гранитные утесы. Рыбаки прозвали ее бухтой Старого Короля: зубчатая вершина срединного утеса напоминала корону. Над серо-зеленой, пахнущей йодом водой низко носились чайки. Утро выдалось пасмурное, накрапывал дождь. Летом такая погода была обычной здесь, в Северной Англии, на побережье Ирландского моря.

Первый выстрел отозвался эхом в пустынных скалах. Потревоженная стая чаек взмыла ввысь и с пронзительно резкими криками разлетелась врассыпную. Отдельными маленькими стайками птицы понеслись к соседним утесам и там, на другой стороне бухты, вновь стали снижаться. Джентльмен, очевидно, промахнулся: ни одна подстреленная птица не трепетала на вспененной воде.

– Ружье перезаряжено, ваша милость! – Молоденький грум протянул своему хозяину ружье, готовое к новому выстрелу; стрелок и его спутник уже достигли вершины невысокого утеса и смотрели вниз. – Птицы сейчас успокоятся и опять слетятся.

– Охота не бывает для меня удачной, если я промахнулся с первого выстрела, – отвечал джентльмен. – Пожалуй, наша прогулка нынче вообще бесполезна: ни одного паруса не видно на горизонте. Вероятно, и наш «Орион» отстаивается где-нибудь на якоре. Но все же я побуду здесь, послежу за горизонтом. Оставь ружье у себя, Антони. Подай подзорную трубу и подожди меня внизу, у лошадей.

Грум вручил господину футляр с раздвижной трубой и стал спускаться на тропу. Шорох осыпающихся из-под его ног камешков и шелест кустарника вскоре стихли внизу. Джентльмен остался на утесе один.

Под скалами беспокойно ворочалось море. Туча с океана, медлительно разрастаясь, кутала изломы побережья. Очертания дальних мысов и мелких островов постепенно скрывались в полосе дождя и тумана. Из-под этой низкой пелены возникали ряды бурых морских валов; берег раскрывал им навстречу каменные объятия заливов и бухт. Неторопливо взмахивая косматыми гривами, волны таранили подножие утеса.

Стоявшему на вершине человеку с подозрной трубой казалось, что сам утес, словно корабль, движется навстречу океанским валам, рассекая их каменной грудью, как форштевень судна. Порывы ветра рассеивали в воздухе тончайшую пыль соленых брызг, и она оседала на его жестких, курчавых бакенбардах. Не отрываясь глядел он на прибой и считал «девятые» валы, самые крупные и гривастые.

Разбившись об утес, волна откатывалась и до тех пор волочила за собою назад, в море, валуны и гравий, пока новый кипящий вал не подхватывал эти камни, чтобы опять швырнуть их к подножию скалы...

Мысли человека уже далеки от этой бухты, от серых утесов и чаек с пронзительными голосами; ничего не различает он вокруг, кроме сердитых косматых гребней. Под ним уже не скала! Ему вспоминается давно погибший корабль...

Снова, как встарь, стоит он, широко расставив ноги, у бушприта накренившегося, словно летящего по волнам судна. Ветер свистит в снастях, наполняя чуть зарифленные паруса... Воды теплого моря фосфоресцируют за бортом. Над мачтами, среди глубокой черноты ночного неба, он видит не трехзвездный пояс Ориона, а мерцающее золото Южного Креста. Он верил всегда, что среди светил этих двух красивейших созвездий северного и южного небосвода находится и его счастливая звезда, звезда его удачи!

Все дальше и дальше от английских берегов уносит человека призрачный корабль его воспоминаний...

...Третий месяц шхуна находится в плавании. После нескольких коротких остановок в незначительных портах и укромных бухтах западного побережья Африки шхуна обогнула мыс Доброй Надежды и, посетив южную часть Мадагаскара, углубилась в воды Индийского океана.

Капитан шхуны, одноглазый испанец Бернардито Луис эль Горра, набрал добрых молодцов для дальнего рейса. Сорок шесть матросов, татуированных с ног до головы, понюхавших пороху и знающих толк в погоде; старик боцман, прозванный за свирепость Бобом Акулой; помощник капитана Джакомо Грелли, заслуживший в абордажных схватках кличку Леопард Грелли, и, наконец, сам Бернардито, Одноглазый Дьявол, – таков был экипаж «Черной стрелы».

Уже больше двух недель прошло с того раннего утра, когда скалистое побережье с Игольным мысом¹, где в голубой беспредельности вечно спорят друг с другом воды двух океанов, растаяло на юго-западе за кормой шхуны, но еще ни одно неохраняемое торговое судно не повстречалось со шхуной в просторах Индийского океана.

– Кровь и гром! – ругался на баке Рыжий Пью, отшвырнув на палубу оловянную кружку. – Какого, спрашивается, дьявола затащил нас Бернардито на своей посудине в эту акулю преисподнюю? Испанские дублоны звенят, по-моему, не хуже, чем индийские рупии!

– Вот уже третий месяц я плаваю с вами, но еще ни один фартинг не западал за подкладку моих карманов! – подхватил собеседник Рыжего Пью, тощий верзила с золотой серьгой в ухе, прозванный командой Джекобом Скелетом. – Где же они, эти веселые желтые кружочки и красивые радужные бумажки? С чем я появлюсь в таверне «Соленый пудель», где сам Господь Бог получает свой пунш только за наличные? Я спрашиваю, где наша звонкая радость?

День близился к концу. Солнце стояло еще высоко, но скрывалось в туманном мареве. С утра капитан уменьшил порции воды и вина, выдаваемые команде. Томимые жаждой матросы работали вяло и хмуро. Влажный горячий воздух расслаблял людей. Легкий бриз от

¹ Мыс Игольный – самая южная оконечность Африканского материка.

берегов Мадагаскара наполнял паруса, но это дуновение было таким теплым, что и оно не освежало разгоряченных лиц и тел.

– Сядем, Джекоб. Здесь, под шлюпкой, прохладнее. Через полчаса начинается наша вахта, а горло сухое, точно я изжевал и проглотил Библию. Топор и виселица! Когда Черный Вудро был нашим боцманом, у него всегда находилась для меня лишняя пинта сухого арагонского.

– Потише, Пью! Говорят, капитан не любит, когда поминают Вудро или Джузеппе.

– Здесь нас никто не слышит.

– Скажи мне, Пью, верно ли толкуют ребята, что Вудро и Джузеппе протянули лапу за кожаным мешком Бернардито?

Рыжий Пью размазал жирной ладонью капли пота на медном лбу.

– Если бы эти старые волки остались в нашей стае, мы сейчас не болтались бы в этой индийской лоханке, как сухая пробка, и ни в чем не терпели бы нужды. Но, Джекоб, насчет кожаного мешка Бернардито я советую тебе до поры до времени помалкивать. У Бернардито длинные руки, и он умеет быстро спускать курок... Я-то больше года хожу на «Стреле» и видел этот мешок своими глазами, но разрази меня гром, если я сболтну о нем хоть словечко! А между тем я даже смотрел однажды в окно капитанской каюты, когда Одноглазый развязывал свой мешок...

Дуновение ветра качнуло шхуну, и в борт сильнее плеснула волна. Рыжий Пью умолк и огляделся вокруг.

– Послушай, Пью, вчера вечером Леопард Грелли, помощник капитана, подозвал меня потолковать кое о чем, – тихо сказал Джекоб. – Сдается мне, что и он недолюбливает Одноглазого. Грелли говорит, что Вудро и Джузеппе были настоящими парнями... Расскажи-ка мне, Пью, за что Бернардито высадил их на берег?

– В точности этого не знает никто, но кое-что я тебе открою. Только смотри держи язык за зубами, не то и Леопард не поможет: пошлет нас Бернардито на дно к индийскому черту да еще, пожалуй, рты позашивает! Одноглазый не знает пощады!

– Пусть мне придется всю жизнь пить козье молоко вместо джина, если я проболтаюсь!

– Так вот, Джекоб, перед началом этого рейса наша «Стрела» угодила в облаву...

– Об этом я слыхал. Ребята хвастают, будто «Стрела» подралась чуть ли не с целой эскадрой.

– Что? Хвастают? Ну, Скелет, ты, видно, еще не знаешь Одноглазого! Правда, с ним надо всегда держать ухо востро, потому что он и спит с пальцем на собачке, но уж моряк он – какого не сыщешь ни в одном королевском флоте, клянусь утробой!

– Отчего ж вы удрали?

– Отчего удрали? Хотел бы я посмотреть, как вот такой храбрец вроде тебя, Джекоб, подрался бы на нашей посудине с британским фрегатом и французским двухпалубным бригом! Эх и славное было дело! Только туман нас тогда и выручил. С дыркой в корме мы все-таки убрались от француза в узкую каталонскую бухту... Бернардито славно одурачил всех гончих собак от Крита до Гибралтара! Две недели они искали нас старательнее, чем трезвый матрос перед прилавком ищет затерявшийся в карманах пенс, но в зубах у них Одноглазый оставил только выбранный клочок шерсти да еще напоследок выдержал бой в проклятой бухте со сторожевым испанским корветом.

Воспоминания вызвали у Рыжего Пью прилив гордости. Повествуя, он размахивал руками перед лицом Джекоба. Тот невозмутимо сопел трубкой. Рассказчик заложил за щеку порцию жевательного табаку с бетелем² и продолжал:

² Б е т е л ь – ост-индское перечное растение; его листья, пряного вкуса, жуют.

– Вот тогда капитан и надумал совсем покинуть доброе Средиземное море и идти сюда, в индийские воды. А штурман Джузеппе Лорано и боцман Вудро Крейг не соглашались. Бернардито готовился ночью проскочить Гибралтар, а Вудро и Джузеппе стали подговаривать команду против него. У нас на шхуне было чем поживиться! В трюмах лежала неплохая добыча с греческого судна... И вот, когда «Стрела» бросила якорь в каталонской бухте и мы начали штопать корму, Бернардито собрал нас всех ночью на юте и сказал: «Добычу делить не будем!»

– И с таким капитаном ты ходишь больше года! Сакраменто! Да я бы...

– погоди ты, храбрец! Капитан сказал, что товар нужно продать в Португалии, на эти деньги подлатать шхуну, купить припасы и оснастить «Стрелу» в дальний рейс.

– Ну, а вы что же?

– Да, видишь, спорить с ним открыто еще никто не пробовал. Но в ту ночь Джузеппе Лорано и Черный Вудро задумали прикончить его тайком. А штурвальный Фернандо Диас, которого Бернардито когда-то спас от виселицы, раскрыл капитану их заговор. Бернардито хотел зарезать обоих, но ему помешал помощник, Леопард Грелли. Полночь уже близилась, а главари все еще бранились в капитанской каюте. Тут-то неожиданно и подкрался этот испанский сторожевой корвет. Началась жаркая потасовка при свете факелов...

– Испанец атаковал вас с кормы?

– Да, и капитан послал Вудро и Джузеппе в самую кашу, защищать кормовую брешь; он приказал Фернандо Диасу не спускать глаз с обоих, а к штурвалу поставил меня вместо Фернандо. Драка была волчья! Не скоро забудут испанцы «Черную стрелу»!.. Мы выскочили из бухты, но Вудро оторвало обе ступни, Джузеппе продырявило бок, а Фернандо заработал две раны. Меня тоже порядком оглушило залпом картечи.

– Эх, меня тогда не было с вами!.. Так чем же кончилось дело с теми двумя?

– Чем кончилось? Шли мы в темноте. До рассвета осталось немного, а нужно было еще проскочить форты Гибралтара и сторожевые суда. На борту было четверо раненых: Вудро, Джузеппе, Фернандо и еще мулат Энрико Рой. Капитан решил высадить раненых на берег, потому что на судне они все погибли бы: наш лекарь еще в прошлом бою достался рыбам. Леопард хотел выделить раненым их долю добычи, но капитан в этом отказал.

– Да будь я мертвецом – и то спросил бы с него свою долю!

– Возможно, с мертвецом он был бы сговорчивее, но живым отказал. Впрочем, среди раненых в сознании были только Фернандо и мулат Энрико. Джузеппе Лорано и Вудро Крейг лежали без памяти. Бернардито велел отнести раненого Фернандо Диаса к себе в каюту, вон в ту, около рубки, видишь? Ветер приподнял занавеску в окне каюты, и я видел, как Одноглазый высыпал из мешка алмазы в замшевых футлярах, выбрал самый большой и один поменьше и дал их Диасу. Я слышал, как Бернардито сказал: «Вот этот голубой алмаз с желтым пятнышком отвези в Грецию моей матери, чтобы она не терпела нужды, если я погибну, а второй камень возьми себе, Фернандо, и делай с ним, что хочешь!» Потом всех троих снесли в шлюпку, на весла сел мулат Энрико Рой, у него рана была не тяжела...

– Постой! Энрико Рой был, как говорят, дружкой Леопарда?

– Грелли держал его при себе вместо слуги, что ли. Он был обжора и лентяй, этот Энрико, скажу я тебе. Так вот, Грелли пошептался с ним, пока Одноглазый толковал с Фернандо, дал мулату пригоршню монет, и в крошечной тьме шлюпка пошла к испанскому берегу. Спаслись раненые или погибли, никто не знает. А нам повезло: утром, в тумане, шхуна проскочила пролив. Потом мы скрывались у берегов Португалии, чинились на Азорских, снаряжались в поход на марокканском побережье, где ты перебрался к нам с турецкой посудыны, и вот плаваем третий месяц, а что толку?

Стайка летучих рыб пронеслась на круглых, похожих на кружевные воротнички, крылышках над морской зыбью и с плеском снова погрузилась в пучину.

– Гроб и падаль! Смотри, Джекоб: вон его одноглазая светлость высунулся из каюты. Лихорадка свалила его с ног. Он пожелтел, как луидор, и сутками валяется на койке, пока мы до крови натираем себе ладони снастями. Того и гляди, сам дождетса холщового мешка и груза на грудь, а продолжает упрямиться, дьявол, не хочет уходить из этих проклятых вод, где зной – как в кузнечном горне... Но что это на горизонте? Ад и дьявол! Да там пожар!

В ту же минуту крик дозорного: «Пожар на горизонте, слева по корме!» – поднял на ноги всю команду. Полуголые, разукрашенные диковинными татуировками на руках и груди, в невообразимых головных уборах из обрывков материи, пальмовых листьев и даже из книжных страниц с библейскими текстами, матросы «Черной стрелы» высыпали на палубу.

На командном мостике показался Леопард Грелли с подозрительной трубой. Лишь одного капитана Бернардито тропическая лихорадка приковала к его висячей койке. Временами, почти теряя сознание от внутреннего жара, он, захлебываясь, плотал холодную воду, а через четверть часа содрогался от озноба, выстукивал зубами и с головой укутывался в шерстяные одеяла.

Леопард подал команду, и матросы, подгоняемые свистом боцмана, бросились к снастям. Шхуна, разворачиваясь под парусами, ложилась на обратный курс. Когда маневр поворота был закончен, шхуна двинулась короткими галсами к огню на горизонте и вскоре заметно приблизилась к месту пожара. Между тем над горизонтом росла черная туча, а столбик барометра в каюте капитана упал так низко, как Леопарду Грелли еще никогда не случалось видеть. Ветер стих, и паруса шхуны беспомощно обвисли. В быстро сгустившихся сумерках отчетливо и зловеще полыхал вдали пожар. Не один, а целых три гигантских костра поднимали к небу почти отвесные столбы пламени, искр и дыма. Очевидно, горели корабли недавно встреченного каравана.

Вскоре команда «Черной стрелы» отчетливо разглядела на фоне зарева два корабля, отделившихся, по-видимому, от каравана и развернувшихся навстречу шхуне. Ближайший из них, небольшая бригантина, находился от шхуны всего в пяти-шести кабельтовых³. Другой корабль, с оснасткой военного корвета, виднелся в полумиле⁴ позади первого.

Даже издали было заметно, что мачты корвета повреждены в бою, а паруса бригантины изодраны и потрепаны⁵. В тишине вечера доносился глухой гром артиллерийской канонады. Наступивший предгрозовый штиль заставил оба пострадавших судна, так же как и шхуну Бернардито, лечь в мертвый дрейф. Далекое зарево отбрасывало неподвижные черные тени трех кораблей на поверхность океана, а на луну уже надвинулась грозовая туча.

– Леопард чует добычу! – шепнул Пью своему другу Джекобу. – Будь я проклят, если он не ухитрится найти поживу и в чужой драке. Готовься к делу, старый кашалот! Наконец-то мы дождались настоящей работы!

Капитан Бернардито Луис эль Горра был опытным, отчаянно храбрым и беспощадно жестоким в бою пиратом. Быть может, во времена Кортеса или Писарро он вписал бы свое имя в кровавые страницы истории завоевания Мексики, Бразилии или Перу, но он родился в том веке, когда белые пятна на глобусе исчезали с быстротой тающего весной снега, а ост-индские, южноафриканские и прочие торговые компании, утвердив свою власть над захва-

³ Ка б е л ь т о в – морская мера длины: 185,2 метра.

⁴ М о р с к а я м и л я – 1852 метра.

⁵ О типах парусных кораблей, встречающихся в романе, можно найти сведения в морском словаре Лукашевича. Кратко: б р и г – двухмачтовое судно, торговое или военное; военный бриг вооружен двадцатью – тридцатью пушками; ш х у н а – торговое судно с числом мачт от двух до пяти, с косой парусной оснасткой; ф р е г а т – быстроходный, обычно трехмачтовый боевой корабль, на один класс ниже линейных кораблей; к о р в е т – небольшой трехмачтовый корабль с хорошей маневренностью, служил обычно для крейсерских целей и связи; к а р а в е л л а – небольшое судно, тип которого менялся с развитием парусного флота; б р и г а н т и н а – обычно двухмачтовое небольшое судно, часто употреблялось средиземноморскими пиратами.

ченными заокеанскими владениями, разбойничали в них под сенью государственных законов своих стран.

Бернардито нашел, что превращение крови и пота колониальных рабов в золото – дело кляузное и не очень почтенное. Прибыльнее и проще извлекать это золото непосредственно из купеческих карманов! Его шхуна с горсточкой отчаянных головорезов, которые никогда не заглядывали в будущее дальше чем на два ближайших часа, причинила в водах Средиземного и соседних морей такой ущерб купеческим судам, что за поимку корсара Бернардито одновременно взялись английские, французские, испанские и турецкие власти, не считая частных мореходных компаний и одиночных морских охотников за призами.

От всех своих многочисленных преследователей, которые, несомненно, изловили бы смелого пирата, если бы могли действовать согласно друг с другом, Бернардито ловко ускользал и теперь, проскочив под самым носом шаривших рядом военных судов, вел свою шхуну в дальний индийский рейс.

Но в этот раз боги удачи, казалось, лишили одноглазого капитана своих милостей. Еще перед началом рейса он впервые за свою богатую событиями жизнь обнаружил на судне заговор против себя. Кто-то действовал среди команды осторожно и настойчиво. Обезвредив заговорщиков, капитан потерял самого преданного матроса – Фернандо Диаса. Бернардито догадывался, что тайной пружиной неудавшегося заговора был не кто иной, как его помощник Леопард Грелли, человек, принятый на борт «Черной стрелы» года три назад. Теперь, пользуясь болезнью капитана, Джакомо Грелли, по-видимому, выжидал только удобного случая, чтобы самому стать главарем шайки и капитаном «Стрелы».

Очнувшись в своей каюте от тяжелого забытья, Бернардито приподнялся на локте. В каюте никого не было. За окном виднелась лишь спина матроса у штурвального колеса.

Бернардито нажал кнопку в стене. Из открывшегося тайничка он вынул кожаный мешок и выложил на одеяло более двух десятков замшевых футляров с драгоценными камнями. Пересчитав их, он убрал камни в мешок, закрыл тайник и позвал своего слугу. Никто не откликнулся.

– Грязные каналы! – пробормотал Бернардито сквозь зубы. – Педро! Где ты, Педро, сын свиньи и монаха! Ну погоди, я научу тебя орать «сакраменто»!

Но и великан Педро, телохранитель и слуга капитана, торчал на палубе, силясь разглядеть подробности сражения. Штурвальный тоже следил не за курсом, а глазел в сторону.

– Я приучу вас к порядку на корабле! – со злобой произнес Бернардито.

Он дотянулся до пистолета, висевшего у него в изголовье, и, не целясь, сбил выстрелом плетеный соломенный щиток с головы штурвального. На звук выстрела в каюту вбежал Леопард Грелли. Вместе с Педро он помог Одноглазому выбраться из каюты и подняться на мостик.

Выбравшись, капитан подкрепил себя глотком неразведенного ямайского рома и взял у Грелли трубу. От его единственного, но зоркого глаза не ускользнула ни одна подробность. События развернувшегося вдали боя, еще не понятые всей остальной командой, были им быстро разгаданы. Он догадался, что суда, замыкавшие англо-голландский караван, подверглись внезапному нападению двух вражеских – очевидно, французских или испанских – корветов, подкравшихся к ним под покровом низких предгрозовых туч.

Однако пушки сторожевых судов каравана успели открыть огонь и поджечь один из нападавших корветов. В завязавшей затем артиллерийской дуэли запылали и два купеческих судна. Наконец уцелевшему корвету противника удалось все же отрезать от каравана одну английскую бригантину, которой пришлось изменить курс и спасаться бегством. Двигалась она как раз навстречу пиратской шхуне.

Потрепанный корвет, выйдя из боя, пустился преследовать добычу, но потерял скорость из-за поврежденных парусов. Когда мертвый предгрозовой штиль остановил оба

судна, бригантина оказалась чуть ли не под боком у «Черной стрелы», но корвет далеко отстал от своей жертвы.

– Каррамба! Провалийся я еще час – и добыча, которая сама идет нам в руки, была бы потеряна! – заорал Бернардито. – Где были твои глаза, Грелли? Чего ждет чертов боцман, помесь старой обезьяны с кашалотом! Эй, люди! Спустить обе шлюпки! Посадить в каждую по двенадцать чертей – через полчаса они должны быть на бригантине. Грелли и Акула поведут эти шлюпки в бой. Остальным – убрать паруса и хорошенько закрепить пушки на палубе! Близится шторм, сто залпов боцману в поясницу! Торопитесь, дети горя!

Через несколько минут две шлюпки с вооруженными до зубов пиратами отвалили от шхуны и полетели к бригантине.

В это время Бернардито разглядел в трубу, что на корвете тоже спускают на воду три шлюпки. Очевидно, и капитан корвета решил атаковать бригантину. Но преимущество было на стороне людей Бернардито. Шлюпки «Черной стрелы», следуя в кильватере друг другу, уже прошли половину расстояния до бригантины.

Предгрозовой штиль, ровно катящиеся валы океанской мертвой зыби и далекое зарево, светившее нападающим, благоприятствовали атаке. Между тем шлюпки корвета еще только отвалили от борта своего корабля.

На бригантине, носившей имя «Офейра», заметили опасность, надвигавшуюся сразу с двух сторон. Две небольшие пушки, носовая и кормовая, составляли все вооружение этого корабля, пустившегося в далекое плавание под надежным конвоем. Когда шлюпка Грелли приблизилась к бригантине на один кабельтов, грянул орудийный выстрел, и чугунное ядро зарылось в воду позади шлюпки.

Грелли повернул к центру правого борта судна, а боцман Боб Акула приготовился атаковать бригантину слева. Обе шлюпки оказались вне обстрела корабельных пушек; залп из ружей и пистолетов, произведенный защитниками бригантины, убил одного и ранил двух матросов Леопарда Грелли. У самого Леопарда пулей сорвало шляпу.

Вот и борт корабля! Абордажные крючья вонзились в дерево обшивки. По свисающим снастям порванного в бою такелажа⁶ пираты Грелли мигом очутились на палубе. В то же мгновение через левый фальшборт, орудуя крючьями и веревочными лестницами, на «Офейру» ворвалась шайка Боба Акулы. В короткой схватке первыми пали капитан и другие офицеры «Офейры». Команда, лишившись начальников, разбежалась под натиском свирепых головорезов. Матросы искали спасения в тайниках судна, ломились в запертые двери, падали под выстрелами и ударами ножей.

Тем временем три шлюпки с корвета приближались к захваченному пиратами судну. Робкий рассвет уже позволял различить, что их командир одет в форму французского офицера.

Грелли, стоя на мостике «Офейры», готовил пиратов к новому бою. По его приказанию они перетаскивали обе пушки на правый борт бригантины и зарядили их картечью. Когда ближайшая шлюпка французов подошла на полкабельтова, не ожидая встретить бортового пушечного огня, грянул залп, точно накрывший цель. Шлюпка мгновенно затонула. Повторный залп произвел страшное опустошение на второй шлюпке: стоявший на корме офицер и половина матросов были убиты.

Экипажу третьей шлюпки осталось лишь подобрать из воды раненых товарищей и отступить под градом ружейных и пистолетных пуль, которыми пираты осыпали французов.

Грелли и боцман с пистолетами в руках преградили своим матросам доступ к дверям кают и салона: нужно было сначала отбуксировать «Офейру» к шхуне, так как французы

⁶ Т а к е л а ж – совокупность всех снастей, служащих для управления парусами.

– противник, несомненно, более сильный, чем кучка пиратов, овладевших бригантиной, – могли возобновить нападение.

Но буксировать бригантину с помощью шлюпок уже не было нужды: подувший утренний ветер принес первые капли грозового ливня и вместе с тем наполнил паруса бригантины. Матросы бросились к реям, сам Грелли взялся за штурвал, наступив на спину убитому штурвальному. Через четверть часа бригантина под торжествующие крики пиратов, забывших и о корвете, и о надвигающейся грозе, была пришвартована к грязному борту «Черной стрелы».

Морские разбойники, отбросив все предосторожности, ринулись с топорами к трюмам и каютам захваченного корабля...

Кают на бригантине было две: небольшая верхняя, рядом с помещением капитана, и просторная нижняя, расположенная в соседстве с маленьким, уютно обставленным салоном. «Офейра», очевидно, была оборудована для богатых пассажиров.

В верхней каюте, взломанной Бобом Акулой, не оказалось никого, зато нашлось много дорогой посуды, объемистых чемоданов и мужского платья. В помещении салона пираты нашли только четырех раненых матросов-индусов, которые тут же и были добиты.

Но когда Грелли, Рыжий Пью и Джекоб Скелет ударами топоров высадили дверь нижней каюты, из глубины ее грянул пистолетный выстрел. Пуля, оцарапав плечо Грелли, угодила в грудь Джекобу Скелету. Загораживая вход, он ничком свалился внутрь каюты.

Грелли выстрелил из двух пистолетов сразу и, переступив через труп, бросился в глубину каюты, наполнившейся едким пороховым дымом.

Навстречу пирату шагнул небольшого роста старик в завитом парике и старомодном камзоле с кружевным жабо и широкими брабантскими⁷ манжетами. Старик отбросил дымящийся пистолет и, выхватив из ножен шпагу, направил ее в грудь пирату. Грелли был бы неминуемо проколот насквозь, если бы Рыжий Пью с порога каюты не разрядил своего тяжелого пистолета в голову старика. Старый джентльмен рухнул на пол. Подхватив его шпагу, Грелли отдернул ею парчовую занавеску, отделявшую заднюю часть каюты, и... замер в изумлении: на кружевном покрывале постели лежала без чувств красивая молодая девушка. Препраждая доступ к ее ложу, у постели стоял высокий молодой человек с орлиным носом и короткими бачками у висков. Он спокойно поднял пистолет и спустил курок, но выстрела не последовало. Оружие дало осечку, и это снова спасло Грелли жизнь.

Ударом шпаги Грелли пронзил молодому джентльмену плечо. Тот, отступив на шаг, сохранил равновесие и, схватив отказавший пистолет за ствол, нанес пирату сильный удар рукоятью по голове. Грелли пошатнулся и упал на руки подоспевшим ему на помощь разбойникам «Черной стрелы».

– Ради бога, прекратите сопротивление, мистер Райленд, – раздался голос, исходивший, казалось, из-под кровати. И действительно, под складками полога, у ног высокого защитника юной леди, показалась голова пожилого лысого толстяка, нашедшего прибежище под кроватью, к великому удивлению не только пиратов, но и самого молодого джентльмена. – Умоляю вас, прекратите бесполезное сражение, дражайший сэр Фредрик!

– Ваше поведение недостойно джентльмена, мистер Томас Мортон! – гневно крикнул молодой человек, названный сэром Фредриком Райлендом.

Из плеча его сочилась кровь, но он выхватил шпагу и бросился на пиратов. Однако Грелли успел уже оправиться. Кто-то сунул ему в руку заряженный пистолет. Выстрел сотряс стены каюты. Грелли увидел, как лицо джентльмена побелело и как он упал под ноги пира-

⁷ Б р а б а н т – в XVIII веке провинция в Нидерландах; славился производством ручных кружев, изделия брабантских кружевниц ценятся и поныне.

там. Полдюжины подручных Леопарда, топча тело упавшего, кинулись к бесчувственной девушке, мгновенно завернули ее в одеяло и потащили в каюту Грелли на «Черной стреле». Туда же пираты поволокли насмерть перепуганного лысого толстяка... Грелли, шатаясь, вышел вслед за пиратами. На мокрой палубе он ухватился за леерную стойку и оглядел горизонт. С севера надвигалась черная стена урагана. Ветер уже рвал снасти, и страшный ливень низвергался на крыши палубных надстроек бригантины. Швартовы удерживали ее у борта пиратской шхуны. Со шхуны на бригантину был уже перекинут узкий трапик.

В море, всего на расстоянии мили, виднелся французский корвет. На нем спешно убрали последние паруса...

* * *

...К джентльмену с подзорной трубой, стоявшему на вершине утеса в бухте Старого Короля, снова подошел его слуга. Пораженный странным выражением лица своего хозяина, грум не сразу решился окликнуть его. Наконец он заговорил тихо и почтительно. Джентльмен вздрогнул и обернулся к юноше.

– Это ты, Антони? – пробормотал он, словно пробудившись от сна. Усилием воли он вернул себя от воспоминаний к действительности.

– Сэр Фредрик Райленд, – обратился к нему грум, – дома вас давно ожидают к завтраку. Вы собирались нынче посетить верфь мистера Паттерсона. Лошади оседланы, милорд...

Часть первая В добром старом Бультоне

1. Рукопись мистера Мортонa

*Se non e vero, e ben trovato*⁸.
Староитальянская поговорка

1

Эндрю Лоусон, сдававший «респектабельным приезжим» свой небольшой домик в порту, стоял в палисаднике и обрезал садовыми ножницами кусты жасмина. Старый пудель, заросший курчавой шерстью до самого кончика носа, лежал около куртины, искоса поглядывая на хозяина. Июльское солнце только что поднялось над островерхими крышами Бультона.

Скрип шагов на посыпанной морской галькой дорожке потревожил сладко задремавшего пуделя. Собака заворчала на незнакомого человека в одежде уличного торговца, остановившегося перед куртиной. За спиной у него висел небольшой дорожный мешок, в руках была палка.

— Могу ли я видеть мистера Лоусона? — с легким иностранным акцентом спросил пришелец. Но наружность его ничем не изобличала в нем чужеземца.

— Чем могу быть вам полезен? Мне еще трудноато держаться на ногах: я был болен и только сегодня встал с постели.

— Мне необходимо переговорить с глазу на глаз по чрезвычайно важному делу. Оно требует, чтобы наша встреча осталась в глубокой тайне...

Лоусон насупил седые брови:

— Я старый человек и не хотел бы вмешиваться ни в какие тайные дела. Кто вас направил ко мне, откуда вы сами?

— Меня зовут Роджерс. Я торговец. Торговец небогатый. Вчера я был у главы здешней юридической конторы, мистера Уильяма Томпсона. Он посоветовал обратиться к вам за нужными справками... Вы, мистер Лоусон, были оценщиком драгоценных камней в бультонской фирме покойного Натаниэля Гарди, не правда ли?

— Да, но с тех пор прошло почти четыре года. В конце 1768 года контора закрылась. Что же вам угодно от меня, мистер Роджерс? Вы можете говорить спокойно: кроме этого пуделя, здесь подслушивать некому!

— Мистер Лоусон, меня интересуют именно события шестьдесят восьмого года. Скажите, вела ли фирма Гарди торговлю драгоценностями со странами материка?

— Да, такие коммерческие операции были для нас обычными, но велись они главным образом через нашу контору в Портсмуте. Почему вас интересуют дела давно закрытой фирмы?

— Видите ли, я разыскиваю следы одного камня, похищенного в 1768 году у... у моих друзей. Эти поиски привели меня в Бультон. Я подозреваю, что похитители обосновались здесь. Одного из них я даже видел... Скажите, не проходил ли через ваши руки грубо шлифо-

⁸ Если это и неправда, то хорошо выдуманно.

ванный алмаз голубой воды размером... вот с этот галечник? Здесь, на нижней грани алмаза, было небольшое желтоватое пятнышко. Он мог стоять около четырех тысяч гиней. Вы не припомните такого камня?

Лоусон задумался и пристально поглядел на незнакомца:

– Этот алмаз я видел и оценивал. Если бы не пятно, он стоил бы дороже. Да, такой камень действительно прошел через мои руки, но его дальнейшая судьба осталась мне неизвестной. Приобрела ли его фирма, я не знаю.

Вспышка радости, озарившая было темные глаза незнакомца, погасла.

– В чьих руках находился тогда алмаз? – спросил он быстро.

– Этого я не имею права вам открыть.

– О черт! Но если я сам назову вам имя, вы подтвердите мою правоту? Вам предложил этот камень нынешний владелец портовой таверны «Чрево кита» мистер Вудро Крейг, не так ли?

Лоусон пожал плечами.

– Послушайте, мистер Лоусон, я открою вам больше того, что сказал. Сначала был украден голубой алмаз, а затем похитители овладели целым сокровищем из двадцати с лишним драгоценных камней! Вместе они стоили сказочные деньги – шестьдесят тысяч фунтов стерлингов! Быть может, открыв следы алмаза, я отыщу и другие. Имейте ко мне хоть немного доверия, скажите мне, что я не ошибаюсь: камень предлагал для продажи Вудро Крейг, не правда ли? Или... быть может, это сделал некий... скрытый сообщник Крейга? О, я знаю, кто является его сообщником! Это одно важное лицо в городе! Имя его – сэр...

– Эх, Роджерс, теперь послушайте-ка меня, старика. Одной ногой я уже стою в могиле и лучше других знаю, сколько грязи и крови прилипает к блестящим граням алмазов и бриллиантов. Тот камень давно прошел через мои руки, я не хочу тревожить прошлое и вмешивать живых в старые тайны. Пусть камень спокойно лежит себе на дне какого-нибудь сундука. Вам я тоже советую: забудьте его. Счастья вам этот камень не принесет!

– Мистер Лоусон, не боитесь ли вы бросить тень на имя ваших прежних хозяев? Уверю вас, оно останется незапятнанным. Скажите, неужели у покойного владельца фирмы не осталось наследников, которые дали бы вам право открыть мне все, что было известно фирме об этом камне?

– У мистера Гарди осталась дочь. К ней вы можете обратиться. Живет она в двенадцати милях от Бультона, в поместье Ченсфильд, и теперь ее имя леди Эмили Райленд.

На лбу у незнакомца выступил пот. Он отер его платком. При этом Лоусон разглядел, что на левой руке незнакомца нет безымянного пальца.

– Заклинаю вас именем Бога, – сказал торговец тихо, – молчите о нашей беседе. Одно неосторожное слово погубит и вас и меня!

2

Глава крупнейшей в Бультоне юридической конторы «Томпсон и сын», королевский адвокат и ученый сарджент⁹ мистер Уильям Томпсон сидел в своем домашнем кабинете и внимательно изучал разложенные на столе бумаги. Он так углубился в свои занятия, что не замечал, как его старый слуга время от времени подходил к столу и щипчиками снимал нагар с двух свечей, горевших в массивном шандале.

Бумаги, лежавшие перед доктором прав, могли поведать любопытному историю возникновения и деятельности «Северобританской коммерческой компании». Эта фирма с недавних пор стала важнейшим клиентом юридической конторы «Томпсон и сын». Доку-

⁹ С а р д ж е н т – высшая юридическая степень в Англии, доктор прав.

менты свидетельствовали о безупречном и блестящем состоянии дел компании. Коммерческий директор фирмы мистер Ральф Норвард издавна поддерживал с мистером Томпсоном дружеские отношения.

Адвокат знал, что инициатором и главным владельцем фирмы является важное новое лицо в городе: сэр Фредрик Джонатан Райленд. Этот титулованный дворянин только четыре года назад обосновался в Бультоне. Наделенный, по-видимому, недюжинной энергией и предприимчивостью, он недавно унаследовал родовое поместье Ченсфильд и титул виконта, но был явно не склонен ограничивать свои занятия одними традиционными дворянскими утехами – войной, охотой и злословием. Он сумел увлечь своими замыслами почтенного всеми уважаемого коммерсанта Норварда.

На деньги, вложенные в дело сэром Фредриком Райлендом, был пущен большой канатный завод, построена фабрика корабельной парусины, куплена и расширена «Бультонская суконная мануфактура», приобретены первые три корабля.

Помещенный в эти предприятия капитал уже через четыре года принес доход и позволил сэру Фредрику расширить свое небольшое земельное владение на севере Англии. На вновь приобретенных землях он начал новое доходное дело – тонкорунное овцеводство.

Все три корабля, совершая дальние рейсы, продолжали умножать доходы фирмы, а обширные цехи новых мануфактур уже поставляли тонкие сукна для офицерских мундиров королевской армии, грубую ткань для заокеанских колонистов, корабельные снасти и парусину. Выпущенные фирмой в весьма ограниченном количестве акции стояли высоко, и недавняя биржевая паника 1771–1772 годов не поколебала репутации «Северобританской компании».

Старый слуга отвлек своего господина от чтения бумаг.

– Мистер Сэмюэль Ленди и мистер Роберт Паттерсон, – доложил он, приоткрыв дверь.

Вытерев фуляровым платком вспотевшую от трудов лысину, мистер Томпсон снял с круглой подставки старомодный парик внушительных размеров, с длинными буклями, без косицы. Перед зеркалом мистер Томпсон водрузил парик на голову, отчего она сразу стала непомерно большой по сравнению с тщедушной фигурой. Это мощное украшение на голове придавало мистеру Уильяму сходство со львом, точнее, с тем курчавым домашним животным, которого тщеславные владельцы делают с помощью ножниц похожим на царя зверей.

Обоих джентльменов, прибывших для традиционной партии в карты, мистер Томпсон застал в гостиной в обществе своего сына Ричарда, совладельца конторы.

Раскрытый карточный стол с не стертыми еще записями результатов последнего крибиджа¹⁰ на зеленом сукне, цветными мелкими и круглыми щеточками, двумя нераспечатанными колодами карт и тяжелым бронзовым подсвечником посередине ожидал партнеров. Рядом, на маленьком столике у жарко пылающего камина, подогревался пунш в поместительном сосуде, напоминавшем бочонок с крышкой. В комнате уже распространялся соблазнительный аромат душистых специй. У столика хлопотал слуга, расставляя холодную говядину, сыр, устрицы и бисквиты.

Место отсутствующего друга дома, пастора Редлинга, занял за карточным столом мистер Томпсон-младший, двадцативосьмилетний джентльмен с очень аккуратной прической из собственных волос, как у Чарльза Грандисона, героя знаменитого романа. Все четыре джентльмена хранили за игрой молчание. Они презирали обычные присказки и словечки, сопровождающие карточную игру в менее избранном кругу, и изъяснялись жестами и любезными улыбками.

Но когда бочонок с крышкой наполовину опустел, а лица партнеров почти сравнялись с цветом напитка, беседа завязалась. От событий европейской войны, только что закончив-

¹⁰ К р и б е д ж – карточная игра, распространенная в XVIII веке.

шейся разделом Речи Посполитой между Россией и Пруссией, господа перешли на темы отечественной политики.

– Трудное время! Опасность растет, и нужны сильные руки, чтобы спасти кровные интересы Англии, – говорил банкир мистер Сэмюэль Ленди, человек лет пятидесяти пяти, в длиннополом, старинного покроя платье. – Мир колеблется, мы живем на вулкане. Америка – уже почти утраченная нами колония. Ее деятели, все эти Адамсы, Джефферсоны и Франклины, ведут открыто враждебную нам политику, и столкновение с драконом американской революции неизбежно. Это тем опаснее, что население Франции волнуется, ее нищие крестьяне бунтуют, города восстают, а Париж сделался столицей безбожных и возмутительных учений. Русская царица Екатерина с каждым годом расширяет свои владения и на юг и на запад. Флот ее уже разгромил могущество турок. Древняя Порта обречена. Это опасно... – Отхлебнув изрядный глоток, он продолжал: – Мировой котел кипит. Сейчас Англии нужны твердые, цепкие руки. Нужно успеть выхватить из этого котла самые жирные куски, пока их не схватили другие. Я не вижу твердости в действиях нашего правительства. Иногда приходится быть волком в овечьей шкуре, но нельзя быть овцой в шкуре волка. Это позор! Я говорю: нельзя дальше потакать американским колонистам. Мы можем окончательно потерять Америку.

Сын адвоката мистер Ричард Томпсон слушал старого банкира с плохо скрытым негодованием.

– Я нахожу, – произнес он решительно, – что наша политика в колониях воистину волчья. Колонисты в Америке сами желают быть хозяевами своей страны, которую наше правительство, лорды Бьютт и Гренвиль, стремятся связать по рукам и ногам.

Мистер Ленди нахмурился и только было хотел веско возразить горячему противнику лордов Бьютта и Гренвиля, как новое лицо вошло в гостиную. Это был опоздавший к партии в пикет викарий бультонского собора преподобный мистер Томас Редлинг. Свое опоздание господин викарий объяснил тем, что участвовал в семейном празднике у почетного прихожанина.

– Приятнейший день провел я сегодня у лорда Фредрика Райленда в его загородном доме! Два года назад Господь благословил молодую чету прекрасным первенцем. Это мой крестник, я нарек его Чарльзом. Сегодня супруги Райленд праздновали день рождения своего дитяти... Дорогой мой мистер Уильям! Сэр Фредрик просил передать вам пожелание доброго здоровья.

К удивлению пастора, хозяин довольно сухо принял его слова:

– Интересы «Северобританской компании», принадлежащей на девять десятых мистеру Райленду, я защищаю уже в течение трех лет, но эта деловая сторона пока не побудила ни меня, ни моего знатного клиента к личному знакомству. Отношения с компанией я поддерживаю через ее коммерческого директора, моего друга мистера Норварда.

С этими словами мистер Томпсон поднял бокал, сощурил веки и стал рассматривать сквозь налитое в сосуд вино пламя углей в камине. Пастор Редлинг поперхнулся и умолк. Наступило неловкое молчание.

– Мистер Томпсон! – заговорил судостроитель Паттерсон, до сих пор молчавший. – Здесь собрались старые друзья вашего дома. Быть может, вы наконец поведаете нам о тех подводных рифах между вами и сэром Фредриком, которые так заметны вашим друзьям?

– Мистер Паттерсон удивительно точно предвосхитил мою мысль! – воскликнул Ленди. – Появление лорда Райленда в нашем городе вызвало много толков благодаря трагическим обстоятельствам, омрачившим его переезд из Индии в Европу. О них, помнится, писали газеты, но очень скупно.

– Я знаю его не первый год, джентльмены, – продолжал Паттерсон. – Моя верфь выстроила для компании две шхуны – «Глорию» и «Доротею» – и бриг «Орион», а ныне

работает над четвертым заказом. Это будет лучший корабль, когда-либо выходивший из английских верфей. Сотрудничать с этим джентльменом приятно: у него смелая натура и широкий размах. Однако сознаюсь: и для меня этот замкнутый человек и его молчаливая супруга с ее печальным взглядом – до сих пор наполовину загадка!

– Дорогой мистер Паттерсон и вы, мой старый друг Сэмюэль, – несколько патетически произнес мистер Томпсон, – я охотно исполню ваше желание, но для этого я должен просить разрешения Ричарда огласить одну подробность, известную пока лишь нам, родителям Ричарда.

При этом Томпсон-старший бросил вопрошающий взгляд на своего наследника. Тот утвердительно кивнул и добавил:

– Я надеюсь на честь наших друзей, отец. Эта семейная тайна не должна стать достоянием молвы...

Джентльмены склонили головы в знак согласия, а господин викарий даже возвел руки горе. Впрочем, ему, как священнику, эта интимная подробность была уже известна. Он знал, что сэр Фредрик Райленд отбил невесту у мистера Ричарда, но как и при каких обстоятельствах совершилось это прискорбное событие, ему самому не терпелось послушать.

– В таком случае, джентльмены, вы сейчас услышите одну из удивительных современных трагедий. Она сделала бы честь Друри-Лейнскому театру¹¹, попадись она в старину под перо Марлоу или Шекспира. Разрешите огласить вам интересный документ, врученный мне для сохранения. Автор, предоставив документ в мое распоряжение, разрешил его огласку в тех пределах, какие я сам счел бы уместными.

С этими словами королевский адвокат направился в свой кабинет и вернулся с тетрадью, переплетенной в коричневую тисненую кожу. Надев очки, старый джентльмен приступил к чтению.

«Возлюбленной моей дочери Мери от ее отца, Томаса Мортон, атерни¹² калькуттской нотариальной конторы «Ноэль-Абрагамс и Мохандас Маджарами».

Моя дорогая дочь!

Тетрадь эта содержит подлинные путевые записки, начатые мною в Калькутте и оконченные в Бультоне сего декабря 20-го дня года 1768-го. С неустанной мыслью о тебе и горячими молитвами о ниспослании мне радости скорее обнять мою любимую дочь приступал я перед отъездом к этим запискам и потом продолжал их в пути, глотая слезы отчаяния и горя. Сохрани эту тетрадь, где запечатлены обстоятельства гибели нашего судна, а также подробности нашего пленения и спасения. Волею всевышнего лишь я и два моих спутника пережили эти грозные события. Имена же бесчисленных погибших – ты, господи, веши! *In sancti martyris sanguis – est salus tuus, Britfnnia!*¹³

*Томас Мортон, солиситор*¹⁴.

Калькутта, 19 февраля 1768 года.

Решение мое оставить Калькутту и переехать навсегда в Европу побудило моих шефов, мистера Заломона Ноэль-Абрагамса и мистера

¹¹ Театр «Друри-Лейн» – самый известный в Лондоне, с классическим репертуаром.

¹² Атерни – член английской корпорации юристов.

¹³ «В крови святых мучеников – суть спасение твое, Британия!» (лат.)

¹⁴ Солиситор – низшее юридическое звание в старой Англии.

Маджарами, поручить мне два дела в Англии, по исполнению которых я могу считать себя свободным от службы и жить уже без деловых забот на свои сбережения и небольшую пенсию. Я горячо надеюсь найти себе кров в родном Портсмуте, оставленном мною ровно сорок лет назад, когда я был десятилетним мальчиком. Там, в Портсмуте, ждет меня дочь Мери, отправленная в Англию двенадцать лет назад, когда я лишился своей незабвенной супруги, племянницы мистера Маджарами.

Оба порученных мне дела связаны с конторой «Уильям Томпсон и сын» в Бультоне, имеющей репутацию одной из самых солидных юридических контор в метрополии.

Первое поручение касается введения в наследство эсквайра Фредрика Джонатана Райленда, клиента нашей калькуттской конторы.

Дальние предки мистера Райленда были выходцами из Нидерландов, состоя по женской линии в родстве с Оранским домом. При Вильгельме III Оранском¹⁵ мистер Френсис Райленд получил за свои заслуги перед английским престолом титул виконта и небольшое бультонское поместье Ченсфильд.

Сын первого виконта Ченсфильда, Генри Райленд, поддавшись уговорам своего знатного соседа маркиза Блендхилла, яростного сторонника партии тори, принял участие в заговоре против короля Георга I и, лишенный пэрского достоинства, окончил свои дни в ченсфильдской ссылке. До недавнего времени поместьем Ченсфильд владел сын опального сэра Генри – сэр Эдуард Райленд. Младший его брат, офицер королевских войск Уильям Майкл Райленд, уехал в Индию, в Калькутту, где у него в 1742 году родился сын Фредрик Джонатан.

Мистер Фредрик рано лишился своих родителей, и опекуном его стал мой отец, служивший юристом той же нотариальной конторы, куда впоследствии поступил и я. По окончании английского колледжа в Мадрасе молодой мистер Райленд совершил несколько морских экспедиций в качестве младшего помощника капитана, обнаружив хорошие познания в астрономии и навигации.

В 1763 году мистер Фредрик Райленд уехал в Европу и навестил в Лондоне своего дядю, сэра Эдуарда, виконта Ченсфильда, владевшего бультонским поместьем. Бездетный вдовец, сэр Эдуард, возненавидевший Ченсфильд – место ссылки своего отца, – жил в британской столице, ведя довольно рассеянный образ жизни, беспечно предоставив управление поместьем мистеру Монтегю Уэнту. Запущенное поместье давало мало дохода. Сэр Эдуард принял племянника довольно холодно, и тот вернулся в 1767 году назад в Индию, где увлекся научными занятиями и провел несколько месяцев с исследовательскими целями в глухих индийских джунглях.

В конце 1767 года мистер Эдуард скончался. Племянник его, сэр Фредрик Райленд, унаследовал небольшой капитал и разоренное бультонское поместье. К нему должен перейти и титул виконта Ченсфильда, если права на него, весьма мало интересовавшие сэра Эдуарда, не безнадежно утрачены.

¹⁵ Вильгельм III Оранский – король Англии, правил страной с 1688 по 1702 год.

Бультонская контора «Томпсон и сын», клиентом коей состоял сэр Эдуард, обратилась к нашей для розыска наследника. Бумаги сэра Фредрика хранились у моих шефов, и, учитывая мое желание навсегда вернуться в Англию, они выдали мне доверенность на производство всех формальностей, связанных с введением сэра Фредрика в права наследства.

Второе поручение моих шефов заключается в ликвидации дел и имущества небольшой бенгальской торговой фирмы «Гарди и Демюрье», по решению единственного ее владельца, мистера Натаниэля Гарди. Мистер Гарди родился в Бультоне, но большую часть жизни провел в Индии, где вместе с французским инженером месье Демюрье приобрел серебряный рудник в Бенгалии. От брака мистера Гарди с дочерью его компаньона родилась в 1749 году девочка, окрещенная по католическому обряду. По настоянию матери она воспитывалась в одном из аббатств во Франции, где и прожила до восемнадцати лет. В 1767 году она совершила путешествие в Калькутту к родителям, но уже не застала в живых своей матери. Лишившись супруги, а также своего компаньона, мистер Гарди, подобно мне, ощутил глубокую тоску по доброй старой Англии. Он продал рудник и решил закрыть свои небольшие конторы в Бультоне и Портсмуте. Все предварительные хлопоты по его делам приняла на себя наша контора, поручив их мне.

Сейчас, когда я пишу эти строки, мистер Гарди со своей единственной дочерью Эмилией, так же как и наследник сэра Эдуарда мистер Фредрик Райленд, будущий виконт Ченсфильд, деятельно готовятся к дальнему пути. Приготовления их, равно как и мои, уже близятся к концу. Большой караван судов выходит в море из Калькутты в начале марта. Мною уже куплены две каюты на английской бригантине «Офейра»: одна предназначена для мистера Райленда и меня, вторая – для мистера Гарди и мисс Эмили. Мистер Гарди – сама доброта. Он очень любезен и называет меня своим гувернером. Увидеть его дочь мне еще не представилось случая.

Порт Калькутта, 3 марта 1768 года.

Итак, оба трюма «Офейры» приняли последние тонны груза. Бригантина доставит в Европу весьма ценные товары – дорогие краски для тканей, благородные металлы в слитках, самоцветные камни для ювелиров Голландии, шелка для отечественных модниц и лекарственные средства для аптекарей Европы. Большая и самая ценная часть груза – серебро в слитках и прекрасные самоцветы – принадлежит мистеру Гарди.

Пассажиры уже заняли свои места в каютах. Бригантина так мала, что нам придется обходиться услугами команды – собственную прислугу негде поместить. Мисс Эмили, дочь мистера Гарди, поистине очаровательная молодая леди! Кажется, того же мнения придерживается и мистер Райленд. Впрочем, мой клиент неразговорчив и не особенно учтив со мною.

Завтра на рассвете мы снимаемся с якоря. Другие суда нашего каравана грузятся неподалеку. Вооруженные конвойные суда уже ожидают на океанском рейде. Караван состоит из восьми торговых и четырех охраняющих кораблей. Вооружены и торговые суда – на нашей бригантине я видел две медные пушки. Да хранит нас Всевышний в дальнем пути!

Бенгальский залив. Борт «Офейры», 5 марта.

Сегодня мы простились с устьем священного Ганга. Второй день мы находимся в плавании, и величаясь дельта реки, низменное побережье с пышной зеленью и массивными пагодами уже исчезают на горизонте. Океан спокоен, путешествие идет пока очень приятно. Караван держит курс на Мадрас.

Впереди движется стопушечный трехпалубный корабль «Хемпшир», прибывший в наши воды из Вест-Индии. Он направляется в Плимут – значит, до конца рейса мы пойдем под его надежной охраной. Два легких фрегата защищают фланги каравана, один корвет замыкает строй судов. Наша бригантина следует в хвосте каравана, под охраной пушек корвета.

Весь вчерашний день я провел на палубе в беседе с мистером Гарди, о котором навсегда сохраню самые приятные воспоминания. Мой собеседник обрадовал меня известием, что глава бультонской юридической конторы господин Томпсон-старший и сам мистер Гарди – не только земляки, но и школьные товарищи. Между ними существует даже дальнейшее родство. В течение последних тридцати лет старики поддерживали переписку, находясь в разных частях земного шара. В ней приняли участие и дети, после того как мистер Гарди прислал старому другу свой акварельный портрет, на котором он изображен вместе с дочерью. Вскоре отец и дочь получили в ответ изображение мистера Уильяма Томпсона с его сыном Ричардом. Молодые люди понравились друг другу на расстоянии, и родители считают их помолвку, официально еще не оглашенную из-за различия вероисповеданий, делом окончательно решенным. Предстоящий брак Ричарда с мисс Эмили – тоже одна из причин, побудивших мистера Гарди поторопиться с отъездом в Англию.

Молодой Фредрик Райленд ухитрился достать из воды и преподнести мисс Эмили последний цветок лотоса в устье Ганга. Пока мы беседовали с мистером Гарди, сэр Фредрик и наш любезный капитан посвящали мисс Эмили в тайны мореходного искусства. Сэр Фредрик Райленд очень спокойный, уверенный в себе человек. Держится он с большим достоинством. Лицо его приветливо, черты отличаются благородством. У него красивый орлиный нос, темные волосы...»

– Здесь, в этом месте, тетрадь несколько пострадала. В ней много подмоченных страниц, кое-где строчки почти смыты, – прервал чтение мистер Томпсон.

– Мне кажется, что пострадал всего лишь услужливый панегирик мистеру Райленду. Мне эта потеря не представляется вознаградимой, – брюзгливо произнес мистер Ленди. – Просим вас читать далее, где текст отчетливее.

Мистер Томпсон продолжал:

– «...носит короткие баки. На корабле почти нет таких работ, с которыми он не мог бы справиться. В то же время его ученость и знание индийских народов с их таинственным магическим искусством делают его неоценимым собеседником, когда он изволит нарушать свою необщительность.

Бенгальский залив, 17 марта.

Двое суток мы простояли на рейде в Мадрасе, не сходя на берег: в городе свирепствует оспа. Приближаемся к берегам Цейлона. Нас

задерживают сложные маневры с большим количеством судов. Поэтому мы двигаемся несколько медленнее, чем одиночные корабли.

Порт Коломбо, Цейлон, 25 марта.

Плавание идет благополучно. Миновали пролив и любуемся сказочными красотами Цейлона.

Если бы я владел пером, как поэт, то посвятил бы Цейлону большую поэму. Меня всегда удивляло, почему люди селятся в пустынях и среди скал, когда есть такие райские места на свете, как Цейлон, где население не отличается особенной плотностью.

Борт «Офейры», безбрежный океан, 3 апреля.

Ровно месяц, как мы с сэром Фредриком делим эту каюту, но я знаю его так же мало, как в день нашего знакомства.

Впрочем, в присутствии мисс Гарди он не только блистательно учтив, но и становится весьма щедрым на рассказы и остроумные шутки. С наступлением темноты он развлекал вчера отца и дочь объяснениями искусства кораблевождения по небесным светилам. Лицо мисс Гарди с большими, выразительными глазами, устремленными во время его объяснений к звездному небу, было так прекрасно, что в голосе сэра Фредрика появились новые, несвойственные ему мягкие нотки. Молодая леди слушала как зачарованная, и это вдохновляло рассказчика. Она сама много путешествовала, и вопросы, которые она задавала, свидетельствовали о ее наблюдательности и живом уме.

Борт «Офейры», 6 апреля.

Если бы не календарь, где я вечерами зачеркиваю дни, то я утратил бы счет совершенно одинаковым суткам. Они начинаются и кончаются однообразным перезвоном корабельных склянок¹⁶; эти звуки сопровождают все события нашей корабельной жизни.

Сегодня на западе исчезли очертания Мальдивских островов. Попутный ветер благоприятствует плаванию, и скорость движения удвоилась. Теперь мы делаем в среднем пять-шесть узлов¹⁷, что составляет в сутки до ста сорока миль. Мистер Райленд находит, что это хороший ход для большого каравана. Своего соседа я почти не вижу в каюте. Он проводит целые дни на палубе или в нижней каюте, в обществе мистера и мисс Гарди. Судя по взглядам, которыми мисс Эмили встречает каждое его появление, я боюсь, как бы мистеру Ричарду Томпсону не пришлось впоследствии жалеть о своем отсутствии на борту в эти дни!

Борт «Офейры», 10 апреля.

Кругом открытое море. Через несколько суток бросим якорь у острова Иль-де-Франс, или, как его еще называют, острова Маврикия. Мы уже на широте южной оконечности Мадагаскара. Очень сильная жара.

¹⁶ Б и т ь с к л я н к и – бить в корабельный колокол; склянки бьют через каждые полчаса; один двойной удар означает один час, полуудар – полчаса; вахтенный следит за временем по песочным часам – склянкам.

¹⁷ У з е л – мера скорости судна, равна одной миле (1852 м) в час.

Борт «Офейры», 12 апреля.

Дни эти кажутся мне бесконечными, но мисс Эмили в моем присутствии пожаловалась отцу, что время летит со сказочной быстротой. Бедный мистер Ричард!

Борт «Офейры», 16 апреля.

Вчера у острова Маврикия пополнили запас пресной воды. Ее доставили в бочках с помощью шлюпок. Суда стояли несколько часов на открытом рейде, в миле от холмистого острова. Сэр Фредрик и мисс Гарди побывали на берегу и посетили французского губернатора острова. Ночь была душная, с каким-то горячим маревом испарений, и звезды мерцали необыкновенно сильно. Сэр Фредрик говорит, что это предвещает непогоду. Мисс Гарди задержала вечером при расставании с ним свою руку в его руке. О моя молодость, как ты далека!

Борт «Офейры» 18 апреля, вечером.

По предсказанию капитана, близится шторм; барометр падает. Духота нестерпима. Дует горячий северо-восточный ветер. Мистер Райленд называет его бейдевиндом по отношению к нашему курсу. От острова Маврикия и еще каких-то небольших островов того же архипелага нас отделяют уже триста миль. Держим курс на южную оконечность Африки; приближаемся к водам Мадагаскара.

Час назад на горизонте замечены паруса двух неизвестных кораблей. Скоро они пропали из виду, так как видимость уменьшилась из-за туч. Утром, далеко на севере, прошла какая-то встречная шхуна. Флаг ее различить не удалось.

Мисс Эмили взволнована и не замечает никого и ничего вокруг. По-видимому, ее отношение к мистеру Ричарду было наивной, почерпнутой из модных чувствительных книг «возвышенной склонностью». Встреча же с мистером Райлендом впервые разбудила в ее сердце настоящую женскую любовь. Это понимает и сам мистер Гарди, который очень смущен и сбит с толку неожиданными обстоятельствами, угрожающими спутать все его давно взлелеянные планы. Но разве нынче дети нашего плачевного века поступают согласно помыслам родителей? Впрочем, мистер Гарди не может не отдавать должное уму, талантам и безупречному поведению сэра Фредрика Райленда. Да и следует ли забывать, что он все же «сэр», а может быть, и «милорд»¹⁸ и имеет блестящую будущность на родине своих предков!

Покамест же дай бог нам всем благополучно перенести штормы и прочие трудности пути и ступить здоровыми на землю нашей родины...»

— Дальнейший текст на протяжении нескольких страниц очень неразборчив, — поднял на слушателей глаза мистер Томпсон. — Но так как именно последующие страницы, покрытые кляксами и помарками, содержат описание наиболее драматических событий этого несчастного плавания, я приложу все усилия, чтобы все же прочесть вам эти места, ибо они делают честь лучшим чувствам автора... Френсис, добавьте еще свечей!

¹⁸ С э р – в соединении с именем – титул дворянина, рыцаря или баронета; слово «сэр» служит также как обращение нижестоящих лиц к вышестоящим, в частности детей к отцу; м и л о р д – обращение к лицам, имеющим лордское достоинство (бароны, виконты, графы и герцоги).

«Борт французского военного корвета «Бургундия», 24 апреля 1768 года.

О моя возлюбленная дочь! Перо не в силах описать все ужасы, пережитые твоим несчастным отцом за эти злополучные дни! Руки дрожат, и я с трудом держу плохо очиненное перо. Но я собрался с силами, чтобы запечатлеть в этой тетради страшную картину гибели нашего корабля. Боже, помилуй мою скорбящую душу и прости мне мои тяжкие прегрешения, вольные и невольные. Наверно, чистые молитвы моей дочери спасли мне жизнь, которую я отныне готов посвятить молитве за вечное упокоение погибших друзей! Аминь!

Вечером 18 апреля, усыпленный мерным покачиванием судна и невыносимым зноем, я крепко уснул в каюте. В это время к хвосту нашего каравана подкрались французские узники¹⁹ и пытались отрезать два наших торговых судна.

Однако сопровождавший нас корвет развернулся бортом к одному из вражеских кораблей и дал по нему залп ядрами и брандскугелями²⁰ из всех своих бортовых пушек. Этот страшный залп показался мне сквозь сон оглушительным раскатом грома и заставил мигом вскочить с постели.

Когда спросонок, ничего еще не понимая, я вы бежал на палубу, то увидел пороховой дым и объятый пламенем корабль противника, он шел прямо на нас! Ночь озарялась огнем пожара и поминутными вспышками пушечных залпов. Смелым маневром «Офейра» увернулась от смертоносного сближения. Тогда горящий корабль, как зверь в предсмертном прыжке, двинулся на корвет, охранявший тыл каравана и причинивший врагу столь тяжелый ущерб. Пылающий корабль с разгона протаранил ему корму; мачты и такелаж, охваченные огнем, при ударе обрушились на корвет, и он тоже вспыхнул подобно факелу.

Между тем второй из нападавших кораблей, французский корвет «Бургундия», успел подбить и поджечь охранявший нас легкий фрегат и, пустившись наперерез «Офейре», стал осыпать ее пушечными ядрами, отсекая нас от каравана. Ядра со свистом проносились над палубой, рвали паруса и ломали реи.

Вдруг у фальшборта упала с шипением чугунная бомба, начиненная порохом. Она вертелась, как волчок, и короткий фитиль, раздуваемый ветром, ярко тлел в темноте. Команда бросилась бежать. В эту минуту чья-то высокая фигура метнулась к бомбе. Ударив по ней орудийным банником, человек загнал бомбу в промежутки между двумя кнехтами и остановил ее вращение. Затем он наклонился, схватил страшный предмет руками и, перенеся через фальшборт, выбросил бомбу в море. Дружный вздох облегчения вырвался у всех. Когда человек повернулся к нам, я узнал в нем сэра Фредрика Райленда, опоясанного перевязью шпаги. Сэр Фредрик спокойно отыскал на палубе брошенный им пистолет, сунул его за пояс и отошел в сторону.

Наша бригантина, поставив все уцелевшие паруса, стала уходить из-под обстрела в темноту ночи, рассчитывая вернуться затем под охрану

¹⁹ П р и з о н е р ы – «охотники за призами», то есть корабли, занимающиеся охотой за торговыми судами других стран.

²⁰ Б р а н д с к у г е л и – зажигательные снаряды.

пушек «Хемпшира», лишённого сейчас возможности маневрировать из-за тесно сбившихся вокруг него кораблей каравана. Они в беспорядке жались к его бортам, словно цыплята к наседке при нападении коршуна. Вражеский корвет «Бургундия», мачты которого были сильно повреждены в бою, пустился нас преследовать, но стал быстро отставать. Казалось, мы спасены.

Тут я заметил и мистера Гарди, тоже вооружённого пистолетом и шпагой; он поддерживал под руку мисс Эмили, вышедшую из своей каюты, чтобы помочь перевязать раненых. Мисс Эмили с тревогой искала кого-то глазами на палубе и успокоилась, лишь когда увидела сэра Фредрика. Он, в свою очередь, сбежал с мостика, где беседовал с офицерами, и, прижимая ее руку к губам, просил девушку удалиться в каюту, пока опасность не миновала окончательно.

Мистер Гарди рассказал ей про эпизод с бомбой. Она побледнела и, казалось, едва устояла на ногах, но овладела собою и одна пошла к маленькому салону, где корабельный цирюльник, исполнявший также обязанности лекаря, уже возился с ранеными.

Вдруг впереди по курсу, словно зловещий призрак, вырос силуэт длинной черной шхуны. Наступило полное безветрие, корабли стояли неподвижно, вдали еще пылал пожар и раздавались орудийные выстрелы, – это сами собою стреляли раскаленные пушки, оставшиеся заряженными на брошенных горящих судах.

Со шхуны спустили две шлюпки. Они быстро полетели к нам.

«Пираты! – мелькнуло у меня в мозгу. – Мы попали в засаду!»

Объятый ужасом, я бросился в нижнюю каюту. Оставаться одному в верхней каюте было слишком опасно. Я бежал, прижав к груди кожаный мешок с моими сбережениями и документами, и – признаюсь тебе, дочка, – решил спрятаться под широкую кровать мисс Эмили, скрытую за занавеской.

Вскоре в каюту вошли мисс Гарди и сэр Фредрик Райленд, и я оказался невольным слушателем их краткого объяснения. Очень скоро слова «Эмили!», «Фред!» потонули во вздохах и поцелуях.

Когда дверь каюты снова приоткрылась и впустила отца, голова девушки лежала у джентльмена на груди, и джентльмен прижимал эту голову к губам. При виде отца сэр Фредрик выпустил девушку из объятий и за руку подвел ее к мистеру Гарди.

«Сэр, – взволнованно заговорил молодой человек, – сэр, мы с Эмили навсегда полюбили друг друга. Позвольте мне идти сражаться за наше общее будущее, ибо иначе мне придется искать в этом бою только смерти!»

«Да благословит вас бог, дети!» – отвечал старый Гарди.

Мисс Эмили сняла с груди и повесила на шею сэру Фредрику старинный золотой католический образок, и молодой человек, еще раз прижав к груди будущую жену свою, поспешил на палубу, где уже грянул первый выстрел нашей корабельной пушки. Снедаемый тревогой и страхом, я неподвижно лежал в своем тесном убежище, прислушиваясь к залпам, звериному крику злобных исчадий ада и к шуму рукопашной схватки, закипевшей над нашими головами. В наступившей затем тишине в дверь каюты тихо постучали. Вошел сэр Фредрик, камзол его был залит кровью, лицо почернело от порохового дыма.

Вместе с мистером Гарди они заперли дверь, перезарядили пистолеты и попробовали шпаги. Добрый мистер Гарди осведомился о моей участи, и сэр Фредрик Райленд выразил предположение, что я укрылся где-нибудь в трюме.

Судно наше, находившееся уже во власти пиратов, куда-то двигалось. Мисс Эмили, упав на свою постель за занавеской, горячо молилась. Тем временем наверху опять возобновились выстрелы, и мистер Райленд объяснил, что началось сражение между пиратами и экипажами французских шлюпок. Бой этот был коротким – пираты заставили французов отступить.

Вскоре сквозь окно каюты спутники мои увидели приближающийся борт пиратской шхуны. Дикие, торжествующие крики раздались над нами. Я ощутил толчок и услышал топот ног по всему кораблю.

От ужаса я был близок к обмороку и уже не питал никакой надежды! Дверь затрещала, и озверелые лица грабителей появились в дверях. Мисс Эмили вскрикнула и лишилась чувств, сэр Фредрик Райленд заслонил ее своим телом, а мистер Гарди выстрелил навстречу нападающим. Он сразил одну из этих бестий, но в тот же миг сам пал мертвым под их выстрелами...»

– По-видимому, – прервал чтение мистер Томпсон, – при описании этой драматической сцены к автору вернулось чувство самообладания. Здесь, в тетради, вырвано несколько страниц, переписанных автором, очевидно, наново, так как все дальнейшее начертано довольно твердой рукой и достаточно разборчиво. Даже цвет чернил стал темнее и отчетливее. Мне уже не нужно так отчаянно напрягать зрение. Френсис, вы можете убрать лишние свечи. Итак, я продолжаю.

«Мистер Фредрик сражался, как лев, и каюта наполнилась мертвыми телами. Я выбрался из-под кровати и, воодушевленный примером такого мужества, схватил шпагу и бросился ему на помощь. Мы вытеснили нападавших из каюты и забаррикадировали дверь. Нас оставили в покое, так как французский корвет успел подойти к месту боя и открыть огонь по шхуне и пришвартованной к ней бригадине.

Оба судна загорелись от brandсугелей и бомб корвета, пираты бросались в воду и гибли под выстрелами. Заслуженная кара постигла всех негодяев до единого, ни одного французы не оставили в живых.

Когда пламя забушевало уже рядом с нашей каютой, мы вышли из нашего убежища и стали подавать сигналы. Последняя шлюпка французов как раз готовилась отвалить.

Сэр Фредрик вынес бесчувственную Эмили из каюты, я же спас самые необходимые документы, деньги, не забыв и эту тетрадь. Через десять минут нас доставили на борт корвета «Бургундия», где отвели небольшое помещение на корме, скупо освещенное одним иллюминатором, расположенным над самой ватерлинией. Здесь мы положили мисс Эмили, еще не очнувшуюся от обморока, и вернулись на палубу, откуда экипаж корвета наблюдал за гибелью пиратской шхуны и нашей «Офейры». Наш маленький покинутый корабль стал могилой мистера Гарди: тело его, равно как и тела убитых пиратов и французов, поглотили морские волны.

Тем временем разразился тропический ливень; ветер, крепчая с каждой минутой, достиг небывалой силы, и в океане забушевался шторм, подобного которому я никогда не видывал. Судно вставало на дыбы и вдруг

летело куда-то в пропасть. Сэр Фредрик привязал бесчувственную мисс Эмили к койке, иначе и ее швыряло бы о стены с такою же силой, как швыряло нас. Наконец, вцепившись в свою подвесную койку, я кое-как забрался в нее и вскоре впал в забытие.

Проснувшись, или, скорее, очнувшись, я услышал бред мисс Эмили и тихий голос сэра Фредрика. Шторм еще бушевал, хотя я проспал, как оказалось, почти целые сутки. При свете дня океан казался еще страшнее, чем ночью.

Шторм утих только к вечеру 20 апреля, и капитан «Бургундии» пригласил нас к себе. Он учтиво осведомился, удобно ли наше помещение, и расспросил о нашем звании, состоянии и целях плавания. Вместе с капитаном мы вышли на палубу. Корвет представлял собою жалкое зрелище: это был уже не корабль, а лишь остов корабля, с обломками мачт, без рангоута²¹, без единой шлюпки. Для облегчения судна капитану пришлось пожертвовать несколькими пушками.

Французский моряк объяснил, что корвет способен лишь с трудом двигаться по курсу. Капитан намеревался достичь побережья Африки или Мадагаскара с помощью запасного паруса и мачты, которую можно собрать из обломков. Он дал нам понять, что мы получим свободу лишь после внесения нашими родственниками довольно значительной выкупной суммы. Он предупредил нас также о недостатке запасов продовольствия на корвете.

Положение наше чрезвычайно тяжелое. Единственная надежда – это бесконечное милосердие Всевышнего!

Вернувшись в каюту, мы застали мисс Эмили в прежнем состоянии. Она в бреду звала сэра Фредрика, не узнавая его самого. По-прежнему он занял место сиделки у ее ложа. Корабельный врач нашел у мисс Гарди горячку, дал ей лекарство и обещал навещать. Однако добрый медик не заметил, что на лице у нее появились красные пятна и зловещая сыпь.

Борт «Бургундии», 26 апреля.

Нам предоставлено право свободно передвигаться по всему судну. Матросы соорудили подобие двух мачт и поставили кливер и грот. Судно даже при свежем ветре делает не более четырех узлов. Нас кормят отвратительной бурдой из подмоченного риса. Запаса пресной воды должно хватить на десять-двенадцать суток. Дисциплина среди команды заметно падает. Но самое страшное – это болезнь мисс Гарди. Я уже не сомневаюсь, что она больна оспой. Скоро эту страшную новость нельзя будет держать в тайне от капитана. Боже, что станет с нами!

Борт «Бургундии», 28 апреля.

Наступила влажная тропическая жара. Мисс Эмили не поправляется, но сознание временами возвращается к ней. Ей уже известна судьба ее несчастного отца. Боюсь, что вскоре нам всем придется разделить с ним ту же бездонную могилу.

²¹ Р а н г о у т – совокупность всех деревянных приспособлений для крепления к ним посредством такелажа парусной оснастки корабля; к рангоуту относятся: мачты, стеньги, реи и т. д.

Борт «Бургундии», 30 апреля.

На борту вспыхнула эпидемия оспы. Я уверен, что кто-то из матросов-индусов принес ее на борт «Офейры» в Мадрасе, а мисс Эмили заразилась ею, когда перевязывала раненых. Теперь заболело несколько человек из экипажа. Ни мне, ни сэру Фредрику оспа не страшна – я перенес ее в детстве, и следы ее остались на лице. Сэр Фредрик тоже болел оспой в Индии и, вероятно, излечился с помощью средств, неизвестных нашей европейской медицине, самодовольной и невежественной. Черты его лица остались не обезображенными.

Мисс Гарди страдает терпеливо и молча. Нас покинули все, и появляться на палубе нам теперь запрещено под страхом смерти.

Один раз в день приносят скудную пищу и бросают в каюту через окошечко в дверях, как диким животным.

Над кораблем поднят флаг бедствия. Часть команды намерена бежать с корабля и занята сооружением плота. Плот уже спущен на воду. На корвете останутся капитан, несколько уцелевших офицеров и кучка преданных им матросов. Завтра утром непокорная часть команды покинет судно.

Все эти новости с горечью сообщил нам врач. Он продолжает навещать мисс Эмили и пока не затронут губительной болезнью.

Над мачтой развевается желтый флаг, означающий, что корабль – во власти самого грозного корсара: черной индийской оспы.

Борт фрегата «Крестоносец», 3 мая 1768 года.

Благодарение Богу, мы спасены! Но какой страшной ценой!

Третьего дня, поздним вечером, по уходе врача дверь нашей каюты забыли запереть. Сэр Фредрик тихо выбрался в коридор и проник на палубу. Его орлиные глаза даже при лунном свете разглядели на горизонте парус. Через минуту он прокрался на корму, под которой на волнах покачивался привязанный плот. Инструменты, служившие для его постройки, еще валялись на палубе. Тут же находились два длинных весла.

Захватив с собой пилу и топор, сэр Фредрик спустился по канату на плот.

Судно лежало в дрейфе, океан был спокоен, ветер почти не надувал безжизненных парусов. Сэр Фредрик увидел, что плот состоит из четырех частей, скрепленных друг с другом дощатым настилом. Распилив обвязку настила, можно было отделить длинный узкий плотик, управлять которым смогли бы без труда два человека.

Сэр Фредрик принялся пилить. К счастью, никто не обратил внимания на этот звук за кормой; матросы, вероятно, полагали, что плотники кончают свою работу.

Доска была вскоре перепилена, плотик стал разворачиваться и оказался отделенным от остальной части сооружения. Сэр Райленд зацепил плотик багром, быстро обрубил весла до нужного ему размера, вбил в бревна два толстых корабельных гвоздя в качестве уключин и одним взмахом топора разрубил швартов, удерживавший весь плот. Перескочив на свой плотик, он, стоя во весь рост и действуя одним веслом, стал направлять свое суденышко вдоль левого борта корабля к иллюминатору нашей каюты. Обо всех этих приготовлениях я, разумеется, ничего не знал, но сильно тревожился из-за столь продолжительного отсутствия нашего спутника.

Каково же было мое изумление, когда в иллюминатор просунулась рука с концом каната и голос сэра Фредрика Райленда приказал мне удерживать канат. Я помог сэру Фредрику забраться в каюту и стал вместе с ним спешно собирать самые необходимые предметы, документы и одежду. Наконец он предложил мне первому спускаться на плот.

Прошептав молитву, я полез в узкое отверстие иллюминатора и с трудом ступил на шаткое сооружение. Затем из иллюминатора показалась голова спеленатой, подобно ребенку, мисс Гарди. Я осторожно принял ее на руки и положил на настил. Сэр Фредрик бросил мне связку одеял и еще раз вернулся в каюту.

В этот момент до нас донеслись злобные крики и выстрелы. Возгласы: «Предательство!», «Смерть офицерам!», «Плот обрублен офицерами!», «К восстанию!» – перемежались с глухими ударами, стонами, выстрелами.

Сэр Фредрик тихо спрыгнул на плотик. Я взял одно весло, сэр Фредрик – другое, и мы принялись с силой грести, удаляясь от корабля, охваченного безумием бунта.

Вскоре до нас долетели крики: «Огонь на корабле!» Обернувшись назад, мы увидели на корме корабля длинный язык пламени.

В этот же момент с корабля заметили наше бегство.

«Гребите быстрее!» – крикнул мне мистер Райленд, и мы снова налегли на весла.

С грохотом распахнулся один из пушечных портов левого борта.

Канонир с дымящимся фитилем показался за орудием. Выстрел грянул, и ядро, не долетев до нашего суденышка, с шипением ушло в воду.

Внезапно все небо озарилось словно багровой молнией. Я выронил свое весло и ничком упал на плотик. Послышался взрыв, от которого, казалось, небо разверзлось и океан расступился, как в Священном Писании. На несколько мгновений я потерял сознание, оглушенный ужасным сотрясением воздуха. Затем вокруг со свистом стали падать в воду обломки дерева и куски металла; клочья черного праха оседали подобно туче. Взглянув в сторону корвета, я увидел лишь задранный кверху нос корабля, быстро погружающийся в кипящий водоворот.

«Очевидно, кто-то из офицеров решил ценою собственной жизни положить конец недостойному поведению бунтовщиков, – сказал мистер Райленд и, обнажив голову, сотворил короткую молитву по мужественному врагу, взорвавшему крюйт-камеру²² непокорного корабля. – С корвета я видел вдаль парус. Будем надеяться, что нас заметят».

И действительно, в первых проблесках рассвета мы увидели в трех милях большой фрегат, двигавшийся к нам. На ровной глади моря плавали обломки погибшего корабля и качался плот. Ни одного человека, ни одного уцелевшего члена экипажа не было видно!

Взмахами белой простыни мы обратили на себя внимание. С фрегата спустили шлюпки. Через несколько минут нас окликнул по-английски мичман с первой шлюпки. Мы назвали наши имена. Каково же было мое удивление, когда этот молодой человек, услышав мое скромное имя, испустил радостный возглас и чуть не прыгнул в воду, чтобы скорее добраться до нашего плота.

²² К р ю й т – к а м е р а – место хранения огнестрельных припасов на корабле.

«Мистер Мортон, сэр Фредрик Райленд, – кричал юноша, охваченный энтузиазмом, – скорее на борт нашего корабля! Ура, ребята!»

Гребцы, к которым относилось последнее восклицание, подвели шлюпку, но сэр Фредрик предложил им отплыть на некоторое расстояние и потребовал врача для освидетельствования важного, опасного груза. Юноша дал команду, шлюпка полетела к фрегату, и вскоре юный мичман вернулся с врачом на борту. Полный джентльмен в парике и с лорнетом спросил нас, какой груз нужно осмотреть, но, взглянув на лежащее, укрытое одеялами тело больной, догадался, в чем дело.

Мистер Райленд, перейдя на французский язык, чтобы не быть понятым командой, объяснил, что больную оспой необходимо положить на корабле в отдельное помещение, где мы, ее спутники, сможем оказать ей помощь, разделяя ее карантин. Почтенный доктор, пробормотав нечто неопределенное, удалился на фрегат.

Там долго совещались. Эти минуты ожидания были ужасны, и мне ясно представилась картина гибели на жалком плотике среди океана. С тревогой я наблюдал, как одна из спущенных шлюпок подошла к большому плоту и подожгла сооружение мятежных матросов. Очевидно, таково было приказание командира фрегата.

Наконец шлюпка с нашим другом мичманом снова приблизилась. Мичман держал в руках буксирный канат.

Шлюпка прибуksировала наш плотик к трапу корабля. Уже через десять минут мисс Гарди лежала на койке, а мы удобно поместились в другой части больничной каюты, разделенной перегородкой на две половины. Прислуживать нам остался матрос фрегата, негр Сэм, с обезображенным оспой лицом.

Наш юный спаситель подошел вскоре к дверям и рассказал нам, каким образом фрегат «Крестоносец» оказался в этих водах и откуда ему, мичману королевского флота мистеру Эдуарду Уэнту, известны наши имена.

Оказалось, что фрегат, направлявшийся в индийские воды в качестве британского морского охотника за призами, встретил у берегов Мадагаскара наш поредевший караван и пустился на розыски «Офейры» и пиратов. Ураган далеко отклонил и его от взятого курса. Потеряв надежду найти исчезнувший корабль, фрегат взял направление на Капштадт²³. В этот момент с корабля заметили взрыв, и он подоспел к месту крушения «Бургундии».

Судьбе было угодно, чтобы на фрегате совершал свое первое плавание в качестве мичмана мистер Эдуард Уэнт, сын мистера Монтегю Уэнта, управляющего бультонским поместьем Честерфилд. Эдуард Уэнт окончил мореходные классы в Портсмуте, моем родном городе, где воспитывалась у своей тетки моя дорогая Мери. И что же оказалось? Оказалось, что этот сорванец, этот восемнадцатилетний мистер Уэнт, самонадеянный мичманок, носит в своем бумажнике миниатюрный портрет моей Мери и склонен уже считать меня своим будущим тестем! О, моя маленькая шалунья, дай бог мне благополучно вернуться домой, в наш старый Портсмут, и я постараюсь

²³ Капштадт – главный город Капской колонии, на юге Африки; колония основана голландцами в 1601 году; с 1795 года Капская земля занята англичанами.

исторгнуть из твоей милой головки всякую мысль о мичманах и морских офицерах!

Борт фрегата «Крестоносец», 17 мая.

Фрегат приблизился к африканским берегам. Мисс Эмили оправилась от своей болезни, но как она переменялась! Лицо ее потеряло нежный румянец, несколько небольших рубцов осталось на висках и на подбородке, глаза утратили свой блеск, волосы – свою пышность, но она, конечно, остается привлекательной молодой леди. Через две-три недели кончится наш карантин, мы сможем выходить на палубу.

Мисс Гарди глубоко удручена горем: потеря отца, так и не увидевшего родной Бультон, болезнь, ужасные переживания – все эти жестокие удары судьбы она переносит стойко. Но прежнюю жизнерадостную Эмили трудно узнать в этой подавленной женщине.

Борт фрегата «Крестоносец», 22 мая. Порт Капштадт.

О радость! Мы следуем в Англию на «Крестоносце»!

В Капштадте, куда мы прибыли 20 мая, мы застали весь состав нашего каравана, который будет следовать к берегам Англии в сопровождении нашего фрегата.

Жаль, что карантин удерживает нас в каюте: в Капштадте у меня имеются дальние родственники и старые друзья.

Мисс Эмили подолгу беседует с сэром Фредриком и выглядит уже несколько лучше. Благодаря соблюдению карантина зараза не проникла на корабль, и к 1 июня врач разрешил нам появиться в кают-компании.

Пока единственным моим развлечением служит эта тетрадка, которая поможет сохранить в памяти подробности трагических переживаний, выпавших мне уже на закате моих лет.

Атлантический океан, борт «Крестоносца», 1 июня 1768 года.

Уже пятые сутки находимся в плавании. Прошли в виду пустынного острова Святой Елены.

Сегодня мы были представлены командиру и офицерам корабля. С большим достоинством сэр Фредрик поблагодарил джентльменов за помощь и просил принять от себя лично чек на пятьсот фунтов для украшения судна и раздачи наград членам экипажа. Когда команда узнала об этом, мистер Райленд стал любимцем на корабле, а знание морского дела увеличило его популярность настолько, что старший офицер «Крестоносца» мистер Дональд Блеквуд шутливо предложил ему купить офицерский патент и принять командование судном. Сэр Фредрик отвечал, что если бы судьба сделала его судовладельцем, то он доверил бы свой лучший корабль мистеру Блеквуду.

Мисс Эмили держится замкнуто и мало показывается в обществе. Вероятно, причиной этому служит, в частности, и столь ощутимая для всякой дамы перемена во внешности. Слезы навернулись у нее на глаза, когда ей представился, с изъявлениями восторга по адресу сэра Фредрика, юный мистер Уэнт, сын старого служащего дома Райлендов...

Теперь у нас уже отдельные каюты, со всеми удобствами.

Порт Плимут, борт «Крестоносца», 2 августа 1768 года.

Записываю эти строки дрожащей рукой в каюте, сквозь иллюминатор которой мне виден военный порт моей родины. Слышу грохот якорных цепей и команду: «На месте!»

Да здравствует старая Англия!

Боже! Храни нашего короля!

Бультон, 20 декабря 1768 года.

Чтобы закончить эту тетрадь, приписываю еще несколько строк. Поручения, полученные мною от конторы «Ноэль-Абрагамс и Мохандас Маджарами», целиком выполнены.

Мистер Райленд вступил в права наследства и уже поселился в своем поместье Ченсфильд близ Бультона. Лишь с большими хлопотами он добился прав на восстановление виконтского титула, столь легкомысленно утраченных его недальновидными предками. Эти хлопоты стоили немалых затрат, но у сэра Фредрика – весьма широкие планы. Со временем он надеется вернуть своему опальному роду даже пэрские права и от крыть себе дорогу в самые высокие сферы. Бог ему в помощь в этих начинаниях!

С искренним прискорбием он узнал о недавней смерти отца мичмана Эдуарда, достойного мистера Монтегю Уэнта, управляющего поместьем Ченсфильд. Сэр Фредрик предложил занять эту должность мне. Глубоко удовлетворенный оказанной честью, я принял предложение и с 1 января 1769 года приступаю к обязанностям управляющего поместьем.

Мисс Эмили до окончания траура живет в Бультоне, в частном пансионе Эндрью Лоусона, бывшего служащего своего отца.

Она взяла себе в услужение негра Сэмюэля Гопкинса, помогавшего нам во время путешествия на «Крестоносце»; этот черный слуга необыкновенно привязался к мисс Эмили.

Все дела, связанные с закрытием фирмы мистера Гарди, исполнены мною строго по желанию этого добрейшего из моих клиентов. Небольшой капитал, оставшийся после ликвидации обеих английских контор фирмы Гарди, положен в «Бультонс-банк» на имя мисс Эмили.

Свадьба сэра Фредрика и мисс Эмили назначена на весну будущего, 1769 года. По желанию мисс Гарди венчание будет происходить за границей, во Франции или Италии.

На этом я заканчиваю свои записки. Свою дочь я прижал к сердцу еще в Портсмуте, где сейчас она заканчивает свое образование. Мери переедет тотчас по окончании частного пансиона ко мне в Ченсфильд. Записки эти будут сохраняться в конторе мистера Томпсона до совершеннолетия дочери.

Аминь».

Мистер Томпсон-старший закрыл тетрадь.

Первым прервал молчание Паттерсон, владелец верфи.

– Мне кажется, что мистер Уильям и мистер Ричард должны пожать благородную руку сэра Фредрика Райленда и предать забвению непреднамеренную обиду. Она представляется мне ничтожной в свете только что открывшейся нам истины, – сказал судостроитель торжественно.

– Я присоединяюсь к этому мнению, – заявил Ленди.

– Отец, я готов согласиться с джентльменами, – проговорил Ричард, глубоко тронутый прослушанной эпопеей. – Мне кажется, что после всего пережитого этими людьми разделить их было бы грешно и мелочные уколы самолюбия не должны влиять на наше отношение к этой чете.

Пастор Редлинг с удовлетворением качал головой. Только старый Уильям Томпсон, откинувшись на спинку кресла, молча рассматривал тисненую кожу переплета рукописи и не поднимал глаз на собеседников.

Едва джентльмены успели высказать свое суждение, раздался стук молотка у входной двери. Старый слуга, впустив кого-то в переднюю, появился на пороге гостиной.

– Ваш вчерашний посетитель явился снова, – доложил он хозяину.

Уильям Томпсон, решивший было, что это его супруга вернулась с заседания дамского комитета, в недоумении вышел в приемную вслед за слугою. Перед ним стоял невысокий человек, одетый в обычное платье уличных торговцев-разносчиков. Свою шляпу он держал в левой руке. Безымянный палец на этой руке отсутствовал.

– Что вам угодно, мистер Роджерс? – спросил хозяин довольно сурово. – Сейчас не совсем обычное время для деловых встреч.

– Приношу глубокие извинения, – прошептал незнакомец, отвешивая поклон, – но ваша помощь и совет нужны мне немедленно. Прошу вас еще раз уделить мне несколько минут. Сегодня утром я беседовал с Эндрию Лоусоном и с точностью установил, что стою на верном пути. Как только вы дадите мне обещанные дополнительные сведения о катастрофе «Черной стрелы», я временно покину Бультон. Мне небезопасно оставаться здесь...

Мистер Томпсон пригласил посетителя в свой кабинет и приказал слуге предупредить гостей, что он занят с клиентом, прибывшим по срочному делу.

Джентльмены откланялись, и вскоре шум их экипажей замер вдали на бультонских мостовых.

2. Люди, нужные королевству

1

На бультонской корабельной верфи заканчивался рабочий день, но грохот кузнечных молотов, удары топоров, шарканье пил и рубанков – весь этот шум, заглушающий здесь человеческий голос, еще раздавался в доках. Изредка над колыбелью кораблей проносились чайки. Испуганные гулом и лязгом, они торопились подняться выше, где ветер развеивал чад разогретой смолы и дым кузнечных горнов.

Окруженные лебедками, блоками, строительными лесами и стремянками, высились на наклонных помостах корпуса морских кораблей. С одного из них уже убирали леса; лишь узкие мостки еще опоясывали высокие борта судна. Несколько трапов поднималось от мостков к фальшборту, другие вели вниз, к килю.

Спуск этого корабля, самого крупного из заложенных на верфи, был назначен на завтра. Пожилой корабельный мастер Джекоб Гарвей, коренастый человек с огненно-рыжими бакенбардами, в низко нахлобученной на лоб фуражке с длинным козырьком, проверял последние приготовления к спуску. Он держал в зубах короткую трубку и негромко отдавал приказания, не разжимая зубов и выпуская клубы дыма вслед за каждым словом команды.

Уже были смазаны китовым жиром ходовые доски настила, по которым судно соскальзывает с помоста в воду. Корпус корабля удерживали на месте только мощные бревенчатые упоры.

Остов судна напоминал туловище неведомого морского животного: под обшивкой угадывался «скелет» с чудовищными ребрами-шпангоутами; высокий острый нос и плавно выгнутые линии бортов придавали корпусу сходство с диковинной рыбой, а круглая корма походила на голову кита.

Корабль не имел еще ни мачт, ни палубных надстроек – все это предстояло поставить на плаву, – но в стройных линиях длинного корпуса опытный глаз мог уже угадать отличные мореходные качества будущего «пенителя океанов».

Владелец верфи мистер Паттерсон, сопровождавший своего заказчика, сэра Фредрика Райленда, шагал по горам стружки, щепы и опилок, лавируя между штабелями бревен и бухтами канатов. Закончив осмотр корабля, они уже собирались уходить с верфи. Вдруг совсем близко кто-то громко вскрикнул от боли. Хозяин и заказчик обернулись. Несколько плотников, побросав топоры и долота, бегом бросились к противоположному борту.

– Гарвей, узнайте, что там произошло, – приказал хозяин.

– Плотник Паткинс отрубил себе три пальца на левой руке, сэр, – доложил мастер, лишь на мгновение вынув трубку изо рта.

– Это весьма досадно, Гарвей: плотник этот очень нужен нам сейчас. Сможет ли он завтра продолжать работу?

– Нет, сэр, нужен врач...

– Хорошо, я вызову доктора Грейсвелла, этого чудака из госпиталя Святого Христофора. Пошлите за доктором моих лошадей. Грейсвелл должен поставить его на ноги, хотя бы на один завтрашний день. Кстати, оштрафуйте вон тех двух молодцов, чтобы впредь не бросали инструментов и не смотрели по десяти минут на человека, которому перевязывают царапину. Гарвей, плату доктору вы удержите из жалованья Паткинса. А к следующей неделе найдите на его место другого опытного плотника. Мистер Райленд, прошу вас к себе в кабинет.

Усадив гостя за свой рабочий стол в кабинете, где все стены были уставлены и увешаны моделями, чертежами и рисунками кораблей, мистер Паттерсон принялся расхаживать из угла в угол. Гость молча рассматривал модель парусного брига, стоявшую на дубовой подставке.

– Любуется моделью своего «Ориона»? – спросил судостроитель. – «Окрыленный» будет еще лучшим кораблем. Он уже причинил нам с Гарвеем немало хлопот! Корабль большой, пятимачтовый, вытянутый в длину, с двухъярусными батарейными палубами. Борты опоясаны слоем каменного дуба в пол-ярда толщиной! Они непроницаемы для пушечных ядер; им мало опасен даже огонь зажигательных бомб. Корабль будет вооружен тридцатью шестью тяжелыми каронадами и таким же количеством средних морских пушек, стреляющих двадцатифунтовыми ядрами. При водоизмещении в три тысячи тонн «Окрыленный» разовьет ход до пятнадцати узлов на полной оснастке и при хорошем ветре. Мне еще никогда не приходилось выполнять столь сложные и противоречивые требования заказчика. Легко сказать: при таком ходе и такой вооруженности трюмы «Окрыленного» должны вместить груз по меньшей мере двух торговых шхун! Выполняя этот заказ с такой тщательностью, с какой еще ни одно судно не строилось на нашей верфи, я скорее руководствуюсь чувством личной симпатии к заказчику, нежели соображениями выгоды. Расходы столь велики, что постройка «Окрыленного» не обещает мне особенной прибыли...

Мистер Райленд выразил свою признательность легким поклоном, но по-прежнему сохранял молчание.

– Четвертый год, сэр, мы успешно сотрудничаем, – продолжал владелец верфи. – Корабли, построенные мною, благополучно плавают под вашим флагом. Они доставили и для моей верфи несколько ценных грузов, подчас даже, так сказать, в обход некоторых таможенных формальностей. Мне кажется, сэр, что для нас наступила пора стать более откровенными друг с другом. Мореходные и боевые качества «Окрыленного» не оставляют сомнений; подобное судно может служить только капером²⁴, сударь!..

– Не вижу причин, почему вам понадобилось такое большое предисловие, чтобы высказать очевидную истину, мистер Паттерсон!

Лицо сэра Фредрика сохраняло самое невозмутимое выражение.

– Очевидную истину? – воскликнул пораженный владелец верфи. – С каких это пор знатный английский дворянин и землевладелец, отец прекрасного и почтенного семейства, считает для себя естественным переменить образ жизни помещика и делового человека на неверный, хотя и заманчивый жребий «пенителя морей» – корсара? Ибо капер – не что иное, как корсар, узаконенный правительством!

– Во-первых, каперство поощряется британским законом и дает крупную прибыль королевской казне. Во-вторых, почему вы полагаете, что владелец корабля-капера непременно должен сам пуститься в погоню за призами?

– О, мистер Райленд, недавно мне представилась возможность прослушать несколько страниц вашей изумительной биографии, запечатленной в тетради Мортонна. Человек с вашим знанием моря, вашей отвагой и мужеством, владея «Окрыленным», не усидит дома!

Сэр Фредрик Райленд рассмеялся.

– Не могу же я, в самом деле, быть одновременно капитаном всех кораблей моей компании, управляющим всеми предприятиями, добрым хозяином имения и вдобавок командиром своего капера! Впрочем, – добавил он улыбаясь, – я не отказываюсь от мысли совершить

²⁴ Каперы – частные корабли, занимающиеся с разрешения правительства «охотой» за кораблями враждебных или даже нейтральных стран; владельцы каперов наживали огромные богатства, послужившие основой миллионных фамильных состояний многих крупных капиталистов современности.

когда-нибудь и самостоятельный рейс на «Окрыленном». Приглашаю вас разделить тогда со мной и риск и удачу, если только миссис Паттерсон не удержит вас около себя.

Паттерсон задумался. Ему представились дальние моря, штормы, пороховой дым сражений, окутывающий мачты «Окрыленного», груды золота в трюмах... Риск и удача, хм! Решительный мужчина этот виконт Ченсфильд, черт возьми!

– Разосланы ли приглашения всем гостям нашего маленького праздника – спуска на воду нового корабля? – спросил Райленд.

– Все именитые люди города и графства охотно приняли приглашение. Даже леди Стенфорд.

– Леди Эллен Стенфорд? Мы с ней соседи по имениям, но мне до сих пор не представлялось случая лично с ней познакомиться.

– О, леди Стенфорд не только очаровательная, но и весьма дальновидная дама. Она овдовела два года назад и недавно, говорят, дала согласие молодому мистеру Ричарду Томпсону объявить об их помолвке.

– Вот как? – Сэр Фредрик слушал собеседника весьма внимательно. – Что же побуждает знатную, состоятельную вдову к этому мезальянсу?²⁵

– Вероятно, убедительное красноречие мистера Ричарда. Впрочем, это весьма достойный молодой человек и, кстати, сын моего старого друга, мистера Томпсона, доктора прав.

– Что ж, я буду рад познакомиться с этой леди на борту «Окрыленного». Я слышал, что она поощряла деловые начинания своего покойного супруга, сэра Джорджа Стенфорда, и, кроме того...

– Доктор Рандольф Грейсвелл, врач госпиталя святого Христофора, – прервал виконта корабельный мастер Джекоб Гарвей, входя в кабинет. Вслед за ним вошел невысокий человек в очках, щуря близорукие, добрые глаза.

Джентльмены раскланялись, и мистер Райленд направился к своему гигу²⁶.

«Рандольф Грейсвелл, – вспоминал он. – От кого же мне случалось уже слышать это имя? Кажется, это было очень, очень давно...»

2

Почтенный бульфонский банкир мистер Сэмюэль Ленди, тяжело припадая на подагрическую ногу, поднимался по ступеням серого здания, где помещалась юридическая контора «Томпсон и сын». Коляска, запряженная парой раскормленных лошадей, осталась ждать у подъезда.

Тяжело дыша и прихрамывая, джентльмен прошел коридор, скупо освещенный единственным стрельчатым окном, и, отдышавшись, открыл дверь в тесную комнату.

Два клерка, не поднимая глаз на вошедшего, скрипели гусиными перьями, макая их в огромные чернильницы. Третий сосредоточенно занимался извлечением мухи из подобного же сосуда. Высокие шкафы, доверху наполненные пожелтевшими свитками документов и стопами бумаг, от одного вида которых на сердце делалось тоскливо, толстые фолианты с кожаными корешками, лежащие на полу, столы, покрытые пыльным сукном, испещренные кляксами черного, красного и зеленого цветов, – все это оставляло весьма узкий проход к двери, что вела в соседние апартаменты.

Мистер Ленди одолел этот проход и оказался в следующей, большой и грязной комнате. Узрев посетителя, целая дюжина сидевших здесь клерков разного возраста сразу схватилась за перья с видом неутомимого трудолюбия.

²⁵ Мезальянс – в буржуазно-дворянском обществе неравный в социальном отношении брак.

²⁶ Гиг – тип легкой двуколки.

В конце комнаты, за нагромождением шкафов, столов и бумаг, виднелось небольшое пространство, отделенное деревянным барьером и предназначенное для посетителей. К их услугам стояли две черные скамьи с высокими прямыми спинками. Тут же, перед массивной дверью, восседал за высокой конторкой, заложив перо за ухо, очень тощий клерк в черном фраке. На двери, полускрытой портьерой, красовались две медные дощечки. На верхней значилось: «Уильям Томпсон, королевский адвокат, доктор прав». Нижняя дощечка возвещала, что за этой же дверью священнодействует также и барристер²⁷ Ричард Томпсон.

Оказавшись за барьером, мистер Ленди увидел себя в обществе пожилой женщины, державшей за руки двух мальчиков. Тощий клерк впустил женщину и ее сыновей в кабинет главы конторы и принял из рук мистера Ленди его карточку. Узнав в посетителе почтенного друга обоих принципалов, клерк согнулся в неуклюжем поклоне и пригласил мистера Ленди проследовать в кабинет.

Мистер Томпсон-старший сидел в высоком кресле за старинным голландским бюро. Тяжелая портьера с бахромой и кистями отделяла дальнюю часть кабинета, где мистер Ленди увидел пустующий стол и жесткое кресло, на котором спала кошка, воспользовавшаяся отсутствием младшего совладельца конторы.

Шкафы, внушающие благоговение своими размерами, были заперты и прикрыты занавесями. К услугам клиентов стояло несколько стульев, обитых бахромой. Мраморная фигура бога коммерции Меркурия в крылатых сандалиях и с жезлом в руке дополняла обстановку.

Владелец конторы пригласил гостя присесть и продолжал разговор с женщиной, державшей за руки мальчиков.

– Так что же вам угодно от меня, миссис Бингль? – спросил он.

– Милорд, – отвечала та, глядя на адвоката с почти молитвенным благоговением, – я пришла попросить вашего совета. Мой покойный муж служил мастером в «Северобританской компании». Когда для бултонской мануфактуры выстроили новое здание и туда стали переносить станки, с потолка упала какая-то балка. Моего Джона придавило насмерть...

– Постойте, постойте, миссис Бингль, я знаю об этом прискорбном случае! Эта... как ее... балка сломала новый ткацкий станок, новую машину! Вероятно, тут не обошлось без злого умысла, и сам Господь покарал вашего мужа!

– Но, сэр, несчастье произошло поздно вечером, уже в темноте. Усталых людей заставили после двенадцати часов труда еще переносить в цех эти изделия Вельзевула, эти богопротивные, мерзкие станки...

– Если вдова мастера рассуждает столь безнравственно, то чего же ожидать от остальных фабричных! Вы забываете Бога, миссис Бингль!.. Что повелел нам Всевышний в бесконечной мудрости своей, я спрашиваю вас, миссис Бингль?

Женщина испуганно всхлипнула и вытерла глаза концом своей шали:

– Он повелел нам трудиться, милорд.

Голос юриста смягчился.

– Да, миссис Бингль, от зари дотемна и в поте лица своего, вот так, как тружусь я уже более сорока лет... Поэтому не сетуйте на хозяина, который дает вам возможность трудиться по божьей воле, не сетуйте на вашего кормильца. Итак, вы лишились мужа, который пострадал, вероятно, как жертва собственного злого умысла против имущества хозяев?

– Сэр, видит бог, мой Джон был совсем не виноват в поломке машины, хотя и впрямь многие у нас только о том и толкуют, как бы поскорее поломать проклятые станки. Ведь от них и пошли все наши несчастья! Вот в Спитфильде, рассказывают, мастеровые давно разбили и машины, и даже стены проклятой фабрики...

²⁷ Б а р р и с т е р – среднее адвокатское звание в Англии.

– И были за это повешены! Упаси вас боже, миссис Бингль, повторять эти безнравственные рассуждения. Неблагодарные мастеровые забывают, что своим куском хлеба они обязаны только предпринимателю. Ведь благодаря вашему хозяину, почтенному мистеру Райленду, неимущие жители нашего дорогого Бультона имеют постоянную работу в новых цехах. Я подавлен людской неблагодарностью! Разве так пристало говорить вдове цехового мастера? Зачем вы пришли ко мне с подобными мыслями и речами?

– Но, милорд, я погибаю с детьми от нужды! Пожалейте нас, ваша милость! У нас нет хлеба, мы задолжали лавочнику, управляющий грозит завтра выгнать нас из дому. Смилюйтесь над нашими несчастьями, добрый сэр! Ведь мальчики мои еще такие юные, совсем дети!

– Ваши мальчики находятся передо мною, и я не нахожу их столь юными. Вероятно, они лентяи, если нужда ваша так велика при двух больших сыновьях. Как их зовут и каковы их занятия?

– Поклонитесь милорду, дети! Подойдите ближе к господину адвокату. Вот, сэр, это мой старший, Джордж, четырнадцати лет, а это – Томас, ему еще только девять.

– Они оба, конечно, давно работают в цехах? – спросил мистер Томпсон, взглянув на красные, потрескавшиеся пальцы младшего мальчика.

– Они уволены, милорд: Том – после несчастья с их отцом, а Джордж – еще раньше. Я стираю белье на соседей, и это пока наш единственный заработок.

– Что они делали на фабрике и за что их уволили?

– Том не имел никаких замечаний, сэр, никаких! Он у меня прилежный мальчик. Уже три года он разбирал шерсть в суконном цехе. Но, когда нашего отца задавило и сломался этот прокля... этот новый станок... Тому отказали в выплате жалованья: мистер Норвард приказал покрыть стоимость сломанной машины за счет нашей семьи. Тогда Томми... ведь ему только девять лет... немного дерзко поспорил, его прогнали...

– А ваш старший сын, чем он сейчас занят?

– О, сэр, Джорджи разбил мое материнское сердце! Его уволили с фабрики еще в прошлом году, он теперь... иногда зарабатывает в порту на погрузке кораблей и приносит в неделю не больше двух-трех шиллингов!

– За что же его выгнали с фабрики, где он имел верный заработок?

– Он хотел... Он очень хотел учиться рисовать, милорд... Старший мастер невзлюбил его...

– Позвольте, не этот ли молодой человек в прошлом году нарисовал ткацкий станок в виде чудовища, пожирающего людей?

– Он самый, милорд...

– Я помню, миссис Бингль, о, я все помню. Значит, это и есть тот сорванец, который нарисовал на стене цеха ужасную, безнравственную карикатуру на мистера Норварда и новые машины? И его выгнали с позором? Поделом ему, поделом! В таком возрасте – и такое легкомыслие, такие вредные затеи! Что же вы для них хотите?

– Милорд, помогите мне испросить прощение у мистера Норварда, чтобы он приказал выплатить нам хоть часть заработка моего покойного Джона... Добрый милорд, замолвите словечко, чтобы сыновей моих опять взяли на фабрику, иначе мы умрем с голоду, милорд!

– Вы сами знаете, что ваши требования к мистеру Райленду и мистеру Норварду незаконны. О выплате вам жалованья мистера Джона Бингля, вашего покойного супруга, не может быть и речи; по его недосмотру или умыслу пострадал фабричный станок. Возвращать в столь смутное время на фабрику ваших сыновей тоже, вероятно, не следует, ибо они показали себя дерзкими и непочтительными...

Женщина закрыла руками лицо, и казалось, что она вот-вот упадет от изнеможения и горя. Мистер Томпсон продолжал уже менее сухим и строгим голосом:

– Но я всегда сочувствую человеческому горю и... готов оказать вам услугу, какие редко оказываю: я дам вам рекомендацию к владельцу бультонской верфи и лично попрошу его принять в доки ваших сыновей. Сейчас мы с мистером Ленди отправляемся на верфь, и я увижу там самого мистера Паттерсона. А вы возьмите эту записку и завтра явитесь с ней к владельцу верфи или корабельному мастеру Гарвею.

Произнеся эти слова, он взял листок с бювара и написал на нем несколько строк. Женщина, бережно спрятав листок за корсаж и низко поклонившись ученому мужу, удалилась вместе с мальчиками. Мистер Томпсон устало откинулся в кресле.

– Вот такие ходатаи целыми днями отвлекают меня от серьезных дел! Но я привык помогать своим ближним и трачу на это много сил и здоровья... Дженкинс! – крикнул он тощему клерку. – Я сегодня больше никого не принимаю. Мы уезжаем в доки, на спуск нового корабля.

– Я догадываюсь, что мистер Ричард уже отправился за леди Стенфорд, – сказал Ленди. – Она ведь тоже приглашена. Но сейчас еще только полдень, а спуск назначен на два часа дня. Не выпить ли нам пива в «Белом медведе»?

Джентльмены вышли на улицу и уселись в просторной коляске мистера Ленди. В полупустом зале гостиницы «Белый медведь» их встретил сам хозяин.

– Как дела, Гопкинс? – приветствовал его мистер Томпсон, усаживаясь за столик в глубине зала.

– Не особенно блестящие, сэр! «Чрево кита» находится ближе к порту. Все моряки и корабельные пассажиры идут в «Чрево». Я потерял много клиентов, с тех пор как этот грязный кабаk с девками...

– Не ворчите, Гопкинс! Старожилы города остались верными «Белому медведю». Кроме того, у вас останавливается почта, и все пассажиры дилижанса попадают к вам.

– Это верно, мистер Томпсон. Чем могу служить вам и мистеру Ленди?

Сделав заказ, старый адвокат обратился к своему собеседнику:

– Кстати, мистер Ленди, вы когда-нибудь бывали в «Чреве кита»? Его хозяин, Вудро Крейг, очень быстро разбогател. Что представляет собою его заведение?

Ленди пожал плечами:

– Обыкновенная портовая таверна с номерами... На днях мне довелось там ужинать с сэром Фредриком Райлендом.

– С сэром Фредриком Райлендом? Вот как? – удивился адвокат, вспомнив реплики мистера Ленди во время недавнего чтения рукописи Мортон. – Значит, в течение двух последних недель вы успели ближе познакомиться с этим джентльменом?

Мистер Ленди молча кивнул.

– А я, – продолжал адвокат, – был неожиданно ошастливлен приездом его супруги. Не далее как вчера она посетила мой дом вместе с мисс Мери, дочерью Томаса Мортон. Дамы попросили у меня рукопись, которую я читал вам. Она красивая особа, эта леди Эмили Райленд, и держится подкупающе просто.

Адвокат вспомнил о юношеской любви своего сына и задумался. Нынешний выбор Ричарда не радовал старика: в своей будущей семье молодой барристер вряд ли мог сохранить главенство...

Подкрепившись, оба почтенных джентльмена покинули гостиницу. Пара серых лошадей понесла коляску к порту и вскоре остановилась перед воротами в высоком деревянном заборе, отделявшем территорию верфи от городской окраины.

3

Две длинные гирлянды из зеленых веток и живых цветов перекрещивали могучий корпус корабля, возвышавшийся над помостом. Увитый зеленью форштевень был украшен двумя искусно вырезанными из дерева лебедиными крыльями, распростертыми в плавном полете.

На небольшом временном мостике в центре палубы, под натянутой на случай дождя парусиной, стоял с медным рупором в руке владелец «Окрыленного». Ветерок развеивал складки его плаща, грудь камзола наискось пересекала шитая золотом перевязь шпаги, голова была не покрыта. Ранняя седина поблескивала в его густых темных, слегка курчавых волосах, заботливо уложенных парикмахером. Пренебрегая модой, он на этот раз был без своего пудренного парика с косичкой. Он стоял в центре судна один, эффектно выделяясь на голубом фоне неба.

Поодаль от помоста, с которого должен был соскользнуть на воду корабль, на дощатом возвышении собрались гости, рассматривая с любопытством доки, корабль и одинокую фигуру человека на мостике. Вокруг места, отведенного для гостей, толпились празднично одетые рабочие, пришедшие с женами и детьми.

Люди, занятые приготовлениями к спуску, во главе с мастером Гарвеем хлопотали у днища и бортов «Окрыленного». Голубая лента, которую предстояло разорвать кораблю, трепетала в порывах ветерка у самой воды. Оркестр из двенадцати музыкантов расположился на причальной стенке и настраивал трубы и литавры; глухо гудели удары в большой барабан.

На носу и на корме судна, около якорных кабестанов²⁸, выстроились двумя группами по шесть человек матросы в синих шапочках, белых блузах и черных штанах. Четырехлапые якоря блистали свежей краской. Якорные цепи уходили в черные гнезда корабельных клюзов²⁹. Пахло смолой, дегтем, пенькой, свежим деревом; люди вдыхали этот вечный, везде одинаковый и всегда волнующий запах морской пристани. Все кругом было прибрано и подметено заботливой рукой. Толпа зрителей сдержанно гудела.

Сэр Фредрик, стоя на мостике, взглянул на большую луковицу карманных часов. Они показывали ровно два.

– К спуску готовься! – скомандовал он в рупор.

Говор и смех в толпе смолкли. Зрители замерли в ожидании.

К деревянным упорам, удерживавшим корабль, приблизились люди с топорами. Мистер Гарвей махнул рукой, и топоры врубились в дерево. Полетели щепки. Бревна звенели, как туго натянутые струны. Слышалось потрескивание. Корпус судна, чуть вздрагивая, стал оседать.

В этот миг у крайнего спереди упора произошла какая-то заминка. Поскользнувшись на густо смазанном жиром настиле, один из рабочих упал. Не видя его, плотники продолжали дружно рубить бревна. Раздался сильный треск; подрубленные опоры стали ломаться: плотники с топорами в руках успели соскочить с помоста. Крайнее бревно, около которого еще силился вскочить на ноги упавший человек, лопнуло, как спичка, и огромная махина плавно двинулась всей своей тяжестью вперед, подмяв под себя несчастного. Невольный крик вырвался у зрителей, но корабль, все ускоряя свой ход по настилу, уже летел вниз, навстречу звукам оркестра. Затрепетал в воздухе голубой шелк разорванной ленты; большая бутылка с шампанским, метко брошенная рукой матроса, стоявшего наготове около ленточки, со звоном разбилась о стройный форштевень судна. Высоко взлетели столбы брызг;

²⁸ К а б е с т а н – приспособление для подъема якоря на корабле.

²⁹ К л ю з – отверстие в борту судна для выпуска якорной цепи.

мелкие щепки, стружки, ветки, цветы всплыли на вспененной поверхности моря, и корпус «Окрыленного» закачался на легкой волне.

На задымившихся, сразу почерневших досках настила среди растертого горячего жира алело еле заметное пятно. Доктор Грейсвелл, находившийся среди гостей, сделал движение, чтобы поспешить на помощь, но, увидев всю бесполезность такой попытки, остался на месте.

Пастор Редлинг, осенив крестом опустевший док и судно, где уже гремели якорные цепи, прочел короткую молитву. Рабочие поливали из парусиновых шлангов настил, остужая его холодной водой и смывая следы крови.

Тем временем с «Окрыленного», подтянутого канатами к причальной стенке, бросили второй якорь. Матросы спустили на причал широкий трап. Почетные гости, сопровождаемые мистером Паттерсоном, вступили на палубу, где слуги уже накрывали столы под тентом.

На берегу, вдоль причальной стенки, на длинных столах, сколоченных из досок, хозяин выставил для строителей корабля несколько бочонков рома и пива. Искося поглядывая на опустевший док, ставший безымянной могилой их товарища, рабочие взялись за оловянные кружки. «Кровавое крещение», – говорили они своим женам, понижая голос и озираясь на корабль, где гремел оркестр, сновали слуги и шумное, нарядное общество за столом уже отдавало честь искусству поваров и виноделов.

Неприятное событие, чуть не омрачившее праздник, было предано забвению, и вскоре веселые тосты и винные пары окончательно изгладили следы его из памяти пировавших джентльменов.

Лишь за другими, дощатыми столами время от времени какой-нибудь Том или Джек с мутными от вина глазами поднимал кружку за беднягу Майка, да в убогой каморке рабочего поселка, прижавшись к мужской шерстяной куртке, рыдала старуха, узнавшая, что ей никогда больше не услышать веселого оклика с порога: «Здравствуй, мать!»

4

– Где же он назначил тебе свидание, Камилла?.. Да перестань плакать, я уже давно не сержусь на тебя.

Всхлипнув и вытерев слезы платочком, молоденькая горничная леди Эмили Райленд подняла заплаканные глаза на свою госпожу.

Легкий кабриолет с запряженным в него гнедым иноходцем катился по дороге в Буль-тон. Лошадью правил рябой негр в красном кафтане. На кожаной подушке сиденья, подобрав длинные юбки с оборками, рюшами и воланами, покачивались две молодые дамы. Рядом с негром сидел старый Эндрю Лоусон, бывший оценщик конторы Гарди.

– Мадам, – отвечала по-французски заплаканная горничная, – я обещаю вам, что это никогда не повторится. Я никак не предполагала, что мое легкомыслие поведет к таким серьезным последствиям. Вначале этот человек совсем не казался мне обманщиком, и лишь потом я поняла, что это какой-то опасный тайный агент. Свидание назначено там же, где я встретила с ним в первый раз, – вон в той роще, за поворотом дороги, на поляне, окруженной кустарником. Прошлый раз мы сидели там на скамеечке, мадам.

– Хорошо, Камилла, что ты сказала мне правду, хоть и с опозданием. Теперь сойди с экипажа, ступай на поляну и жди своего друга как ни в чем не бывало. Эндрю, вы пока останетесь на опушке у лошадей; потом я позову вас. Сэм, – обратилась дама к негру, – а вы идите вслед за Камиллой, скройтесь в кустарнике возле скамьи и обязательно задержите незнакомца, если он вздумает улизнуть. Я хочу сама поговорить с ним. Лошадь и кабриолет нужно спрятать, чтобы с дороги их не было видно. Я останусь здесь, у этого дерева. Когда он должен прийти, Камилла?

– В четыре часа, мадам.

– Сейчас половина четвертого. У нас есть время подготовиться к встрече. Иди, Камилла, и не делай такого несчастного лица!

Однако не успела Камилла скрыться за кустами, как в листве дерева, под которым заняла свою стратегическую позицию леди Райленд, что-то сильно зашумело, и, ломая мелкие ветки, с дерева спустился незнакомый человек.

Негр подскочил было к незнакомцу, но тот уже склонился перед дамой в почтительном поклоне и заговорил с легким чужестранным акцентом:

– Леди Райленд, ваши военные приготовления к моей встрече напрасны. Я не имею намерения избегать беседы с вами. Позвольте мне без промедления сказать вам несколько слов наедине.

– Говорите, что заставило вас шпионить за мной и расспрашивать обо мне прислугу? – С этими словами леди Райленд пошла по тропинке к небольшой полянке в глубине рощи.

Незнакомец последовал за нею. Леди Эмили опустилась на деревянную скамью. Ее собеседник заговорил, стоя перед дамой с непокрытой головой.

– Я вижу, леди Райленд, что старый Лоусон уже нарушил свое обещание оставить в тайне мое посещение!

– Да, больной старик пешком приплелся в Ченсфильд и рассказал мне все. Камилла тоже нашла в себе мужество признаться, что неделю назад она встретила здесь с человеком, который выпытывал у нее подробности о хозяевах дома. Чего вы добиваетесь этими низкими средствами?

– Вы знаете, что именно привело меня в Бультон, и должны понять, почему я искал помощника среди ваших слуг. Не мог же я, ничего о вас не зная, ожидать сочувствия от... леди Райленд! Но после всего, что я услышал от Камиллы, я готов открыть вам свое настоящее имя. Я не Роджерс и не англичанин.

– Напрасно было бы вам и пытаться выдавать себя за англичанина: наружность и акцент выдают в вас итальянца или испанца.

– Леди Райленд, я пришел на свидание и счел невыгодным изменять внешность. Если меня принуждает необходимость, я умею принять вид заправского англичанина. Тем не менее вы правы. Я действительно испанец, Фернандо Диас. Родом из Толедо. В прошлом плавал на пиратском судне штурвальным. Я страшусь произнести перед вами имя моего прежнего капитана, ибо оно вам хорошо известно.

– Вы говорите о бесчеловечном Бернардито Луисе? – тихо спросила дама.

– Да, синьора. Но Бернардито был тигром, а не гиеной. Он не пятнал себя убийством стариков и пленением женщин...

– Но он не мешал творить эти злодеяния людям своей шайки!

– Синьора, я вижу, что к Бернардито, который все же имел понятие о чести, вы относитесь строже, чем к другому лицу, чьи руки по самые локти обгажены кровью невинных.

Леди Эмили вздрогнула. Стиснув кружева своего воротника, она встала со скамьи.

– Говорите по-испански, – произнесла она побелевшими губами. – Я понимаю язык вашей родины. Чего вы хотите от меня?

– Синьора, вы являетесь наследницей покойного мистера Гарди. Прикажите старому служащему вашего отца открыть мне, в чьих руках он видел похищенный камень.

– Сначала скажите, синьор Фернандо, у кого он был похищен?

– Этот камень вручил мне сам Бернардито, чтобы я отвез его в Грецию, старой синьоре Эстрелле Луис, его матери. Я поклялся, что любой ценой доставлю старухе подарок сына. Другой камень, меньших размеров, капитан подарил мне. Два моих врага, штурман Джузеппе Лорано и боцман Вудро Крейг, в смертельной схватке отняли у меня оба камня. Это было на испанском берегу, перед выходом «Черной стрелы» в ее последний рейс... Только

через полгода, весь израненный, я добрался до Греции. К матери Бернардито я явился с пустыми руками и с вестью о гибели шхуны. Эта весть догнала меня еще в Марселе – все моряки говорили тогда о прибытии в Гибралтар британского фрегата «Крестonosец».

Этот фрегат подобрал спасенных с корвета «Бургундия», утопившего шхуну Бернардито... Я нашел старуху в жестокой нужде и вдобавок с внуком на руках. Оказалось, что мальчик родился, когда его отец, Бернардито, уже ушел в море. Мать ребенка, красавица гречанка, умерла во время родов.

Старуха выходила ребенка и теперь в нищете живет с маленьким Диего в Пирее. Но я дал себе клятву, что найду похитителей, и вот недавно их следы отыскивались. Точнее говоря, я отыскал Вудро Крейга; о втором похитителе, Джузеппе Лорано, ничего не слышно. Мой камень достался при дележе, очевидно, ему, а большой алмаз взял себе Крейг. Старый Лоусон сказал мне, что видел этот камень в Бультоне и оценил его в четыре тысячи гиней. Теперь умоляю вас, откройте, кто предлагал фирме вашего отца эту драгоценность.

– Позовите Лоусона... – приказала леди Райленд. – Эндрью, – обратилась она к старику, когда тот предстал перед нею, – прошу вас рассказать мистеру Роджерсу все, что вам известно об алмазе.

Старик взирал на испанца с нескрываемым удивлением.

– Ни за что не узнать в вас моего посетителя! – воскликнул он. – Вы, мистер Роджерс, помолодели лет на двадцать! Отроду не видывал таких чудес! – Заметив нетерпеливый жест испанца, старик вздохнул: – Что же сказать вам о том камне? В общем, вы идете по правильному следу. Действительно, поздней осенью 1768 года камень был принесен в нашу контору бывшим моряком Вудро Крейгом. Но контора не приобрела этого камня, так как трудно было предположить, чтобы столь ценный алмаз мог попасть к простому матросу или хотя бы боцману честным путем.

– А известно ли вам что-нибудь о дальнейшей судьбе этой драгоценности?

– Я не должен бы говорить об этом, но... через некоторое время меня пригласил к себе домой один скупщик драгоценностей и показал тот же камень.

– Как звали этого скупщика?

– Его имя Джеффри Мак-Райль. Он и сейчас живет в Бультоне.

– Я знаю Мак-Райля! Раньше он был моряком, а потом занялся торговлей разными ценностями. Через него Бернардито не раз продавал награбленные товары. Для чего же он вызвал вас, мистер Лоусон?

– Он спросил меня, стоит ли отдать за этот камень три тысячи гиней. Я ответил, что такая цена ниже настоящей на целую тысячу гиней.

– Что же произошло потом?

– А потом бывший бездомный моряк Вудро Крейг купил дом, винный погреб с виноградником и таверну «Чрево кита» около порта. Поэтому я полагаю, что именно он продал Мак-Райлю камень.

– Так вот кто овладел камнем! Спасибо, Лоусон, теперь я знаю достаточно. Спасибо и вам, синьора. Но прошу вас не забывать, что вы рискуете навлечь на себя крупные неприятности, если не сохраните в тайне нашу беседу.

– Я уже четыре года живу в опасности.

– Не понимаю, что заставляет вас молчать, но, в конце концов, это не мое дело. Я преследую только свои цели и не собираюсь вмешиваться в чужую игру. После того как на первом свидании Камилла рассказала об отношениях между вами и вашим мужем, я твердо решил явиться к вам и поговорить. А сегодня, ожидая Камиллу, я увидел вас и понял, что откладывать нечего! Синьора, теперь мои подозрения подтверждаются, и, быть может, мне придется столкнуться в моей тайной борьбе...

– Почему вы замолчали, Фернандо?

– Тише! Сюда идут!

Леди Эмили обернулась и увидела молодого офицера с перевязанной рукой и хорошенькую, очень молодую девушку. Они шли, держась за руки, к поляне, не замечая ни кабриолета, ни людей в роще.

Фернандо раздвинул кусты орешника позади скамейки и помог леди Райленд спрятаться. Сам он уселся на скамейке. Молодые люди, увидев, что скамейка занята, замялись, постояли на полянке и направились к дороге. Вскоре они скрылись за поворотом.

– Вы знаете этих людей, синьора?

– Это мои добрые друзья. Молодой офицер – мистер Эдуард Уэнт, сын бывшего управляющего поместьем. После ранения, полученного этой весной, он гостит у своей матери, в Ченсфильде. Юная леди – его невеста, Мери Мортон. Я доверяю ей. Она и не подозревает, чьим орудием стал ее отец!

– Я читал у мистера Томпсона лживую рукопись Мортон и понял из нее, что игра ведется гораздо крупнее, чем я мог предполагать сначала...

– Фернандо! Мое отсутствие может быть замечено, я должна спешить. Итак, вы хотели сказать, что в вашей тайной войне за похищенные сокровища вам, быть может, предстоит столкновение с... убийцей Бернардито Луиса?

– Вы угадали, синьора. Во-первых, не годится, чтобы добыча всей стаи досталась одному. Кроме того, почему старая мать и маленький ребенок капитана Бернардито должны оставаться нагими и нищими на чужбине, когда враги Бернардито, овладев его деньгами, купаются в роскоши? Я обязан сдержать клятву, данную капитану, и вы можете мне поверить: если бы камень вернулся в мои руки, я отвез бы его в Грецию, старой синьоре.

– Стойте! На всякий случай я взяла с собой деньги. Вот здесь, в этом кошельке, сто соверенов. Возьмите их и отвезите или отошлите старухе и ее несчастному внуку... Если вам снова необходимо будет поговорить со мной или передать записку, можете прийти к негрусадовнику или известить Мери Мортон. Прощайте, синьор...

Фернандо Диас низко склонился перед молодой женщиной. Протянутую ему на прощание тонкую руку он поцеловал так, как только в ранней юности целовал выточенные из кости пальцы Пресвятой Девы в старинной часовне Толедо.

5

– Дорогой сэр Фредрик! – говорил вечером охмелевший кораблестроитель мистер Паттерсон, когда кареты и коляски увезли с верфи последних гостей, участников пирушки после спуска «Окрыленного». – Я восхищен вами! Я убежден, что именно такие люди, как вы, и нужны сейчас нашему королевству. И не я один восхищен! Сегодня вы одержали еще одну почетную победу: леди Стенфорд за столом без конца расспрашивала мою жену о вас и восторгалась вашей энергией. Вот моя рука в знак дружбы и расположения! Окажите мне честь вашим доверием и скажите, какие надежды возлагаете вы и ваша фирма на «Окрыленного»?

– Мистер Паттерсон, вы когда-нибудь наблюдали плавучий айсберг, ледяную гору в океане?

– Н-н-нет, но я... не совсем понимаю, не... улавливаю связи...

– Я хочу пояснить вам, мистер Паттерсон, что подводная часть такой ледяной горы, невидимая глазу, всегда в пять-шесть раз больше ее надводной, видимой части...

– Великолепно сказано, сэр! Кажется, я начинаю угадывать смысл этих слов, хотя... еще не представляю себе всего замысла. Но ваша фирма, сэр... Ее репутация, ее бумаги, вся ее коммерческая деятельность... Я не могу предположить в этом... ничего... «подводного»!

– Слушайте, Паттерсон, я не деревенский лавочник, чтобы всю жизнь откладывать по фардингу в женин чулок! Моя фирма с фабриками и торговыми кораблями, поместье

и фермы – все это со временем будет приносить немалый доход, но это дело... слишком медленное. А мне золото нужно сразу, понимаете, Паттерсон, сразу и... много! Стесняться и оглядываться нечего! В мире щедро рассеяны невероятные, сказочные богатства. Иногда их приходится искать в природе, а чаще – просто вырывать из чужих, слабых или неумелых рук, особенно цветных! Вырывать, чтобы прибирать к своим. Как говорят: «Кто смел, тот и съел». Вот зачем мне нужен «Окрыленный» и другие суда с добрыми экипажами. Поверьте, я не останусь с ними внакладе!

– Мистер Райленд, разрешите сделать одно серьезное предложение!

– Я всегда охотно принимаю дельные предложения.

– Так вот, предлагаю вам уже с этого дня разделить, как вы изволили вчера выразиться, и риск и удачу со мной!

– Игра... требует ставок, мистер Паттерсон.

– Мои свободные средства к вашим услугам. Я хотел бы, чтобы ваши широкие замыслы стали нашими замыслами и осуществлялись сообща.

– Что ж, благодарю за доверие и полагаю, что вы не раскаетесь. Мне нужны добрые компаньоны. Но должен предупредить откровенно: нервы нам понадобятся крепкие! Пусть дети наши уже не будут иметь забот. Пусть они займут кресла в парламенте, наденут мантии судей и епископов, станут министрами, лордами, графами, черт побери! А наше дело – подвести золотой фундамент под стены их будущих дворцов. Для этого хороши любые средства, лишь бы быстро давали чистоган!

– Но, сэр, на пути к... столь быстрому обогащению могут возникнуть... опасные препятствия. Законы, например...

– Ха, законы! Они нужны, чтобы держать в узде простолудинов. Ни Кортес, ни Писарро³⁰ не заботились о законах, а захватывали целые страны со всеми богатствами, и потомки не осуждают их. Кто они были? Просто решительные ребята... Времена святош и старинных добродетельных рыцарей миновали давно. Все, что становится поперек дороги – буква ли закона, чужая ли воля, – надо сметать или умело обходить.

– Сэр Фредрик, я уже высказал свое убеждение, что именно такие люди сейчас и необходимы стране. Во мне вы нашли единомышленника! Вы могли убедиться, что я тоже не склонен к излишней осторожности. Ведь когда некоторые таможенные формальности становились нам поперек дороги, мы всегда находили способ, чтобы, так сказать, не спотыкаться...

– Отлично! Перейдем к делу. Какую сумму вы готовы вложить для начала в первые операции?

Паттерсон долго прикидывал что-то в уме и в раздумье отвечал, глядя мимо собеседника:

– Пожалуй, тысяч шесть можно бы вложить... Но каковы, сэр, ваши ближайшие планы?

– Об этом я сообщу вам после возвращения из плавания моего брига «Орион». Я уже в течение двух недель жду его со дня на день. От капитана Брентлея я ожидаю важных подробностей об одном неизвестном острове, координаты которого я сообщил капитану перед отплытием. Быть может, эти подробности откроют мне, я хочу сказать – нам, довольно заманчивые перспективы. В недалеком будущем солидную выгоду сулит мне одна экспедиция в глубь Африки. Обе мои шхуны – «Глория» и «Доротея» – уже там, у африканских берегов...

³⁰ К о р т е с (1485–1547) – испанский завоеватель Мексики; П и с а р р о (1475–1541) – испанский завоеватель Перу; оба прославились неслыханными зверствами над населением покоренных стран.

– Черное дерево? Слоновая кость? Не так ли, сэр Фредрик? – Паттерсон смотрел на собеседника с любопытством и жадностью.

– Нет, мистер Паттерсон, черная кость, простите мне эту шутку! Черная кость, точнее – черные руки! Хлопковым и сахарным плантаторам нужны руки, черные руки в железных браслетах. Миллионы черных рук требуют американские колонии, мистер Роберт!

– О, я понял вас, сэр! Очень, очень разумное помещение капитала!.. Как только «Орион» вернется, мы поставим его в док, оборудуем на нем батарейные палубы и оснастим корабль заново. Работа над ним пойдет днем и ночью. О! Колонии и плантации с нашей помощью будут получать много этих черных рук, украшенных железными браслетами!

И две белых руки, украшенные золотыми перстнями, соединились в крепком, долгом пожатии.

6

Джеффри Мак-Райль, полнеющий брюнет с розовыми щеками и холеными усиками (он сохранил их в память о неудавшейся военной карьере), вернулся после спуска «Окрыленного» в свою холостую квартиру, которую делил с моряком Джозефом Лорном. Большую часть своего времени Лорн проводил в море, и потому домик на Гарденрод почти круглый год находился в распоряжении одного Мак-Райля. Квартиру эту он снимал у вдовы-немки Гертруды Таубе, боготворившей своего постояльца.

Она ухаживала за ним так, как только сентиментальная немка способна ухаживать за избалованным мужчиной.

Чистенькая, свежеекрашенная решетка отделяла от улицы уютный одноэтажный домик, приветливо глядевший на прохожих четырьмя окнами фасада. Окна завешивались гардинами и шторами; фрау Таубе собственноручно два раза в год красила эти занавеси в... кофейной гуще. Вокруг домика росли яблони и груши, под окнами красовались две цветочные клумбы, похожие на кондитерские торты и распространявшие по вечерам одуряющий запах цветов табака. В глубине двора, среди каштанов и грабов, виднелся крошечный флигель самой хозяйки. Вместе с Джеффри в доме жил его слуга, мулат Энрико Рой, приводивший хозяйку в отчаяние своими чересчур холостяцкими привычками, отсутствием уважительности и способности к круглосуточному ничегонеделанию. Здоровый сон был его главным времяпрепровождением.

Хозяин долго стучал в запертую дверь своего жилища. Наконец он полез в глубокий карман своего камзола и извлек ключ. Отокнув входную дверь, хозяин застал своего слугу храпящим на огромной ковровой тахте. Комната с этим восточным ложем служила в квартире Мак-Райля и будуаром и кабинетом. Довольно бесцеремонный пинок ногой сбросил Роя с тахты.

– Убирайся к дьяволу, животное! – коротко приказал хозяин. – Сейчас я буду принимать здесь гостей.

Мулат потянулся так, что кости в его суставах затрещали. Он широко зевнул, почесал голову и сплюнул. Эти изящные манипуляции не показались хозяину необычными.

– Послушай, Мак, – обратился слуга к господину с фамильярностью, не совсем принятой для лиц его звания, – какого черта ты все еще болтаешься в Бультоне? Я слышал, что Джакомо давно гонит тебя в Голландию на подмогу Джузеппе, по делам этого старого дурака Ленди.

– Во-первых, не суй своего носа в дела, которых ты не понимаешь. Во-вторых, готовь дорожный сундук, потому что на днях я уеду. В-третьих, сколько раз нужно долбить в твою глиняную башку, чтобы ты выбросил из нее слово «Джакомо», а говорил бы...

– Ладно, виноват, обмолвился! Значит, ты, Мак, поедешь в Амстердам? Ах, рыба кость тебе в глотку, славно же ты гульнешь в голландских трактирах! А что делать мне?

– Валяться на этой тахте и строить куры фрау Таубе, пока не придет «Орион». Тогда сэр Фредрик найдет тебе занятие. Из Голландии я скоро вернусь вместе с Джузеппе Лорано, и тогда...

– Эй, Мак, вот ты и сам проговорился: сказал «Джузеппе Лорано»!..

– А, черт! Я хочу сказать, что после моего возвращения из Голландии в обществе мистера Джозефа Лорна нам, возможно, придется совершить небольшую воскресную прогулочку по делам высокорожденного наследственного виконта Ченсфильда, сэра Фредрика Джонатана Райленда.

– Какую прогулочку? Куда?

– Совсем недалеко: маленький пикник к берегам Африки, Америки и в индийские воды.

– Опять чертовы индийские воды! Не повезло тогда одноглазому Бернардито с этой индийской экспедицией!

– Зато повезло кое-кому другому!..

– Зачем же мне тащиться вместе с вами?

– Как – зачем? Не могу же я пускаться в путь без преданного и высоконравственного слуги! Довольно болтать! Проваливай в свою дыру, живо! Идут Райленд и банкир Ленди... Добро пожаловать, господа! Энрико Рой, вы свободны... Мистер Ленди, могу вас обрадовать, что от Джозефа Лорна получены сегодня из Амстердама хорошие вести по интересующему вас делу.

– О, нынче день сплошных удач! Какую же сумму наличными предлагают ему ростовщики?

– В английских деньгах от пятидесяти до шестидесяти тысяч фунтов³¹ за двадцать шесть камешков.

– Мистер Райленд, как вы находите эту цену за ваши фамильные драгоценности?

– Неплохая цена, особенно если принять во внимание одновременную продажу большого числа бриллиантов и негласный характер этой операции.

– Вы мой спаситель, сэр Фредрик! Я никогда не забуду этой услуги в тяжелую для меня минуту. Вы приносите в жертву фамильные бриллианты, чтобы поддержать «Бультонс-банк» в самый критический момент. Поверьте, что отныне интересы «Северобританской компании» станут на первое место при всех операциях «Бультонс-банка». Когда же я смогу получить эти деньги, вырученные за продажу камней?

Фредрик Райленд вопрошающе взглянул на Мак-Райля. Ленди переводил взгляд с одного на другого.

– Полагаю, что недели через две Мак-Райль и Джозеф Лорн уже доставят вам всю эту сумму полностью. Можете готовить вексель на шестьдесят тысяч, мистер Ленди.

Банкир с чувством пожал руку мистеру Райленду.

– Теперь, когда с делами покончено, мы, может быть, проведем остаток вечера в «Чреве кита»? – предложил Мак-Райль.

Однако банкир, сославшись на усталость, уже встал, чтобы ехать домой. Мак-Райль вышел проводить обоих гостей и наблюдал с крыльца, как джентльмены занимали места в просторной коляске владельца банка.

³¹ Английская денежная система отличалась сложностью; плату за некоторые виды товаров и услуг было принято вносить в гинеях, другие предметы оплачивались в фунтах стерлингов; кроме того, имели хождение кроны, полукроны и т. д.; фунт стерлингов равен 20 шиллингам, шиллинг – 12 пенсам, ¼ пенса – фартингу; гинея – 21 шиллингу, соверен – золотая монета достоинством в один фунт стерлингов.

В порту замигал маяк, и прозрачная летняя ночь зажгла над городом свои неяркие звезды.

Мак-Райль вернулся в дом. Мулат уже снова спал, раскинувшись на циновке в отведенной ему каморке.

– Животное! – процедил Мак-Райль и со свечой в руке отправился в свой кабинет.

Здесь было душно и еще держался крепкий запах сигары Райленда. Мак-Райль чихнул, отворил окно и выглянул в садик. Свет его свечи упал на пышный куст акации, покрытый тоненькими зелеными стручками. Мак-Райль вспомнил, как в детстве он мастерил себе свистульки из этих стручков, и вздохнул.

– Надо покончить с делами, найти себе жену, уехать в Америку и растить детей... Вам пора подумать о вашей старости, мальчик Джеффри! – разговаривал сам с собою постоялец фрау Таубе; при этом он уже успел стащить с себя лиловый камзол и развязать широкий узел своего галстука.

Почему-то подобные мысли всегда посещали Мак-Райля перед сном. Он долго плескался у умывальника, втирал какие-то благовония в холеную кожу щек, а затем внимательно осмотрел свой парик, бережно распыленный на специальной подставке, и расчесал гребеночкой несколько локонов.

Напоследок, когда ночной туалет мистера Мак-Райля был окончательно завершён, джентльмен вставил свечу в ночник, снял нагар и забрался в постель. Фрау Таубе приучила его спать на перине; он погрузился в нее, как в морскую пучину, и уже блаженно прикрыл веки, как вдруг почувствовал холодную струю ночного воздуха из открытого окна.

– Рой! – крикнул он в полутьму. – Грязная свинья!.. Обязательно скажу Джакомо, чтобы убрал от меня это животное; пусть пристраивает его куда хочет или берет к себе! Рой, скотина!

Попытки дозваться мулата были тщетны. Мак-Райль знал это по долголетнему опыту.

Чертыхнувшись, он наклонился за ночными туфлями, но не успел еще надеть их, как услышал шорох в кустах акации под окном. Подняв голову, он увидел человека в полумаске, одним прыжком вскочившего из садика на подоконник.

В следующее мгновение удар свинцовой перчатки в грудь сбросил Мак-Райля с постели. Незнакомец придавил его к полу и приставил к горлу нож.

– Я пришел за своим камнем, Мак-Райль, – послышался свистящий шепот. – Ты отдашь мне мой камень, или я перережу тебе горло, собака!

В комнате царил полумрак. От свечи, мерцавшей в ночнике, падал слабый свет, колеблемый ветром из окна. При каждом дуновении по стенам и потолку металась смутные тени.

Мак-Райль шевельнулся.

– Пусти! – прохрипел он. – Кто ты и какой камень требуешь?

– Голубой алмаз с желтым пятнышком на нижней грани. Я знаю, камень у тебя. Ты взял его у Черного Вудро за три тысячи гиней. Говори, отдашь ты мне камень?

– Камень я давно продал. Он не стоил таких денег! Кто ты?

– Если ты продал мой камень, отдай четыре тысячи гиней, которые ты выручил за него.

– Что ты, это же груда золота! Во всем доме у меня нет и десятой доли такой суммы!

– Слушай меня, Мак-Райль! Я пришел либо взять камень или деньги, либо убить тебя. Даю тебе одну минуту. Я буду считать до шестидесяти. Вставай, зажги вторую свечу и не вздумай хитрить! На счете «шестидесять» я размозжу тебе череп, если камень или деньги не будут у меня в руках.

Незнакомец в полумаске поднял Мак-Райля и поставил его на ноги. Затем он отскочил к окну, задернул занавеску и, наведя в лоб Мак-Райлю пистолет, взвел курок.

– Один... два... три... Когда я тебя убью, я перерою весь дом и все равно найду... десять... твой мулат спит, его умел будить один Бернардито... Двадцать.

– Стой! Ты из людей Бернардито?
– Тридцать... Торопись, скупщик, пощады не жди...
– Послушай! Я был другом Бернардито!
– Сорок... ты обманывал и его, скупщик...
– Повторяю тебе, у меня нет ни камня, ни денег!
– Пятьдесят... Значит, ты живешь последние секунды, Лисица Мак!.. Пятьдесят один...

– Постой, я достану камень, он в другой комнате!
– Тебе чертовски не повезло, Мак-Райль, в другую комнату я тебя не выпущу... пятьдесят два...

Мак-Райль наклонился над плиткой паркета в углу и топнул ногой.

– Да стой же!

– Пятьдесят пять... Ты почти труп, Джеффри Мак-Райль!.. Пятьдесят шесть...

– Брось мне нож, проклятый пират! Я должен поднять паркетную плитку!

– Пятьдесят семь...

Незнакомец швырнул Мак-Райлю перочинный ножик с ночного столика. Тот поймал его на лету.

– Пятьдесят восемь...

Мак-Райль поддел ножом дощечку паркета и отшвырнул ее в сторону.

– Пятьдесят девять!

Из-под дощечки появился сверток, обмотанный тряпкой. Мак-Райль швырнул его под ноги незнакомцу.

– Повежливее, Мак! Разверни сверток и покажи камень. За обман – смерть без пощады!

Руки плохо повиновались скупщику. Когда тряпка отлетела в сторону, незнакомец увидел маленький футляр из замши. Мак-Райль расстегнул его.

В жалком свете ночника и второй свечи, зажженной Мак-Райлем, из футляра выглянула как бы огромная твердая капля утренней росы. Но едва лишь рука Мак-Райля с камнем чуть повернулась, в прозрачной глубине этой капли вдруг вспыхнула зеленая искра. В следующее мгновение от едва заметных движений руки, державшей алмаз, грани чудесного камня стали испускать в свете двух свечей то красные, то синие, то оранжевые лучи.

Два человека, как замороженные, глядели на волшебную игру алмаза.

Первым опомнился Мак-Райль. Зажав камень в кулак, он наклонил голову и, как бык, ринулся на человека в полумаске.

Неуловимо быстрым движением свинцовой перчатки, надетой на левую руку, тот ударил атакующего в лицо, снизу вверх.

Падая на колени, Мак-Райль вцепился в руку, нанесшую удар. Он ощутил, что одно гнездо свинчатки было пустым – на руке у незнакомца не хватало безымянного пальца... Потом в мозгу Мак-Райля разом вспыхнули все искры и лучи бриллианта: теряя сознание от нового удара, он выпустил руку незнакомца и тяжело грохнулся на пол.

В ту же ночь из Бультона в Шербур отошел пакетбот³². На борту в числе немногих пассажиров находился бедно одетый испанец. Завернувшись в плащ, он сидел среди ящиков и мешков, сваленных на корме суденышка, и, казалось, один не страдал от морской болезни, жестоко мучившей остальных путешественников. Руки его в черных перчатках опирались на палку. Свой дорожный мешок он положил себе под ноги.

На груди у пассажира под плащом и грубой курткой висел маленький кожаный мешочек. Время от времени он бережно ощупывал его рукой. Измученные болезнью соседи не обращали на него никакого внимания.

³² П а к е т б о т – небольшое судно, перевозящее почту.

На рассвете, когда ветер стал свежее и пакетбот то и дело зарывался носом в пенистые воды, навстречу, шумя парусами, прошел большой торговый бриг. Испанец взгляделся в красивые очертания брига и с трудом разобрал на носу надпись, выведенную крупными белыми буквами: «Орион. Порт Бультон».

В Шербуре, не теряя времени, испанец пересел на французское судно, отправлявшееся в греко-турецкий порт Пирей.

3. Островитяне

1

Заря ясного летнего дня сообщает любому ландшафту несколько идиллический оттенок. Смягчает она и суровость пейзажа английского севера, где небо редко очищается от туч, а холмы и долины – от скучной пелены дождя и тумана. Известно, что в окрестностях Бультона, где расположено поместье Ченсфильд, легко схватить ревматизм и трудно отделаться от сплина³³.

Но в конце июля, уже в преддверии сереньких осенних дождей, здесь бывают удивительные дни – ясные и светлые, превращающие Ченсфильд в прелестнейший уголок.

В такой погожий июльский денек, почти на рассвете, когда пушистые облака уплывающего ввысь тумана были еще розовыми, леди Эмили Райленд шла по берегу длинного узкого озера, окруженного парковой зеленью. На светло-сером платье и голубоватой шали оседали росинки; свежий солоноватый ветерок с океана играл концами шали, а в глазах молодой женщины отражались солнечные блики, игравшие на воде.

Проворные белки, цокая и шелкая, перескакивали с дерева на дерево; дятел усердно стучал где-то вверху. Совсем близко от леди Райленд на дорожку выскочила лань. Не испугавшись владелицы поместья, животное осторожно спустилось к берегу и наклонилось к самой воде. Леди Эмили остановилась, чтобы не спугнуть зверя.

Внезапно лань вздрогнула, метнулась в сторону и в два прыжка исчезла в кустах парка. Кто-то быстро бежал по дорожке на другом берегу озера. Леди Эмили узнала Антони, молодого грума сэра Фредрика. Досадуя на нарушенный покой, молодая женщина направилась к дальней беседке в самом запущенном и глухом углу парка. Здесь она углубилась в чтение рукописи, полученной ею два дня назад у мистера Уильяма Томпсона.

Все ставни старинного дома Райлендов были еще наглухо заперты, когда Антони, потревожив свою госпожу на ее ранней прогулке, прибежал наконец к заднему крыльцу дома.

Юноша постучал в одно из нижних окон. Камердинер впустил его. Поднявшись во второй этаж, Антони оказался перед дверью верхнего кабинета. Сначала он постучал робко, потом погромче. Наконец дверь отворилась. Сэр Фредрик, в халате и без парика, впустил юношу и положил ему руку на плечо, не давая пройти в глубь кабинета.

– Сэр, – торопливо сообщил Антони, запыхавшийся от быстрого бега, – паруса «Ориона» показались на горизонте. Часа через два судно войдет в порт. Я разглядел его в вашу подзорную трубу, милорд! Третьего дня, когда вы поднимались со мною на скалу в бухте Старого Короля, был шторм, а нынче безоблачный день и даль видна чуть ли не до самой Ирландии!

– Тише, Антони! А не ошибся ли ты?

– Я узнаю «Орион» среди тысячи других кораблей, милорд! Ведь на нем мы прибыли сюда из Италии...

– Хорошо, мальчик! Вот тебе гиней за усердие... Теперь ступай отдыхать. Или у тебя есть еще новости?

– Сэр! Моя сестра... Я хочу сказать, сэр, что Доротея вскоре перестанет быть няней Чарли, и тогда...

³³ С п л и н – хандра, тоскливое настроение; раньше считался специфической английской болезнью, вызываемой климатом Британских островов.

– Ступай, Антони, и никогда не тревожься за судьбу своей сестры, – прервал юношу хозяин дома.

Выпроводив его, мистер Райленд прошел в комнату, смежную с кабинетом. Это была его личная спальня, расположенная по соседству с комнатами его супруги, но отделенная от них стеной с наглухо забитой дверью.

В своей опочивальне владелец поместья подошел к молодой черноглазой женщине, державшей на руках спящего кудрявого ребенка. Женщина сидела у постели сэра Райленда. Голос Антони испугал ее, и она в смущении прижалась к изголовью.

Владелец поместья успокоил ее тихими, ласковыми словами. Осторожно, чтобы не потревожить ребенка, он поцеловал ее в розовые губы, с нежностью коснулся сжатого кулачка мальчика и вернулся в кабинет, плотно прикрыв за собой дверь. Затем он позвонил камердинеру, совершил с его помощью утренний туалет, надел синий камзол, похожий на офицерский морской мундир, и, взглянув на себя в зеркало, остался доволен своей внешностью.

Надушенный, в тщательно завитом и напудренном парике и маленькой треугольной шляпе, он вышел в коридор и в дальнем конце его постучал в дверь покоя своей жены. В приоткрывшуюся дверь выглянула Камилла, горничная леди Эмили.

Услыхав, что леди вышла на прогулку, владелец поместья, казалось, несколько встревожился. Пройдя через парк и миновав горбатый мостик, перекинутый над самой узкой частью озера, он поспешил к излюбленной беседке своей жены. С большой осторожностью он подошел к кустам, окружавшим маленькое сооружение, похожее на индийское бунгало³⁴. Увидев в окне беседки склоненную голову жены, виконт тихонько отступил назад, в чащу, быстро вышел из парка, и через несколько минут маленький гиг, запряженный гнедой кобылой, вынес его из ворот усадьбы на дорогу, ведущую к городу и порту.

Усадьба вновь словно замерла. Но вот задымили трубы кухонных очагов, слуги вынесли из гостиной большой ковер и принялись палками выбивать из него пыль. Дворня просыпалась. В доме одна за другой открывались ставни. Вышла в сад черноглазая Доротея с маленьким Чарли на руках и присела с ним на краю солнечной лужайки.

Помощник садовника, высокий негр с обезображенным оспой лицом, обошел оранжерею и, присев у задней стены, примыкавшей к усадебной изгороди, закурил большую черную трубку.

С наслаждением затянувшись, он внимательно огляделся и заметил, что прямо через луг к усадьбе пробирается человек в одежде матроса. Негр перебрался через изгородь и поманил матроса к себе. Они обменялись несколькими фразами. Матрос сжал в кулаке монету, перешедшую из черной руки в белую, и, весело посвистывая, пустился в обратный путь.

– Что вам нужно, Сэм? – спросила негра госпожа Райленд, когда помощник садовника с осторожностью приблизился к окну ее беседки. – Не Роджерс ли, наш вчерашний знакомый, появился снова в Ченсфильде?

– Нет, приходил портовый матрос. Два часа назад бриг «Орион» показался на горизонте. Сейчас он, вероятно, уже на бультонском рейде.

Кровь отлила от лица молодой женщины. Комкая в руках кружевной платочек, леди Райленд торопливо направилась к домику управляющего поместьем.

Негр незаметно вернулся в оранжерею.

³⁴ Б у н г а л о – легкая индийская постройка с верандой.

2

На океанском бриге «Орион» убрали паруса. Не входя в гавань, судно бросило якорь на рейде, ожидая прибытия портовых чиновников.

Гребной двенадцативесельный катер отвалил от причального пирса и полетел к бригу. Три человека стояли на корме. Двое из них, таможенные чиновники в морских мундирах, с трудом удерживали равновесие. Третий, высокий горбоносый джентльмен в плаще, накинутом поверх синего камзола, стоял неподвижно, пристально вглядываясь в очертания корабля.

Катер подвалил к носовому трапу корабля. Матросы разом осушили весла. На рейде стояла такая тишина, что было слышно, как падают капли с поднятых над водой весел.

Три джентльмена, встреченные капитаном, поднялись на палубу, блиставшую безупречной чистотой.

– Поздравляю вас, капитан Brentley, с благополучным возвращением на родину!

– Рад приветствовать вас на вашем корабле, мистер Райленд, – ответил капитан, обменявшись рукопожатиями с владельцем «Ориона».

В сопровождении капитана и боцмана Ольсена, огромного норвежца с седыми баками, чиновники уже собирались было приступить к проверке грузов и просмотру документов, но повар-китаец пригласил всех гостей в капитанскую каюту.

Здесь джентльменов ждал накрытый стол. Рядом с приборами, блистающими золотом и серебром, стояли накрахмаленные салфетки. Огромная рыба с устрашающей мордой, бутылки с сухими испанскими винами, паштет из дичи, блюдо устриц, спаржа под острым соусом, редкие фрукты в серебряной вазе, горьковатое миндальное печенье и сыр четырех сортов – вся эта благодать несколько смягчила постное должностное выражение лиц обоих чиновников.

Когда наконец все встали из-за опустошенного стола, таможенные чиновники, утирая огромными платками красные, залоснившиеся лица, направились к трюмам. Они выразили готовность удовольствоваться присутствием в трюмах одного боцмана и любезно оставили капитана в обществе мистера Райленда.

Безгласный китаец мгновенно сменил скатерть и сервировал на столе кофе с французским коньяком и ликерами из погребов славного монастыря Святого Бенедикта. Капитан разложил между рюмками карту последнего рейса «Ориона».

– Все ваши пожелания, сэр, мне, благодарение Богу, удалось выполнить. Рейс оказался на редкость удачным. Как вы, должно быть, припоминаете, мы вышли в плавание двадцать месяцев назад, в конце семидесятого года, направляясь в Чили...

– Мистер Brentley, я регулярно получал ваши отчеты по почте и знаю все, что произошло на корабле, за исключением событий последних четырех месяцев. Почему вы перестали посылать доклады?

– Почта не пришла бы в Бультон раньше нас, сударь. Полный отчет вы найдете в корабельном журнале, деньги и чеки находятся здесь, в этом шкафу, а сейчас я расскажу все вкратце.

– Остров, Brentley! Сначала про остров! Нашли вы его по моим координатам?

– Да, сэр, этот остров я нашел, но разрешите мне рассказать по порядку... Выйдя из Мельбурна...

– Стойте! Человек на острове жив?

– Да, сэр, он жив, но опоздай мы недели на две, самое большее на месяц, и ему бы уже несдобровать. Он терпел страшную нужду. Теперь он обеспечен всем необходимым и просил передать письмо...

– Мне?

- Нет, он просил вручить его мисс Гарди. Я хочу сказать, леди Райленд, сэр.
- Вы передали ему запечатанный пакет?
- Да, сэр, пакет перешел из моих собственных рук в его руки.
- Поручал ли он что-нибудь сказать мне, капитан?
- Нет, сэр.
- Дайте мне письмо для леди Райленд.
- Сэр, человек на острове поставил обязательным условием, чтобы письмо было отдано прямо в руки леди. Я обещал...
- Капитан Brentley!
- Я не могу нарушить свое слово, сэр!
- Хорошо... Пусть пакет пока останется у вас. Вы сами доставите его ко мне домой. Сегодня, в шесть вечера, я жду вас к обеду. Письмо вы передадите в моем присутствии, капитан!
- Слушаю, сэр, и готов исполнить любое приказание, не идущее вразрез с моей совестью.
- Капитан Brentley! Уж не полагаете ли вы, что я намеревался поссорить вас с вашей чувствительной совестью?
- Нет, сэр, но мне показалось...
- Выбирайте впредь ваши выражения, капитан. Боюсь, что в море вы несколько отвыкли от общества, мистер Brentley!
- Возможно, сэр. Примите глубокие извинения за мою ошибку.
- Карта острова?
- Она здесь, среди этих бумаг.
- Координаты оказались точны?
- Нет, сэр. Долгота была указана вами неверно; широта почти совпала с вашими данными, но по долготе остров оказался западнее на полтора градуса.
- Вероятно, приборы на моем корабле тогда утратили точность, и я ошибся в вычислениях... Хорошо, Brentley, я весьма доволен, и вы получите вашу премию. Сегодня, отправляясь ко мне, возьмите с собою двух человек для охраны и доставьте мне кассу, журнал, карту и документы, относящиеся к острову. Не забудьте письма! Вы расскажете мне подробнее обо всем плавании.
- С радостью, сэр.
- Чиновники, я вижу, уже окончили осмотр. Полагаю, что ваше гостеприимство сделало их сговорчивее. Я тоже принял для этого кое-какие предварительные меры. Узнайте результаты.
- Капитан вышел и через минуту вернулся в каюту:
- Сэр, судну разрешено беспрепятственно возвратиться на берег.
- Я отправляюсь вместе с ними. До вечера, мистер Brentley!

3

Когда катер подвалил к причальной стенке пирса, сэр Фредрик увидел своего кучера, державшего под уздцы лошадь, впряженную в гиг. Рядом стоял кабриолет, в котором сидела леди Эмили Райленд с дочерью управляющего поместьем, хорошенькой Мери Мортон. Едва катер коснулся пирса, молодая дама нетерпеливо выскочила из кабриолета и одна пошла навстречу прибывшим с «Ориона». Оба чиновника почтительно ее приветствовали. Они поторопились пройти вперед и оставили леди наедине с супругом.

Слабый ветерок раздувал пушистые волосы женщины. Стоя на пирсе против сэра Фредрика, она прямо и строго смотрела ему в глаза.

– Что за пылкие поступки? – спросил он недовольным тоном, отводя взгляд в сторону. – Вам не следовало приезжать сюда. Прошу вас соблюдать общеизвестные условности, миссис Райленд.

– А я прошу вас не называть меня этим именем, когда нас никто не слышит. Отвечайте мне прямо: он жив?

По лицу ее собеседника прошла судорога. Желваки заходили под скулами. Стиснув зубы, он молчал.

– Не доводите меня до отчаяния! Или вы боитесь сказать мне правду? Я вынесу все и немедленных мер принимать не стану. Но – слышите вы! – еще минута молчания, и я брошусь сейчас вниз головой с этого пирса!

– Он... жив, – процедил собеседник.

– Доказательства! Где доказательства, что вы не лжете мне так же, как лжете всегда всему миру?

– Сегодня вечером, дома, капитан Брентлей вручит вам его письмо. Дайте мне слово, что без меня вы его не вскрыете.

– Нет, такого слова я вам не дам.

– Тогда письмо будет уничтожено раньше, чем вы его прочтете.

– Берегитесь довести меня до отчаяния...

– Чего мне опасаться? «Орион» – быстрое судно, и я еще не отвык от моря, каррамба! – произнес он свирепея.

– Наконец-то я снова узнаю вас! Я уже привыкла видеть вас в маске джентльмена. Слава богу, теперь вы заговорили своим настоящим языком. Хорошо, я прочту письмо в вашем присутствии.

– Этого мало: я тоже должен прочесть его.

– Что ж, Фред знает, в чьих руках я нахожусь, и, вероятно, догадывается о возможном круге читателей своего письма. Я вынуждена согласиться. Но если вы обманули меня, то, клянусь, ни «Орион», ни силы самого ада, которые вам покровительствуют, не спасут вас от заслуженной участи! Пропустите меня вперед! Не прикасайтесь ко мне, я дойду до коляски одна!

4

В кабинет сэра Фредрика проследовали только четыре участника торжественного обеда, сервированного в столовой на два десятка персон и продлившегося часа два. Хозяин дома плотно прикрыл дверь кабинета, когда леди Райленд, капитан Брентлей и мистер Томас Мортон разместились в креслах у стола. Капитан Брентлей достал из-за обшлага своей широкой манжеты небольшой пакет, запечатанный сургучом. Три его собеседника молча склонились над пакетом. Сургуч хранил отпечаток старинного золотого католического образа, использованного автором письма вместо печати.

Леди Эмили приняла письмо дрожащей рукой и поцеловала отпечаток на сургуче.

От капитана это движение, впрочем, ускользнуло. Пригубивая вино из узкого венецианского стакана и покуривая длинную пенковую трубку, поставленную меж колен, капитан Брентлей начал повествование о плавании.

Сумерки уже сгущались, когда он завершил описание всех грузовых операций и рейсов «Ориона» между портами Америки, Африки, Индии и Австралии за два года. Штормы, подводные рифы, корсары, суда вражеских стран и заразные болезни – все эти препятствия и опасности не помешали опытному моряку доставить в Англию тысячу гиней чистой выручки и полные трюмы товаров, принятых на борт в Индии и Австралии.

Пока хозяин судна слушал рассказ капитана, два матроса, прибывшие с ним в Ченсфильд, восседая на кухне среди слуг мистера Райленда, тоже поражали воображение слушателей подробностями о плавании. Заработок команды за этот рейс был таков, рассказывали они, что на прилавке таверны «Чрево кита» нынче с самого утра звенит золото, и много веселых ночей предстоит в Бультоне морякам «Ориона»!

Капитан Брентлей закончил свой доклад описанием поисков неведомого острова в Индийском океане. Координаты этого острова капитан получил от владельца судна перед самым отплытием из Бультона, в ноябре 1770 года, и обязался сохранить их в глубокой тайне.

Остров этот, как пояснил тогда сэр Фредрик, был им случайно открыт в годы ранней молодости. По заданию виконта капитан Брентлей должен был обследовать эту неведомую землю и вручить пакет единственному обитателю острова, если бы тот оказался жив; в случае же, если бы экспедиция не обнаружила островитянина, пакет подлежал возвращению в руки владельца Ченсфильда. Капитан Брентлей получил также строгое указание, чтобы ни один член экипажа не вступал в общение с островитянином.

Все эти поручения капитан выполнил в точности. Крейсируя в указанных ему водах, он обнаружил на четвертые сутки непрерывных поисков неизвестный, отсутствовавший на мореходных картах остров. Его внешние очертания соответствовали полученному капитаном описанию.

«Орион» приблизился к нему ночью. С корабля сразу заметили сигнальный огонь, зажженный на голой вершине горы – на самой высокой точке острова. Рано утром островитянин, одетый в звериные шкуры, пытался подплыть к бригу в утлой пироге, но был предупрежден с капитанского мостика, чтобы он под страхом смерти не приближался к судну. Несмотря на столь негостеприимную встречу, островитянин показал, двигаясь на своей пироге впереди корабля, вход в единственную большую и очень удобную для стоянки судов бухту, о существовании которой капитан тоже был предварительно осведомлен.

Введя корабль в бухту, капитан вечером сел в шлюпку и отправился на берег, где его ожидал островитянин. Оставив гребцов в шлюпке и пояснив им, как ему было приказано, что этот островитянин – заболевший проказой пассажир, высаженный сюда с какого-то шедшего мимо судна, капитан углубился в лес, следуя за этим странным отшельником.

Зная, что моря и океаны полны всевозможных загадок и тайн, вникать в которые далеко не всегда бывает целесообразным, капитан не удивился, услышав чистую английскую речь своего необычайного спутника, и не задал ему никаких излишних вопросов.

Достигнув хижины островитянина, капитан вручил ему пакет от сэра Фредрика Райленда, а также письменные принадлежности для составления ответа. Оказалось, что этот таинственный анахорет находился уже на краю гибели: у него вышло из строя единственное ружье, кончились запасы и унесло в море сплетенную им сеть для ловли рыбы.

Отшельник рассказал далее, что этот безымянный остров, в отличие от других небольших островов Индийского океана с их бедным животным миром, изобилует крупными хищными зверями. В ответ на недоуменный вопрос Брентлея, откуда на далеком острове появились звери с материка, островитянин пояснил, что еще лет пятьдесят назад в водах острова разбился своего рода «Ноев ковчег» – арабское судно, имевшее на борту живой груз для королевских зверинцев Франции и Испании. Следы этого судна, экипаж которого погиб, островитянин обнаружил среди скал северного побережья острова.

Дикие свиньи уничтожили огород островитянина. Он давно износил европейское платье и одевался в козьи шкуры. У него не заживала нога, раненная на охоте за горным козлом, и не было никаких лекарств.

Утром следующего дня капитан прибыл за ответом и получил от островитянина пакет, запечатанный сургучом. Теперь, через одиннадцать недель после получения пакета, капитан Брентлей смог наконец вручить его адресату.

Капитан закончил свой рассказ сообщением, что перед отплытием с острова матросы свезли на двух шлюпках и выгрузили на берегу все, в чем так нуждался островной житель и оба его товарища.

– Оба товарища? – с недоумением переспросил владелец поместья. – Разве он не единственный человек на острове?

– Он ничего не говорил о своих спутниках, но сама обстановка хижины навела на мысль, что в ней живут по меньшей мере три человека, а не один.

Хозяин дома нахмурился. Леди Эмили смотрела на него с нескрываемым злорадством.

– Эти люди так до конца и не обнаружили себя? – спросил он отрывисто.

– Нет, перед отплытием «Ориона» на вершине прибрежного мыса открыто показались все три островитянина. Они дружелюбно махали нам на прощание и долго кричали вслед кораблю, посылая проклятия одному страшному пирату по кличке Леопард. Вероятно, он и высадил их на этом острове. Впрочем, ведь вы и сами, сэр, должны были слышать о нем: он ходил помощником на «Черной стреле» и погиб, можно сказать, на ваших глазах.

– А смогли вы различить внешность этих людей?

– Несомненно, они тоже европейцы. Один из них был огромного роста. Больше ничего рассмотреть не удалось.

Владелец поместья с трудом удержался от проклятия. Злой, озадаченный, он встал, давая понять, что беседа окончена.

– Капитан, – сказал он глухим голосом, – вы отвечаете головой вашей за то, чтобы ни координаты острова, ни сведения об островитянах не пошли дальше этого кабинета. Комната для вас приготовлена под левой башней, но утром вы должны вернуться на корабль. Он станет в док на ремонт. Нужно спешно готовить его в дальний рейс. На этот раз вместе с вами на остров отправлюсь я. Через месяц мы должны выйти в море. Сократите команду до минимума. Человек пять-шесть матросов и офицеров вы примете дополнительно по моему указанию. Оружие на корабль доставлю сам. Попутные грузы берите только до африканских портов. В обратный рейс бриг будет грузиться на острове. Все приготовления к плаванию держать в тайне. Вы свободны, капитан Брентлей!

5

Капитан удалился. Вошел камердинер, отнес в угол трубку, которую курил добрый моряк, и прибавил угля в камин, топившийся несмотря на летнее время. Владелец дома движением бровей услад слугу из кабинета и присел к письменному столу, молча вертя в руках карту острова.

Томас Мортон, плотный маленький человек с большой лысиной, в золотых очках, сгорбившись сидел в кресле, глядя вниз на пламя камина. У самого камина, прижав к груди запечатанный пакет, неподвижная, как статуя, стояла леди Эмили. Одни зрачки ее потемневших глаз с отраженным в них пламенем углей, казалось, искрились огоньками гнева и скрытого торжества.

– Отдайте пакет, Эмили, – хрипло произнес хозяин, – пусть мистер Мортон прочтет его вслух.

– Это будет не ранее, чем «Орион» подготовится к своему плаванию на остров. И прочтете вы письмо только в каюте «Ориона», которая будет приготовлена на этот рейс для меня. Я отправлюсь на остров вместе с вами. Надеюсь, вы хорошо меня поняли?

– Это невозможно. Вы сами знаете, что это невозможно. Я гарантирую вам сохранение его жизни. Вы не можете, не должны участвовать в этом плавании.

– В таком случае письмо как ни дорого оно мне, полетит сейчас в огонь камина, и вы не узнаете, кто из экипажа «Черной стрелы» слал проклятия Леопарду Грелли и готовится сейчас к страшной расплате с ним.

– Молчите, Эмили! Если игра Леопарда будет проиграна, вы не увидите живым вашего друга!

– Еще одна угроза – и письмо летит в огонь!

Хозяин поместья отвернулся и задумался. Несколько минут прошло в молчании. Наконец женщина услышала хорошо знакомый ей глуховатый горловой смехок:

– Ну что ж, синьора, видно, в вас самой сидит дьявол! Спорить с вами бесполезно, это я знаю. Но на упрямых пахнут землю, говорят. Может быть, поданная вами мысль и недурна, ибо присутствие ваше на борту сделает кое-кого сговорчивее... Что ж, придадим нашей экспедиции характер семейной увеселительной прогулки. В пути мы задержимся только в устьях Масляных рек³⁵ – там у меня есть небольшое дельце... Обязуетесь ли вы, леди, свято соблюдать наше главное условие? Помните, что от этого зависит его и ваша жизнь!

– Свои обещания я не намерена нарушать.

– Идет, синьора! У нас есть время обдумать состав остальных участников плавания. Быть может, там, у цели пути, нам понадобятся услуги кое-каких должностных лиц, а? Кроме того, путешествие может заинтересовать моих новых компаньонов... Нет, вы подали, ей-богу, недурную мысль, леди! Даю вам согласие проделать вместе с вами еще одно морское путешествие, вдобавок в весьма приятном маленьком обществе. Вероятно, это плавание будет комфортабельнее предыдущего... Но не забывайте, синьора: в случае малейшей хитрости с вашей стороны я не остановлюсь перед тем, чтобы пустить ко дну и бриг, и все очаровательное общество на нем. А теперь давайте нам письмо! Мортон, возьмите у леди пакет!

Мортон, казалось, безучастно сидел в кресле, уставившись вниз. Но у него дрожали веки и парик сполз на потный лоб.

Леди Райленд бросила на него презрительный взгляд.

– Он получит письмо в моей каюте на «Орионе». Не раньше! – сказала она. – Только перед отплытием на остров вы и ваш сообщник Мортон услышите, что пишет мне человек, чье благородное имя вы с такой сатанинской хитростью присвоили себе, пират и работороговец Джакомо Грелли!

В опустевший после ухода гостей кабинет вошел Антони.

– Милорд, вас давно ожидает внизу какой-то человек, – доложил он.

– Приведи его.

Перед владельцем Ченсфильда появился мулат Энрико Рой. Сапоги его были в пыли.

– Мистер Райленд, я уже три часа дожидаюсь внизу, чтобы сообщить вам важную весть. В Бультоне появился Фернандо Диас! Нынче ночью он ограбил и изувечил Мак-Райля. Ехать в Голландию Мак не сможет – он весь избит!

– Антони, лошадей! – крикнул хозяин.

Через десять минут три всадника во весь опор неслись к Бультону. Взмывленные лошади, пройдя галопом двенадцать миль, остановились перед таверной «Чрево кита».

6

Появляясь в небесах над Англией, июльское солнышко шлет земле как бы ласковый, благодатный привет. Но несколькими часами раньше то же самое солнце плывет над пенными гребнями Индийского океана, как огромный беспощадный огненно-красный шар, ничем не напоминая приветливое светило. На затерянных в океане клочках суши оно дотла

³⁵ Масляными реками в XVIII веке называли четырнадцать рукавов дельты африканской реки Нигер.

сжигает травы, иссушает ручьи, накаляет потрескавшуюся почву и навевает детям земли страшные легенды о карающей небесной колеснице.

Но и здесь, на пустынном острове в отдаленных африканских водах Индийского океана, первые утренние лучи солнца еще осторожны и ласковы...

В девственных лесах пронзительно кричали попугаи. Маленькие пестрые колибри перелетали в просветах чащи. Суетливая стая обезьян промчалась по вершинам, раскачиваясь на лианах, спугивая пернатых и роняя на землю плоды, листья и ветки. Черные тела крокодилов, словно каменные, застыли на песчаной отмели в бухте. Розовые пеликаны, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, заканчивали на озере ночной лов рыбы. Целое семейство диких свиней пробиралось к ручью на водопой, но вдруг стремительно повернуло обратно и с топотом бросилось назад, в гущу колючих зарослей; неподалеку раздался грозный, наводящий ужас рык. Это голодный лев, по-видимому неудачно охотившийся ночью, подкрался к водопою, высматривая себе добычу на завтрак.

На мягких могучих лапах, низко опустив гривастую голову, зверь неторопливо пробирался сквозь чащу. Он был вполне уверен в своем могуществе, не опасался встретить здесь достойного соперника и великолепно знал, что прочих обитателей чащи могут спасти от его клыков только очень быстрые ноги или очень глубокие и тесные норы.

Внезапно из густых зарослей бамбука грянул выстрел. Лев сделал чудовищный прыжок и, ломая высокие стволы бамбука, бросился на неведомого врага. Еще два выстрела грохнули подряд. Целая поросль молодого бамбука вдруг повалилась под тяжестью грузного тела. Короткое предсмертное рычание – и двухметровое тело зверя вытянулось и замерло. На подвернутых под тело лапах в последний раз высунулись и скрылись когти, подобные кривым турецким ятаганам. В чаще, где таились охотники, раздались громкие голоса.

– Крупный экземпляр! – произнес, подходя к убитому льву, высокий человек в матросских башмаках, грубых парусиновых штанах и прочной шерстяной куртке. – Та кого льва мне еще никогда не приходилось видеть. И видимо, это последний на нашем острове. Вместе с молодыми это уже седьмой за четыре года.

Следом за первым охотником из зарослей выбрался гигант с черной кудрявой бородкой. За его кожаным поясом торчал широкий матросский нож. Третий охотник, в широкополом испанском сомбреро, нагнулся над зверем.

– Смотрите, вот ваша пуля, – обратился он к первому охотнику. – Она пробила льву сердце. Отличный выстрел!

– Удивительно, как душа такого сильного и большого зверя могла сразу покинуть тело через такую маленькую дырку, – сказал второй охотник, указывая на сочившуюся под лопаткой небольшую ранку. – Я вырежу сердце льва и съем его – пусть в меня перейдет его сила.

– Силы у тебя и так достаточно, Педро, – смеясь, заметил человек в сомбреро. – Лучше попробуй-ка мозг животного, чтобы в тебя перешли его ум и хитрость.

– Сильный и храбрый не нуждается в хитрости, – возразил первый. – Хитрость и коварство нужны трусам...

– Однако, синьоры, – заметил охотник в сомбреро, – сегодняшняя охота не обогатила нас кухни. Теперь пора возвращаться, и, правду сказать, живой козел на мушке обрадовал бы меня больше, чем мертвый лев у ног! Мистер Фред, это ваш трофей. Оставляйтесь в его обществе, чтобы шакалы не испортили шкуру, а мы с Педро позаботимся о завтраке. Придется потревожить запасы, которые оставил нам капитан «Ориона». Идем, Педро, и устроим мистеру Фреду торжественный завтрак. А вы снимите эту шкуру, мистер Фред, выделайте ее и сделайте лучшим украшением вашего будущего дома на родине. На ней будут играть ваши дети и...

– ...и я буду рассказывать им, как мы спаслись с этого острова на корабле, названия которого пока никто из нас еще предугадать не может. Но в конце концов он непременно

придет за нами, и тогда каждого из нас будет ожидать такая судьба, какую он приготовил себе своей прошлой жизнью, – прервал охотник в куртке разглагольствования своего товарища.

– Вы, очевидно, хотите сказать, мистер Фред, что вас ожидает дом в Ченсфильде, а нас с Педро – виселица в Ньюгейте³⁶, не так ли?

– Я не слишком люблю такие шутки, синьор! Будем надеяться, что судьба... пожелает исправить хотя бы часть ее несправедливостей к вам! – серьезным тоном произнес первый охотник. – Я сдержу свое обещание не открывать вашего имени командованию судна, которое рано или поздно примет нас троих на борт. И уж во всяком случае не я тот человек, кто помог бы ньюгейтскому палачу подвести к петле... Бернардито Луиса. От души желаю, чтобы судьба отвратила от вас эту угрозу, капитан!

– Сэр Фредрик Райленд! – произнес человек в сомбреро, и в тоне его вместе с нотами насмешки зазвучала признательность, – имея дело в течение десятилетий с одними негодяями, я не мог надеяться, что напоследок Бог сделает меня спутником истинно благородного джентльмена! Нет, Педро, оставайся с сэром Фредриком, помоги ему снять шкуру с этого льва и притащи ее домой. С кухней я постараюсь управиться один.

В последних числах августа 1772 года из порта Бультон вышел в дальнее плавание, взяв направление на юг, вооруженный океанский бриг «Орион». Корабль этот, принадлежащий главному владельцу «Северобританской коммерческой компании» сэру Фредрику Джонатану Райленду, шел под командованием капитана Гая Брентлея и трех его помощников – лейтенанта Эдуарда Уэнта, мистера Джозефа Лорна и мистера Джеффри Мак-Райля.

По судовым документам, на борту брига находились следующие пассажиры: владелец судна сэр Фредрик Райленд с супругой леди Эмили и малолетним сыном Чарльзом; управляющий поместьем Ченсфильд мистер Томас Мортон с дочерью Мери; младший совладелец юридической конторы «Томпсон и сын» адвокат Ричард Томпсон; владелец бультонской судостроительной верфи мистер Роберт Паттерсон; вдова покойного эсквайра Джорджа Стенфорда, леди Эллен Стенфорд; бультонский викарий преподобный Томас Редлинг; судовой врач доктор медицины мистер Рандольф Грейсвелл и, наконец, слуги упомянутых пассажиров.

Как сообщил в первом сентябрьском номере бультонский еженедельник «Монитор», цели плавания мистера Райленда и его спутников – исследовательские и миссионерские.

Бриг направляется в африканские воды Индийского океана.

На рассвете 29 сентября «Орион» бросил якорь у марокканского побережья Берберии³⁷. В пути от Бультона до Марокко бриг, по деловым соображениям владельца, сделал заход в устье Темзы и простоял неделю в Лондонском порту.

³⁶ Ньюгейтская тюрьма – одна из старых лондонских тюрем, где казнили уголовных преступников.

³⁷ Берберия – общее название нескольких прибрежных стран Северо-Западной Африки, омываемых Средиземным морем и Атлантическим океаном; берберийские пираты некогда наводили ужас на мореплавателей.

4. Крестники Нептуна

1

На низком потолке каюты, окрашенном лаковой краской, двигались зеленоватые световые пятна. Отблески солнечных лучей, дробившихся в гребнях волн, проникали в каюту через иллюминатор и веселыми зайчиками плясали на стенах и потолке.

Все общество на «Орионе» закончило обед и разошлось по своим каютам. Судно держалось недалеко от берегов Африки. Сухой восточный ветер, казалось, доносил до самого океана знойное дыхание Сахары.

Убаюканная слабой бортовой качкой, леди Эмили задремала, откинувшись на спинку легкого кресла. Крошечная слезинка повисла на ее длинных ресницах. На коленях у нее лежало письмо, конверт со сломанными сургучными печатами упал в ноги. Она не проснулась, когда раздался слабый стук в дверь каюты. Затем дверь тихонько приоткрылась.

Мистер Ричард Томпсон заглянул внутрь каюты и, заметив отдыхающую в кресле даму, уже хотел было удалиться, но невольно залюбовался ею и замер на месте. Юношеское ли чувство к прежней нареченной шевельнулось в нем, или его просто тронул печальный вид молодой леди, похожей в этой спокойной позе на уставшего ребенка, застигнутого сном, только мистер Ричард испытывал живейшую потребность поцеловать руку этой спящей красавицы. Склонившись к ней, мистер Томпсон увидел на полу распечатанный конверт, а на коленях леди – листок со строчками письма.

Тут профессиональное любопытство победило – увь! – джентльменскую скромность молодого адвоката, ибо при виде конверта он сразу вспомнил следующий маленький эпизод. Незадолго перед отплытием из Бультона, когда пассажиры «Ориона» уже разместились по своим каютам, он, обследуя корабль и выбирая себе укромное местечко для послеобеденного отдыха, решил забраться в одну из шлюпок левого борта, приветливо освещенного осенним солнышком. Устроив себе из пледа и плаща весьма уютное гнездышко в шлюпке, мистер Томпсон уже готовился погрузиться в сон, как вдруг услышал на палубе негромкий, но очень резкий разговор. Выдавать свое присутствие было поздно, и мистер Ричард слышал, как сэр Фредрик Райленд строго потребовал от своей супруги выдачи какого-то важного письма. Леди не соглашалась, тот настаивал довольно грубо. Наконец они удалились в каюту леди, а через несколько минут туда же был приглашен мистер Мортон. Сначала несколько сконфуженный своей ролью невольного соглядатая семейной размолвки, мистер Томпсон впоследствии совершенно позабыл об этом эпизоде; но теперь, увидев пакет со сломанными печатами, он не удержался от соблазна взглянуть на подпись.

Брови его в недоумении поднялись, и, еще более заинтересованный, он прочитал через плечо леди Райленд все письмо. Пробежав его до конца, мистер Томпсон отступил и удалился из каюты так же тихо, как и вошел в нее. Лишь закрывая дверь, он нечаянно щелкнул запором.

Эмили вздрогнула, мгновенно пробудилась и поспешно прикрыла письмо книгой, совершенно не подозревая, в какое глубочайшее душевное смятение приведен господин адвокат.

Убедившись в том, что испугавший ее звук был случайным, молодая женщина вновь извлекла письмо.

«Моя дорогая Эмили, – перечитывала она хорошо знакомые ей строки, – с тех пор как я очутился на острове и прочел оставленную вами записку, до самого нынешнего дня, когда после четырехлетнего перерыва я

смог снова получить от вас письмо, доставленное капитаном Брентлеем, не было ни одного часа, чтобы я не терзался мыслями о вас и вашем положении. Тяжелая борьба, которую вы ведете в полном одиночестве, восхищает меня, и вся моя жизнь, если ей суждено еще продлиться, целиком принадлежит вам.

Вы просите сообщить мое решение в ответ на условия, поставленные мне бесчестным пиратом Джакомо Грелли. Что ж, я вынужден вновь принять их и не делать в течение новых трех лет попыток покинуть остров и разоблачить злодея, укравшего мое имя. Пока человек этот держит вас в своей власти, у меня не остается иного выбора, но его преступления громко вызывают к небесам и приближают час расплаты.

Мой атерни Мортон, ставший сообщником Джакомо Грелли, неизбежно разделит и будущую судьбу пирата. Дневник Мортон, переписанный под диктовку Грелли, как всякое лжесвидетельство, не выдержит испытания светом правды. Заранее сожалею о его дочери, милой Мери. Быть может, мне удастся помочь этой молодой особе устроить ее будущность после свершения правосудия над ее преступным отцом.

Всегда находящийся мысленно около вас, преданный вам до последнего вздоха, ваш Фредрик Джонатан Райленд, виконт Ченсфильд.

10 мая 1772 года.

Безымянный остров в Индийском океане.

Р. S. За отсутствием бумаги я не мог вести дневник. Описание моих приключений я пришлю, когда появится полная уверенность, что вы окажетесь их единственной читательницей, ибо леса и ущелья этого острова хранят не только нашу тайну».

Леди Эмили поцеловала строки письма, смахнула слезинку с ресниц, вложила письмо в конверт и спрятала на груди. Затем она достала тетрадь в тисненном кожаном переплете и вновь принялась ее внимательно перечитывать.

2

Выскочив на палубу, Ричард Томпсон стремительно бросился к своей каюте. Он делил ее с мистером Паттерсоном и теперь торопился отыскать соседа, однако в каюте никого не оказалось.

Навстречу адвокату на палубе попался мистер Мортон. Отступив, словно перед дьяволом, Ричард с необычайной резвостью взлетел по ступенькам на спардек.

Часть пассажиров наблюдала отсюда за узкой полоской Африканского материка на востоке. Не обнаружив и среди них своего соседа, адвокат в растерянности остановился у перил. Ветер растрепал его волосы и освежил разгоряченное лицо. Несколько успокоенный величавой картиной океана, он спустился вниз.

В надежде встретить Паттерсона в обществе леди Стенфорд и не решив еще, следует ли открыть удивительную тайну в присутствии своей невесты, чьи быстро возраставшие симпатии к лжевиконту уже начинали тревожить адвоката, он постучал в дверь ее каюты.

За дверью послышался шорох. Решив, что Бетси, горничная леди Стенфорд, занята уборкой каюты, и намереваясь узнать у нее о местонахождении ее госпожи, Ричард сильнее нажал на дверь. Язычок замка выскочил из своего паза, дверь подалась, и мистер Томпсон, споткнувшись о порог, чуть не упал внутрь каюты.

Здесь царил полумрак, но то, что он успел разглядеть, было невероятно!

Находившаяся в каюте Эллен торопливо освободилась из объятий владельца «Ориона»... В следующее мгновение кавалер прекрасной леди шагнул вперед, и бедный мистер Ричард ощутил прикосновение двух железных рук, приподнявших его на воздух; затем его с силой вышвырнули из каюты. Ударившись головой о противоположную стенку узкого прохода, он свалился у порога.

Дверь каюты с треском захлопнулась, но адвокат не успел даже подняться, как она снова распахнулась и выпустила владельца корабля. Мнимый мистер Райленд наклонился над поверженным адвокатом, сгреб его в охапку и бегом спустился с ним в свою каюту, расположенную поблизости от места рокового происшествия.

В просторном салоне, убранном с восточной роскошью, владелец, не дав своей жертве отдышаться, достал из-за спинки широкого дивана две шпаги и молча сунул одну из них Ричарду.

Сам он прошел в угол и, сбросив персидский халат, остался в кружевной рубашке и заправленных в чулки панталонах. Талию его охватывал широкий шелковый пояс, какие в Испании носят тореадоры. В этом бретёрском³⁸ наряде он попробовал шпагу. Гибкий стальной клинок со свистом прочертил воздух во всех направлениях.

Мистер Томпсон, тяжело дыша, сидел на диване и наблюдал за приготовлениями соперника. Шпага, сунутая ему хозяином корабля, осталась зажатой между коленями. Пошевелившись, он уронил шпагу на пол и не сделал даже движения, чтобы поднять ее.

– Будете ли вы драться или вы намерены тратить время на приглашение секундантов? – прошипел ему противник. – А может быть, вы вообще не склонны требовать удовлетворения? Тогда вы дадите мне честное слово, что...

Мистер Томпсон был плохим бойцом. Он еще не держал в руке пистолета и некогда вызывал смех товарищей своими неумелыми выпадами рапирой в гимнастическом зале колледжа. Но, будучи плохим фехтовальщиком, Ричард Томпсон не был трусом. Он попросту не успел еще прийти в себя от растерянности и безграничного удивления всеми своими нынешними открытиями.

Слова противника дошли наконец до его сознания и вернули ему самообладание. Он резко поднялся, наступив ногой на оброненную шпагу.

– Требовать удовлетворения, – сказал он твердо, – или давать честное слово я мог бы, имея дело с джентльменом, а не с наглым самозванцем, присвоившим себе чужое имя.

Пораженный соперник Ричарда опешил, но мгновенно овладел собой. Отбросив шпагу, он кинулся на адвоката. Ричард нанес ему встречный удар ногой. Через мгновение два сцепившихся в жестокой схватке тела покатались на ковер.

В тот же миг дверь каюты распахнулась, и на пороге появился пастор Редлинг вместе с судостроителем, мистером Паттерсоном.

3

Эллен Стенфорд, медлительная леди с надменной осанкой, происходила из старинного, но обедневшего дворянского рода Грэхэм. Предки ее участвовали в Крестовых походах. Но уже дед леди Эллен потерял право на титул и проиграл в карты остатки фамильного состояния. Отец леди окончательно лишился всех наследственных привилегий, заслуженных рыцарскими основателями рода, и всю жизнь именовался просто мистером Грэхэмом.

Красивая, наделенная болезненным честолюбием, леди Эллен с детства мечтала о громких титулах, прекрасно разбиралась во всех тонкостях геральдики³⁹ и генеалогии⁴⁰ древ-

³⁸ Б р е т ё р – забияка-дуэлянт, задира.

³⁹ Г е р а л ь д и к а – гербоведение, дисциплина, изучающая гербы и отличительные знаки царствующих домов и

нейших дворянских родов Англии. Листая пожелтевшие страницы семейной хроники, она с волнением видела своих предков в блеске королевских турниров, в дыму сражений. Она читала, как графы Грэхэм самозабвенно истребляли друг друга во славу Алой или Белой розы⁴¹, как, желая подняться ближе к трону, они частенько поднимались на эшафот или делили с королями в походах пусть не всегда сладость побед, зато непременно сладость пиршественной чаши!..

В 1768 году, достигнув двадцати двух лет, мисс Эллен вышла замуж за младшего отпрыска рода Стенфордов, пленившись звучностью его старинной фамилии, аристократическими манерами и успехом в ежегодном стипль-чезе⁴², где Джордж Стенфорд на огненно-рыжей кобыле завоевал кубок и звание лучшего наездника графства. Тайные надежды леди на переход к Джорджу наследственных прав и имущества рода не оправдались. Овдовев через два года и оставшись бездетной, леди Стенфорд оказалась владелицей лишь маленького разоренного имения близ Бультона и ничтожного капитала, о путях к преумножению коего она раздумывала, сидя в кабинете мужа, увешанном копиями фамильных портретов и изображениями родовитых скаковых лошадей.

Дела вдовствующей леди находились на грани полного упадка, когда владелец судостроительной верфи мистер Паттерсон посоветовал ей приобрести выгодный городской земельный участок. Леди Эллен вначале оскорбилась, затем согласилась, и на ее участке скоро выросли большие жилые дома, похожие на солдатские казармы и принявшие в свои угрюмые стены сотни семейств ремесленников, мелких служащих и рабочих верфи.

Управление домами было поручено мистеру Гемфри Чейзвику, совмещавшему эту должность с обязанностями педагога и руководителя школы-пансионата для мальчиков.

С увлечением занявшись этими весьма прозаическими коммерческими операциями, леди Стенфорд не оставила, однако, своей мечты о титулах и богатстве. Держалась она с достоинством, водила знакомство с немногими. Однако годы шли, а долгожданный принц не появлялся!

Ей было двадцать шесть лет, когда Ричард, младший владелец адвокатской конторы «Томпсон и сын», после непродолжительного знакомства на деловой почве пылко предложил ей руку и сердце. Леди Эллен сначала рассмеялась: Ричард Томпсон не мог похвалиться ни звучностью имени, ни наследственными владениями. Но, зрело поразмыслив, леди Эллен смирила свою аристократическую гордыню, тем более что молодой адвокат имел уже репутацию одного из лучших юристов графства и был единственным наследником почтенного состояния.

«Что ж, – размышляла она, – времена меняются, и все эти банкиры, адвокаты и фабриканты все больше входят в моду». И хотя партия представлялась ей не блестящей и сердце сохраняло полное равнодушие к особе мистера Ричарда, молодая вдова не спешила с отказом, позволяя Ричарду вволю тратиться на подарки и развлекать ее остроумными рассказами.

Но, впервые увидев при спуске «Окрыленного» своего соседа, виконта Ченсфильда, леди Стенфорд сразу почувствовала в нем не только властного человека, но и решительного единомышленника. Знакомство их, начавшееся на борту «Окрыленного», уже через несколько недель успело превратиться в дружбу. В ответ на холодное обращение леди Эмили Эллен Стенфорд стала почти открыто третировать владелицу Ченсфильда, доставляя этим, по-видимому, явное удовольствие ее супругу. Со своей стороны, наследник титула

дворянских родов.

⁴⁰ Генеалогия – история рода, изучение родословных документов.

⁴¹ Война Алой и Белой розы – кровопролитная распря между сторонниками двух царствовавших в Англии родов: Йорков и Ланкастеров (1455–1485); в этой распря феодальные роды Англии почти поголовно истребили друг друга.

⁴² С т и п л ь – ч е з – скачки с препятствиями.

и поместья Ченсфильд, восхищенный аристократической фамилией, манерами и пренебрежительно-резким обращением с окружающими своей новой приятельницы, стал мысленно отводить ей весьма важное место в своих планах на будущее. Мистер Паттерсон помог ему в этом, и леди Стенфорд, собрав для начала около трех тысяч фунтов, подобно Паттерсону вложила их в негласные предприятия, подготовляемые главой «Северобританской компании». Таким образом, последний обрел в лице честолобивой леди еще одного компаньона.

Полностью посвященная в предстоящие дела своих друзей и нимало не смущаясь избранными ими путями к богатству, леди Стенфорд согласилась и на приглашение Райленда и Паттерсона участвовать в плавании на «Орионе». Так как руководитель этой таинственной экспедиции нуждался в услугах юриста, полуофициальный жених леди Стенфорд, мистер Ричард Томпсон, тоже оказался в числе пассажиров брига.

Он весьма охотно оставил бультонскую контору под единоличным управлением своего отца, рассчитывая провести несколько многообещающих месяцев на комфортабельном судне, в обществе приятных джентльменов и прелестных леди.

Неожиданные открытия, сделанные адвокатом в каютах леди Эмили и леди Стенфорд, спутали теперь все карты в начатой игре и поставили некоторых партнеров в самое затруднительное положение!

Оставшись одна в каюте, леди Стенфорд оделась с помощью своей горничной и села у иллюминатора. Под ним играли и плескались зеленоватые волны.

Презрительная улыбка бродила на губах у дамы, и в уме ее складывались убийственно-саркастические фразы, предназначенные для ушей несчастного адвоката. Уже темнело, когда до слуха дамы донесся нерешительный стук в дверь. Бетси, задремавшая было за своей занавеской, где она обычно находилась, пока леди не отсылала горничную в ее чуланчик, впустила в каюту мистера Паттерсона. Он был несколько взволнован, в коротких словах объяснил, что явился по поручению мистера Ричарда Томпсона, и удалился весьма поспешно, оставив на столе небольшой сверток.

Леди Эллен разорвала бумагу упаковки и вынула из пакета принесенный ей предмет. Это было обручальное кольцо с ее именем. Кольцами она обменялась с Ричардом перед самым отплытием «Ориона».

4

Когда ошеломленный пастор Редлинг и мистер Паттерсон, переступив порог салона, разглядели на полу сцену единоборства двух достопочтенных бультонских джентльменов, они бросились разнимать дерущихся и успели вовремя вырвать из рук Грелли его полузадушенную жертву. Пока пастор Редлинг, брызгая водой в лицо мистера Томпсона, приводил его в чувство, Паттерсон отвел владельца судна в угол каюты.

— Ради бога, сэр Фредрик, объясните, что произошло между вами? — спрашивал он тревожно, заметив валявшиеся на полу шпаги. — Что случилось?

В эту минуту из носа мистера Томпсона хлынула кровь, помутневшие, с остановившимися зрачками глаза его закрылись, лицо из синего стало бледным, по телу прошла судорога. Испуганный Паттерсон бросился на помощь.

Грелли запер дверь, убрал шпаги и тоже подошел к дивану, куда друзья положили пострадавшего. Смоченным в водке полотенцем Грелли сам обтер кровь с лица и шеи своего врага.

Дыхание Ричарда стало ровнее. Он открыл глаза и увидел трех человек, хлопотавших у его ложа. Адвокат приподнялся на локте.

– Помните, Томпсон, – быстро проговорил Грелли, – ваша жизнь была в моих руках, и я сохранил вам ее. Будьте и вы джентльменом!

– Идите к черту! – пробормотал адвокат. – Господа! – продолжал он, восстановив в памяти все происшедшее. – Этот человек не тот, за кого выдает себя. Это похититель женщины и злодей, присвоивший себе чужое имя! Позовите капитана, офицеров, врача! Этого человека, – он указал на Грелли, – нужно арестовать и предать в руки закона.

Грелли захохотал:

– Закон остался за бортом этого корабля, на котором вы все находитесь в моей власти. Я уничтожу тебя, бумажная крыса, сующая нос в чужие дела! Если понадобится, я потоплю «Орион» со всеми, кто находится на нем.

– Топить корабли с невинными жертвами – привычное занятие пирата Джакомо Грелли! – презрительно сказал адвокат.

– Успокойтесь, мистер Ричард, – умоляющим голосом произнес священник. – Успокойтесь и опомнитесь!

– Рассудок Ричарда Томпсона помутила оскорбленная ревность, – пролепетал перепуганный Паттерсон. – Вероятно, та невольная и... невинная дань восхищения... которую некая дама... как и все мы... неизменно приносит сэру Фредрику...

– Молчите, Паттерсон! Не смейте упоминать имя этой дамы рядом с моим! Ступайте за капитаном, господа! Мы должны немедленно арестовать пирата.

– Да, ступайте за капитаном, Паттерсон! – злобно прохрипел Грелли, заметив колебания своего компаньона. – Судно ремонтировалось в вашем доке, и вы не хуже моего знаете, что стоит мне из этой каюты подать тайный сигнал одним нажатием кнопки – и в пороховом погребе корабля вспыхнет подготовленный фитиль. Правда, вы не знаете, кто это выполнит из числа моих людей на корабле, но вам известно, что моя шлюпка успеет отвалить прежде, чем мачты «Ориона» скроются под водой. И вас не будет с нами на этой шлюпке, господин Паттерсон, нарушитель нашего договора! Вместе с господином адвокатом вы достанетесь в пищу акулам, а я с моими людьми через день высажусь на африканском берегу, а через полгода вернусь в Бультон. Вам должно быть ясно, что я не рискую ничем, кроме потери корабля. Выполняйте желание мистера Томпсона, ступайте за капитаном, это поможет мне быстрее покончить со всем этим клубком змей на бриге!

– Стойте, стойте, дорогой сэр Фредрик! – воскликнул Паттерсон, бледный и, по-видимому, весьма ясно осознавший грозящую ему участь. – И вы, мистер Ричард, не горячитесь. Придите в себя, джентльмены! Опомнитесь, ссора завела вас слишком далеко! Здесь не зал канцлерского суда, здесь нет ни шерифов, ни констеблей. Мы живем одной большой дружной семьей на борту, и все недоразумения должны решаться на семейном совете. Присядем к столу, попросим хозяина достать со льда бутылочку и спокойно выслушаем друг друга. Не так ли, почтенный мистер Редлинг?

Растерянный пастор недоуменно молчал, силясь осознать происшедшее.

– Рад слышать слова, достойные рассудительного джентльмена, – меняя тон, сказал хозяин. – Худой мир лучше доброй ссоры. Садитесь, синьоры, и помогите мистеру Томпсону привести себя в порядок.

С этими миролюбивыми словами Грелли скрылся за занавеской и через несколько минут предстал перед собравшимися в своем обычном платье, причесанный и умытый. Оправившийся тем временем мистер Ричард сумрачно сидел за столиком под пристальными, предостерегающими взглядами Паттерсона.

Вызванный слуга отправился за Мортонем. На столе появилось вино и стаканы...

«Семейный совет» в каюте Грелли продлился два часа. После начала совещания джентльмены пригласили леди Эмили. Она пробыла в каюте недолго и вышла с заплаканными глазами. При ней не осталось ни письма, ни тетради в тисненном переплете.

Когда джентльмены разошлись, над морем уже спускалась ночь. Паттерсон по дороге в свою каюту заглянул к леди Стенфорд, чтобы выполнить поручение, возложенное на него Ричардом. Из всех намерений Ричарда, вначале столь решительных и пылких, лишь это единственное – возвращение кольца – оказалось выполнимым.

После «семейного совета» адвокат почувствовал себя так, как, вероятно, чувствует себя муха, угодившая в банку с жидким клеем. В каюте он повалился на свою постель и, тупо уставившись на пламя свечи, лежал с открытыми глазами до тех пор, пока Паттерсон не потушил ее.

5

Еще одна участница плавания на «Орионе» была втайне подавлена горем и находилась в состоянии полнейшей растерянности.

У колыбели спящего мальчика в чисто прибранной каюте, освещенной лампадкой, молилась перед распятием молодая черноглазая женщина. Когда в тишине наступающей ночи прозвенели три коротких сдвоенных удара корабельных склянок, ребенок пошевелился, приоткрыл сонные, такие же черные, как у женщины, глаза и, почмокав губами, снова уснул.

Женщина слышала, как на палубе, почти под самым окном каюты, остановились, тихо разговаривая друг с другом, леди Райленд и молоденькая мисс Мери Мортон.

Северо-восточный ветер заставил капитана делать сложные маневры; судно двигалось галсами по пять-шесть миль вдоль атлантического побережья Африки, отклоняясь от основного курса то на восток, то на запад: рулевая цепь скрежетала, и звонкий голос Эдуарда Уэнта, отдававшего приказания вахтенным, доносился с мостика.

– Курс?

– Зюйд-зюйд-ост, брали три румба вправо, – отвечал штурвальный.

– Так держать!

– Есть так держать, господин лейтенант!

Через несколько минут молодой офицер подошел к беседовавшим дамам.

– Противный ветер отклоняет нас к югу, – сказал он.

– А разве курс наш не лежит прямо на юг? – удивились обе леди.

– Нет, мистер Райленд приказал следовать к берегам острова Фернандо-По, в Гвинейском заливе. Там он рассчитывает получить сведения об африканской экспедиции двух своих кораблей. Но встречный ветер мешает... Завтра мы пересечем экватор, потом развернемся на четыре-пять румбов и пойдем курсом на восток. Если ветер не переменится, придется повторить такие маневры несколько раз.

– Скажите, мистер Уэнт, надолго ли эти маневры и стоянка в Гвинейском заливе задержат наше плавание? – с беспокойством спросила старшая леди.

– Трудно сказать. Быть может, недели на две, если не больше. Зато вы уже завтра увидите обряд крещения новичков, когда мы будем пересекать экватор.

– Это я уже не раз наблюдала на других кораблях. Меня тоже «крестили» соленой водой, когда мне было десять лет.

– Вы бывалая путешественница, леди Райленд! Наверно, вы ожидаете сейчас восхода звезд? Правда, что Южный Крест – любимое созвездие вашего супруга?

– Да, мистер Уэнт, он верит, что находится под покровительством созвездий Южного Креста и Ориона... Смотрите, какие-то птицы пролетели там, за кормой!

Обе женщины подошли к самому борту. За кормой расходились две длинных полосы, и в них светились зеленоватые искры, точно тысячи светлячков жили в водах океана. Неслышно шевеля упругими длинными крыльями, пронеслись над бортом корабля две большие белые птицы.

– Альбатросы, – вздохнул лейтенант. – Мелькнут и исчезнут, как обманчивый призрак счастья!

Поэтическая меланхолия лейтенанта рассмешила леди Эмили.

– О, мистер Уэнт, – сказала она, – у вас нет препятствий для настоящего, совсем не призрачного счастья. Оно всегда лежит на очень простой дороге, его не встретишь на путях необычных!

И, оставив свою юную спутницу в обществе лейтенанта любоваться четырьмя звездами Южного Креста над океаном, леди Эмили поспешила к себе.

Проходя мимо одной из кают, она услышала свое имя, произнесенное тихо, с мольбой и волнением. У чуть приоткрытой двери, спрятавшись за кисеей занавески, стояла Доротея Ченни.

– Умоляю вас, синьора, выслушайте меня! Я ведь ни в чем не виновата перед вами!

– Приходите ко мне в каюту, – так же тихо ответила леди Эмили. – Против вас в моем сердце нет никакого зла...

* * *

– Сядьте, Дороти, и успокойтесь, – приветливо встретила она молодую женщину, когда та, войдя через несколько минут в каюту, сделала движение, чтобы упасть на колени.

– О синьора, я совсем перестала понимать, что творится кругом! С тех пор, как Джакомо привез нас из Италии, у меня на сердце лежит большая тяжесть, но я ждала лучшего и верила тому, что Джакомо говорил мне. Теперь я совсем перестала понимать, что он замыслил.

– Едва ли я способна утешить вас, Доротея. Вы связали свою жизнь с низким негодяем.

– Синьора, раньше, в Италии, когда он был простым моряком, а я едва умела писать, мы любили друг друга. Я была счастлива, когда он приходил в маленький рыбацкий домик, где мы жили с матерью. Потом он ушел в море на шхуне Бернадито и привозил мне такие подарки, что все девушки на нашей улице умирали от зависти! Когда в Сорренто узнали, что Бернадито и Джакомо утонули на «Черной стреле» в далеких водах, ко мне сватались рыбаки-соседи, но я не верила в смерть Джакомо и ждала его больше года. И он пришел за мной, пришел ночью, когда вся наша деревушка близ Сорренто спала. Он был одет, как знатный синьор, и приказал называть его другим именем. Я долго не могла даже запомнить это имя и просто звала его «Фредерико».

«Я увезу их – и Доротею и Антони, – сказал он моей матери, – в другую страну, но никто не должен знать мо его прошлого. Одно неосторожное слово погубит нас...» И мы приехали в Англию на его собственном большом корабле и поселились в предместье Бультона. Джакомо часто навещал нас и был со мною ласков и добр. Моего брата Антони, которому тогда исполнилось тринадцать лет, он сделал грумом и перевез в свой дом в Ченсфильде, а я одна осталась в бультонском предместье и каждый вечер ждала Фредерико. Он повторял, что любит нас, но я-то чувствовала, что мы нужны ему для чего-то; а вот для чего – не понимала!.. Антони по-прежнему оставался в Ченсфильде, а меня Джакомо увез в Париж, когда я сказала ему, что скоро стану матерью. Он тогда так обрадовался!..

Я уже раньше знала, что у него есть жена в замке, но он говорил мне, что вы – не настоящая жена. В Париже Джакомо объявил мне, что если у нас родится сын, то ради счастья ребенка нужно будет выдавать его перед людьми за сына женщины в замке, то есть за

вашего сына, леди. А мне приказал называться только кормилицей собственного мальчика! Я не смела противоречить Джакомо... Ему нельзя противоречить, леди!.. Вскоре я родила Чарльза. Перед этим вы тоже приехали в Париж, и после моих родов мы вдвоем вернулись на пакетботе в Англию. Я поняла: поездка во Францию должна была скрыть от слуг, что не жена его, а я произвела на свет ребенка.

После того как пастор Томас крестил в замке моего Чарльза, я проплакала много ночей: ведь патер и все люди называли вас его матерью, и так было записано в бумагах Чарли. А я – я только кормилица...

Джакомо больше собственной жизни любит нашего мальчика. Он так много забавляется с ним и раньше так хорошо говорил мне про будущее нашего сына! Он хочет, чтобы мальчик был большим лордом, епископом или министром, и люди кланялись бы ему, сыну английского виконта, а не пирата Джакомо Грелли!

– Довольно, Доротея, – устало произнесла леди Эмили. – Все эти подробности я знаю так же хорошо, как и вы. Мне тяжело и неприятно вспоминать их. Какая новая забота привела вас ко мне?

– Я вас понимаю, синьора! Я давно поняла, что вы ненавидите Джакомо, а он боится вас. Но вы никогда не делали зла ни мне, ни моему бедному ребенку, и втайне я жалела вас... Когда я узнала, что у вас и у меня одна вера и видела вас на коленях перед Мадонной, я еще больше стала жалеть вас. Меня тревожит, что Джакомо переменял и веру вместе с именем.

– Доротея, я уже просила вас: расскажите о ваших последних горестях! Старое я знаю и ничем не могу помочь вам.

– Синьора! Когда «Орион» прибыл в Бультон, Джакомо сказал мне, что мы пойдем в плавание к дальнему острову и вернемся уже без вас.

– Без меня? Какая же судьба ожидает меня в этом плаваньи?

– Этого он не говорил мне, но обещал, что после возвращения с острова он женится на мне и Чарли будет говорить мне «мама».

– Так почему же вы решили открыть мне эту тайну?

Лицо Доротеи стало злым. Она положила подбородок на сжатые кулаки и зашептала со страстью и волнением:

– Я вижу, что он обманывает не только вас, но и меня. Леди Стенфорд... эта злая, гордая леди – вот кто должен стать виконтессой Ченсфильд...

– Откуда вы это знаете?

– Ночью я подслушала их... Он целовал ее и называл... будущей леди Райленд...

– Так послушайте моего совета, Доротея. Я не могу открыть вам причин, почему вынуждена молчать и даже помогать вашему Джакомо держать в заблуждении целый город, но есть высшая справедливость, и она не допустит, чтобы этот обман продолжался долго. Знайте, что Джакомо Грелли рано или поздно будет передан в руки палача. Но ребенок ни в чем не виноват. И если вы хотите, Доротея, чтобы он вырос честным человеком, то бегите с вашим ребенком из-под крова Джакомо Грелли.

– Господь с вами, синьора! Нет, вы совсем не знаете Джакомо! Да он отыщет меня на дне вот этого океана! Я боюсь его, синьора... и... я... тоже привыкла мечтать о великом будущем моего Чарли... А какая судьба ждет моего бедного мальчика, если я останусь с ним одна, в нищете?..

– Тогда вы напрасно пришли ко мне за советом. Ступайте к Джакомо Грелли, просите у него снова места кормилицы в его доме, когда ваш сын будет поручен заботам леди Эллен... или решайтесь скорее и бегите прямо с этого корабля. У меня есть деньги. Я помогу вам.

– Боже мой, как это страшно! Я сейчас ничего не отвечу, но буду помнить ваш совет и доброту ко мне. Прощайте, синьора, я теперь пойду к моему малютке.

Когда Доротея удалилась, леди Эмили послышался слабый шорох за стенкой каюты. Не обратив на это никакого внимания, взволнованная беседой, она еще раз вышла на палубу.

На горизонте ярко сиял Южный Крест.

Капитан Брентлей, принявший ночную «собачью» вахту, стоял на мостике. Ветер шевелил плюмаж на большой треугольной шляпе капитана. Опираясь на рукоять шпаги, он пристально глядел вперед. От всей его крупной, мужественной фигуры так и веяло прямоотой и храбростью. Он не заметил леди Эмили, а она вдруг вспомнила слова Доротеи, что корабль с той же командой, с тем же капитаном, но уже без нее должен вернуться в Англию. Что ее ждет впереди? Какой новый предательский удар готовит в темноте пиратская рука Джакомо Грелли? После сегодняшнего «семейного совета» она ясно понимала, что союзников у нее нет и помощи ей ждать неоткуда, пока не будет достигнута долгожданная цель плавания.

А там? Что ждет ее там, где справедливость должна скрестить шпагу с преступлением?

Между тем из узкого чуланчика, граничащего с каютой леди Эмили и обычно запертого, так как он предназначался для багажа леди Стенфорд и для ночлега ее горничной Бетси, с большой осторожностью выбралась полная немолодая особа. Она была в чепце и белой ночной кофточке.

Оглядевшись по сторонам и заметив идущую с палубы леди Эмили, Бетси, несмотря на свою полноту, весьма проворно юркнула в коридор и через минуту скрылась в каюте леди Стенфорд.

Не смутившись присутствием здесь в столь неурочный час мистера Райленда, эта достойнейшая из камеристок попросила свою госпожу за занавеску и там шепталась с ней несколько минут. Затем, получив приказание отправляться спать, она возвратилась к себе довольно шумно, заперлась в чуланчике, развязала кошелек, хранимый в изголовье под матрацем, и опустила туда новенькую серебряную монету.

6

Перед полуднем 16 октября на «Орионе» грянул холостой пушечный выстрел и зазвонил корабельный колокол.

В кают-компанию, где пассажиры еще сидели за ланчем, вошел вахтенный офицер, второй помощник капитана мистер Джеффри Мак-Райль, и пригласил все общество на палубу. Экипаж приготовился отметить переход через экватор.

Корабль выглядел празднично. Все медные части, поручни и украшения, надраенные до нестерпимого для глаза блеска, казалось, плавались в лучах экваториального солнца.

Флажки и вымпелы развевались на реях. Доски свежеекрашенной палубы, вымытые и просушенные, были покрыты коврами дорожками. Большой ковер из кают-компаний устилал середину свободного пространства на баке. Гости уселись на приготовленных для них скамьях. Вся команда в праздничной одежде разместилась вдоль бортов.

На ковре, под балдахином из портьер, восседал Нептун. Мочальная борода свисала до самого ковра. Мантию морского бога украшали перламутровые раковины и различные эмблемы.

Бог важно потрясал трезубцем. Два сенегальских негра, обнаженные до пояса, стояли позади трона, помахивая над головой царя океанов опахалами из пальмовых ветвей.

— Я вижу какой-то корабль. Позвать ко мне его капитана! — с важностью произнесло морское божество.

Две хвостатые русалки (в ответственной роли морских гонцов пассажиры сразу узнали корабельных юнг) кинулись на мостик за капитаном.

Гай Брентлей, в полной парадной форме, со всеми регалиями, почтительно подошел к трону.

– Что за судно приближается к экватору в моем океане? – обратился Нептун к капитану.
– Бриг «Орион», ваше морское величество, под командованием капитана Брентлея.
– Я знаю этого капитана и его славный корабль! Привести к моему трону всех пассажиров и членов экипажа, кто впервые пересекает экватор!

Два матроса уже приготовились к встрече процессии. Они стояли у противоположных бортов, держа в руках парусиновые шланги от пожарных помп. Навстречу друг другу ударили две сильных водяных струи. Не сталкиваясь в воздухе, они образовали водяную арку, под которую Нептун и повел всех гостей.

Едва лишь само божество и первая пара – леди Стенфорд с Паттерсоном – «пересекли экватор», матросы опустили шланги ниже. Струи воды столкнулись в воздухе. Брызги посыпались на головы и спины проходящих. С мокрыми головами и плечами пассажиры и слуги спешили скорее миновать соленую купель.

Но настоящее веселье началось, когда «экватор» пришлось «пересекать» молодым матросам. Преследуемые струями воды, матросы заматались по палубе под дружный хохот команды. Когда мокрые до нитки «крестники» спаслись наконец от водяных струй, их поставили лицом к воде: новичкам приказали разглядеть в волнах... полосу экватора! Пока матросы вглядывались в море, к ним сзади подкрался сам Нептун и опрокинул за шиворот новичкам два ведра холодной воды.

Вскоре обрызганные пассажиры и мокрые матросы оказались перед столами, накрытыми на палубе. Сюда же перешли с кормы все «бывалые» мореплаватели, не участвовавшие в нынешней церемонии. На баке остались только хозяин корабля и Доротея с ребенком на руках. Нептун поспешил им навстречу. Грелли взял ребенка из рук женщины и нежно прижал его к своей груди. С сыном на руках он шел под высоко поднятыми струями водяной арки. Нептун осторожно брызнул на мальчика горстью соленой океанской воды. Команда крикнула «ура!», третий помощник капитана Джозеф Лорн махнул рукой, и пушечный салют смешался с песней моряков «Ориона», сочиненной Эдуардом Уэнтом:

Если гаснет в черном небе
Свет луны
И встает косматый гребень
Злой волны,

Значит, бог всех океанов
И морей
Осерчал на капитанов
Кораблей.

Наш старик от рулевого
Колеса
Поднимает взгляд сурово
В небеса.

Мы для бурь и непогоды
Рождены,
Нам неведомые воды
Не страшны!

Снова ясным станет грозный
Небосклон

И заблещет многозвездный
Орион!

Снова плыть мы завтра будем
В бирюзе,
Рассмеемся и забудем
О грозе!

Нептун, снявший бороду и мантию, оказался боцманом Ольсеном. Он уселся во главе стола, предназначенного для команды. Капитан Brentley с миссис Эмили и Грелли с леди Стенфорд заняли свои места за столом, вынесенным на открытый воздух. Следом за ними расселись офицеры и пассажиры.

Капитан подал знак. За столом наступила тишина. Пастор Редлинг стоя прочел молитву. Снова грянул пушечный залп, чаши и бокалы зазвенели после первого тоста, и на корабле начался пир до самого вечера.

Когда четверка лучших матросских танцоров грянула на палубе джигу, у пирующих заблестели глаза и разгладились морщины забот. И лишь одна «кормилица» Чарльза, Доротея, принимая вновь ребенка на руки, почувствовала на себе пристальный, недобрый взгляд Грелли. Сразу позабыв и праздник и веселье, она укрылась в своей каюте и горько разрыдалась, припав лицом к белому кружевному пологу над колыбелью своего мальчика.

5. Леопард и шакалы

1

В последнее воскресенье октября, на рассвете, палуба «Ориона» была полна людей; ни одного матроса не осталось в кубрике, ни одного пассажира – в каютах: прочертив из-за встречных ветров довольно сложный зигзаг в экваториальных водах, бриг подходил наконец к проливу, отделяющему остров Фернандо-По от побережья Гвинеи.

Солнце, окутанное прозрачной дымкой, поднималось из-за фиолетовых далей Африканского материка. В мареве испарений чуть виднелась на востоке коническая вершина вулкана Камерун, окруженная горными цепями. Даже без подзорных труб можно было разглядеть африканское побережье с его причудливыми рыжеватыми скалами и яркой зеленью тропических лесов. Слева по курсу судна медленно вырастали очертания гористого острова Фернандо-По. Корабль двигался вперед все осторожнее...

Когда барашки волн заискрились в утренних лучах, «Орион» подошел к заливу Санта-Изабель на острове, у склонов высокой горы с тем же названием. Капитан Brentley имел приказание поставить здесь судно на якорь.

На берегу залива, среди пышной зелени масличных пальм, приютилось несколько домиков европейской постройки, принадлежавших португальской торговой фактории и каким-то забытым миссионерским семьям. Главы и родоначальники этих семей – португальские католические миссионеры и английские баптисты – переселились сюда еще в прошлом столетии и, отрезанные от родины тысячами миль океана, были вскоре совершенно позабыты как церковью, так и торговыми компаниями. Эти миссионеры уже давно покоились на крошечном христианском кладбище у подножия Пикоди-Санта-Изабель, а их потомки смешались с островными аборигенами, разводили маниоку, маис и бананы, пили пальмовое вино, торговали с островитянами и, по традиции отцов, проповедовали им христианство, без особого, впрочем, успеха...

Владелец «Ориона» жадно всматривался с капитанского мостика в морскую даль. Он ловил в подзорную трубу каждый изгиб островного берега, но, по-видимому, остался недоволен своими наблюдениями, нахмурился, сердито захлопнул трубу и отрывисто приказал Brentley поторопиться.

Команда скатывала паруса, еще влажные от ночной сырости. Цепь носового якоря, гремя, побежала из клюза. Через минуту и кормовой якорь с плеском ушел в зеленоватую морскую воду, прозрачную до каменистого дна.

Вдруг вдали, среди нагромождения береговых скал и утесов, показался будто бы крошечный шарик ваты. Звук пушечного выстрела, пугая птиц, гулко прокатился над водой и отдался эхом в лесистых горах. Грелли и Brentley навели по дымку выстрела свои подзорные трубы и лишь теперь смогли различить вдали небольшую шхуну, искусно спрятанную среди скал. Над шхуной взвился флаг; капитан Brentley пристальнее вгляделся в очертания далекого судна... и поздравил владельца «Ориона» со счастливой встречей: перед ними, всего в нескольких милях, находился другой корабль компании – шхуна «Глория».

С «Ориона» грянул ответный выстрел. На грот-мачте брига в знак приветствия заплоскался личный вымпел владельца. Капитан Brentley с Уэнтом отправились на берег, к ближайшей постройке, рядом с которой торчал шест-флагшток и расхаживал босой оборванец в соломенной шляпе, с ружьем на плече.

Грелли, Паттерсон, Мак-Райль и Лорн уселись в капитанской каюте «Ориона» и с нетерпением ожидали прибытия капитана «Глории».

Тем временем на палубу «Ориона» вышла Дороти Ченни, ведя за руку маленького наследника Ченсфильда. Неуверенно переступая крепкими, толстыми ножками и цепляясь за руку и юбку матери, ребенок перебрался через порог и засеменял по нагретым доскам палубного настила. Мать вынесла на палубу плетеное кресло для себя и игрушечного медведя для Чарли. Но вокруг происходили слишком интересные вещи, чтобы стоило заниматься обычными игрушками! Плюшевый медведь с задранными лапами сиротливо остался лежать на палубе, а Чарли, как замороженный, глядел на воду.

К бригу уже успели подплыть две лодки с туземцами. На лодках горами лежали громадные морские раковины, коралловые бусы и ожерелья, страусовые перья, «пилы» и «мечи», некогда вооружавшие головы опасных хищных рыб, кокосовые орехи, небольшие слоновьи бивни, золотистые ананасы и дыни, бананы и финики. Выкрикивая непонятные гортанные слова, голые чернокожие предлагали свои товары пассажирам брига.

Туземная ладья, управляемая одним гребцом, была уже у кормового трапа корабля. Доротея подвела ребенка к трапу. Рослый туземец с курчавыми волосами, собранными на затылке в пучок, удерживаемый гребнем из рыбьей кости, стал передавать ей из лодки сочные плоды.

Внезапно какая-то тень заслонила от Доротеи солнце. Подняв голову, она увидела перед собою мулата Энрико Роя, пристально наблюдавшего за ее торгом с островитянином.

Желая поближе рассмотреть чудесные перламутровые раковины, Доротея хотела спуститься в лодку, но мулат осторожно удержал ее и молча покачал головой, давая понять, что сходить с трапа ей не следует.

Доротея с мальчиком вернулась со своими покупками на прежнее место, и лишь теперь молодая женщина обратила внимание, что и мулат Рой выбрал себе местечко поближе от ее кресла, под уголком парусинового тента.

Леди Эмили, Мери Мортон, Ричард Томпсон и пастор Редлинг попросили боцмана спустить для них шлюпку и пригласили Доротею совершить в их обществе поездку на берег. Обрадованная женщина, схватив сына на руки, заторопилась вниз. Обе леди уже сидели в шлюпке.

Однако, едва Доротея приблизилась к трапу, перед нею снова выросла фигура Энрико Роя. Мулат преградил ей дорогу.

– Мисс Дороти, – шепнул он, – хозяин не разрешил вам сходить с корабля! Сударыни, – обратился он к дамам в шлюпке, – мисс Доротея сказала, чтобы вы отправлялись на берег без нее. Но леди Стенфорд просит подождать ее. Сейчас она выйдет из своей каюты. Вот и миледи, господа!

2

– Итак, мистер Паттерсон, сейчас мы с вами услышим, каковы первые результаты экспедиции, подготовленной мною полгода назад, – говорил Грелли, глядя из окна капитанской каюты на быстро приближающуюся шлюпку с «Глории». – Шхуна «Доротея» должна была тоже прибыть в эти воды, ее капитану было приказано торопиться к африканскому побережью с грузом из Южной Америки. Вот и капитан «Глории». Привет, мистер Вильсон!

Капитан «Глории», маленький, толстый моряк с простуженным голосом, пожал руку Грелли, глядя на него снизу вверх и часто моргая белесыми ресницами. Воротник его довольно грязного мундира подпирал лоснящиеся от пота щеки, покрытые рыжей щетиной. Раскрасневшееся лицо было так густо усыпано веснушками, что казалось, будто кисть неосторожного маляра обрызгала лицо мистера Вильсона раствором желтой краски.

– Знакомьтесь с джентльменами, Вильсон. Мистер Паттерсон – мой компаньон и участвует в расходах. Джозеф Лорн – помощник капитана. С мистером Мак-Райлем вы знакомы... Можете говорить совершенно свободно.

Капитан достал роговую табакерку и взял добрую понюшку. Оглушительно чихнув, моряк заговорил срывающимся голосом, переходившим то в простуженный бас, то в полужадушенный шепот:

– Джентльмены, я позволю себе выразить надежду, что никому из вас не придется жалеть о деньгах, вложенных в эту исключительную экспедицию. Да, исключительную, ибо, господа, ни одно европейское судно не посещало устья реки Куарры⁴³ уже по меньшей мере в течение столетия.

– К черту историю, Вильсон, здесь не заседание Королевского географического общества. Где вторая шхуна? Что успели разведать? Как идут дела с... вербовкой?

– Но, сэр, вы не даете мне даже рта открыть! – обиженно забасил и захрипел моряк. – Ей-богу, эта экспедиция могла бы прославить нас перед учеными мужами всей Европы, если бы она преследовала... несколько иные цели. И, черт меня побери, если мы с мистером О'Хири не рисковали угодить на жертвенный алтарь какому-нибудь африканскому божеству.

– Ладно, капитан, не сердитесь! – Грелли подал глазами знак. На столе капитанской каюты, словно на столике фокусника, с удивительной быстротой появились бутылки и стаканы. – Промочите горло и, ради бога, не испытывайте терпения этих джентльменов слишком длинным рассказом.

Капитан Вильсон «промочил горло» двумя стаканчиками виски, и морщина обиды изгладилась с его чела.

– Итак, господа, мы с капитаном «Доротеи» года полтора назад, во время рейса к Золотому Берегу, приняли к себе на службу бывшего агента одной прогоревшей бостонской работорговой фирмы, некоего мистера Сайреса Эрвина О'Хири, американца ирландского происхождения, большого мастера в торговле «черным деревом». Этот мистер О'Хири незадолго до нашего с ним знакомства побывал в таких местечках Гвинеи, в которых уже давно не бывали белые торговцы и которые сулят для предприимчивых джентльменов немалые выгоды, правда связанные и с немалым риском...

Бульфонский судостроитель мистер Паттерсон слушал Вильсона как завороченный. Грелли хмурился и нетерпеливо притопывал каблуком, словно желая пришпорить рассказчика.

– Царство Эдо, страна Великого Бенина⁴⁴, негритянское царство в низовьях могучей Куарры, – вот тот сундучок, к которому мистер О'Хири предложил подобрать ключик!

– Признаться, мне эти слова не объясняют ничего, – разочарованно проговорил Паттерсон. – Чем оно так интересно для нас, это царство Эдо?

– Еще несколько минут терпения, сэр! Принятый нами на службу мистер О'Хири разработал смелый план, как наилучшим образом использовать главное, можно сказать, природное богатство здешних мест, то есть черное население. Оно весьма многочисленно и, я бы сказал, чертовски искусно во многих полезных ремеслах, джентльмены, не говоря уж о том, что племена Эдо – на редкость рослый и здоровый народ... Свой план мистер О'Хири изложил уже в Англии мистеру Райленду и...

⁴³ Куарра – туземное название нижнего течения реки Нигер, третьей по величине реки в Африке.

⁴⁴ Бенин – одно из наиболее могущественных и культурных негритянских государств, некогда существовавших на территории нынешней Нигерии; оно успешно сопротивлялось колониальному захвату до конца XIX века, когда заранее подготовленные английские войска, спровоцировав нападение бенинцев на британских парламентариев, вторглись в бенинские владения и предали их огню и мечу; город Бенин и дворец оббы подверглись варварскому разрушению; при этом были уничтожены или разграблены высокохудожественные ценности Бенина.

– И вот мы здесь, Вильсон, но пока что знаем о ходе экспедиции не больше, чем при отъезде из Бультона!

Паттерсон изо всех сил стремился вникнуть в смысл повествования. Его терзали сомнения. Он опасался попасть впросак и быть одураченным. Недоверие и жадность бродили в нем, как солод и ячмень в молодом пиве.

– Что же особенного представляет собой этот план О’Хири? Почему он связан с риском? Если он так выгоден, как нам пытаются внушить, то почему такой план не пришел в голову еще кому-нибудь другому?

Чувства, бушевавшие у судостроителя, весьма ясно отражались на его физиономии. Грелли без особого труда разгадал сомнения своего компаньона. Он подмигнул Вильсону.

– Видите ли, – доверительно заговорил капитан «Глории», – здесь торговля черным товаром – не такое простое дело, как вы, по-видимому, представляете себе, мистер Паттерсон. Устье Куарры – это не Золотой Берег, не страна Ашанти, не Дагомея⁴⁵. Там людские запасы уже сильно истощены, цены на негров возросли и выгода работорговли все уменьшается, здесь же, в нижнем течении Куарры, европейцев не было давно. Их пугает тяжелый климат, трудности плавания, а главное – могущество здешних негритянских государств, прежде всего – государства Эдо, или Бенина, как его называют по главному городу.

Паттерсон удивленно вскинул брови:

– Могущество? О каком могуществе вы говорите? Речь идет о грязных голых неграх, не так ли?

– Гм! Грязными и голыми вы видели их на невольничьих рынках... У себя дома они искусные литейщики, ткачи, строители и земледельцы. Правитель Бенина, обба, как его называют, живет, по словам О’Хири, в настоящем дворце. В Бенине много воинов, оборотистые купцы и сильная каста жрецов... Тут, в низовьях Куарры, есть немало больших негритянских поселений разных черных племен, но самое сильное из них – Бенин, или Эдо. Еще лет двести назад португальцы и голландцы были не редкими гостями в Бенине, основали здесь фактории и неплохо заработали на торговле чернокожими. Но, увы, правители Бенина скоро поняли, что в результате своего гостеприимства они рискуют... остаться без подданных. Поэтому они, черт их побери, предпочли отказаться от христианской цивилизации и закрыли доступ европейцам. Ослушникам, а также белым пленникам грозит казнь на жертвенном алтаре. По рассказам О’Хири, тамошние жрецы очень любят устраивать человеческие жертвоприношения – это помогает держать черную паству, так сказать, «в страхе Божиим»...

Паттерсона передернуло.

– Все это напоминает сказку для детей! – пробормотал он еще более недоверчиво. – Если же это хоть отдаленно похоже на правду, то какого черта было тащиться сюда, в эти проклятые места?

– А вот теперь и послушайте, что еще в Бультоне предложил мне О’Хири, – вмешался Грелли. – Когда ему удалось пробраться из Дагомеи в Бенин, то оказалось, что это негритянское царство ослаблено непрерывными усобицами феодалов и жрецов между собою и верховным правителем – оббой. Город Бенин, окруженный рвом и стеной, пострадал в этих войнах – О’Хири видел поврежденный дворец оббы. Из-за раздоров страна находится в упадке, и этим можно выгодно воспользоваться, как правильно сообразил наш мистер О’Хири. Ему удалось вступить в тайные сношения с враждебным царю чернокожим вельможей, по имени

⁴⁵ Золотой Берег, Ашанти, Дагомея – негритянские области на побережье Гвинейского залива, откуда европейские работорговцы в XVIII веке вывозили сотнями тысяч коренных жителей – негров – в рабство, преимущественно в Вест-Индию и Северную Америку.

Эзомо-Ишан. В своей борьбе против оббы этот Эзомо-Ишан, негритянский феодал или жрец, нуждается в партии огнестрельного оружия.

О'Хири получил от него обещание: в обмен на партию оружия и кое-какие нехитрые подарки пропустить под охраной его воинов два наших легких судна в низовья Куарры и уступить нам полтысячи своих чернокожих подданных. В подчинении Эзомо-Ишана имеется до пяти тысяч войска да тысяч десять собственных рабов. Эта команда, так сказать, обезопасит тыл нашей экспедиции от всяких каверз со стороны бенинского оббы и любых других царьков-правителей племен йоруба, нупэ, хаусса и всех прочих... Вам ясна ситуация, мистер Паттерсон?

– Н-е-нет, не вполне... Ведь требуется партия оружия? И где гарантии, что этот Эзомо-Ишан не готовит нам просто ловушку?

– Партия оружия находится на «Глории», капитан которой сидит перед нами. Остальные товары – на шхуне «Доротея»: там порох, табак, ямайский ром и безделушки. Где сейчас «Доротея», Вильсон?

– Хорошо спрятана неподалеку от Гато, покинутой португальской фактории в устье Куарры. Чернокожих поблизости от судна нет – для негров на эту местность предусмотрено наложено табу⁴⁶... Мы ожидали только вашего прибытия, мистер Райленд: у нас все готово к обмену товара на чернокожих...

– Отлично! Надо действовать немедленно, чтобы никакие чужие крысы не почуяли поживы для себя. Что касается гарантий за сохранность наших шкур, мистер Паттерсон, то вынужден огорчить вас – они не вполне надежны. Всякий выигрыш берется ценою риска. Чем риск крупнее – тем выигрыш больше... Теперь к делу, джентльмены... Бриг «Орион» на две недели задержится здесь, в уютной бухте Фернандо-По. В течение этих двух недель нам с вами, господа, предстоит проделать всю операцию. Присутствие мое на «Орионе» сейчас не нужно. Леди Стенфорд не выпустит из своего поля зрения пастора Редлинга и здешних миссионеров, Рой будет наблюдать за Доротеей, младшего Томпсона я поручаю вашим заботам, Джеффри Мак-Райль. Среди команды, Мак, вы можете полагаться на Иензена и Каррачиолу. А нам с вами, господа Паттерсон и Лорн, придется совершить веселую экскурсию, сначала на полтора миль до устья Куарры, а затем, вероятно, мы поднимемся вверх по этой интересной речке... Я не намерен покупать полтысячи котов в мешке, я хочу сам посмотреть на мой товар, который пойдет в Америку... Джентльмены на бриге, разумеется, не должны догадаться ни о чем: им придется объяснить, что мы не могли упустить случая поохотиться на слонов и бегемотов, не так ли? Вильсон, немедленно готовьте «Глорию» к отплытию. Быстрая доставка – душа торговли, господа!

Грелли был необычайно возбужден. У него блеснули глаза от азарта и раздувались ноздри горбатого носа. Возбуждение охватило и Паттерсона.

«Пират! Настоящий отчаянный пират! – думал Паттерсон, поглядывая на своего компаньона. – Но какая энергия, страсть, бесцеремонность в средствах! Человек этот рожден, чтобы подчинять себе других. Нет, он жизненно необходим обществу! Пожертвовать им, кем бы он ни был на самом деле, ради какой-то старомодной справедливости, просто вредно для всей нашей коммерции! А лично для меня – это почти губительно! Негодяй так быстро завладел моими средствами и так глубоко втянул в свои дела, что, случись с ним какая-нибудь беда, все мои денежки вместе с заманчивыми надеждами уйдут в неведомые воды. Ибо этот человек не будет ожидать, пока шериф положит руку ему на плечо! На своем дьявольском «Окрыленном», который я сам помог ему создать, он примет бой со всем британ-

⁴⁶ Т а б у – религиозный запрет, налагаемый обычно жрецами на какой-либо предмет, действие, вид пищи, слово и т. д.; по верованиям первобытных народов, нарушение табу влечет небесную кару.

ским флотом. Какая польза в том, что он в конце концов очутится на дне? Вместе с ним туда же погрузятся и мои шесть тысяч фунтов!»

Два дня спустя, под вечер, шхуна «Глория» осторожно подошла к устью Куарры. Величественная река спокойно катила в океан свои желтоватые волны. По четырнадцати рукавам Масляных рек они врывались в зеленую морскую гладь, и мутно-коричневые полосы пресной речной воды на протяжении многих миль резко отделялись от вод океана.

Туземный лоцман, посланец негритянского вельможи Эзомо-Ишана, уже стоял на капитанском мостике. Это был татуированный негр из племени кру. Он указывал путь к одному из пустынных рукавов дельты... С наступлением темноты из этого рукава навстречу шхуне вышла большая туземная ладья с двадцатью гребцами. Под покровом тропической ночи ладья приблизилась к шхуне, взяла ее на буксир и бесшумно повела «Глорию» к дельте... Весь экипаж шхуны с карабинами наготове притаился у фальшборта. Джозеф Лорн, держа в каждой руке по пистолету, наблюдал за туземцами в ладье.

Паттерсон слонялся по палубе, мучительно ожидая дальнейших событий. Тихие всплески весел, односложные слова команд, произносимых шепотом, отдаленные крики каких-то ночных птиц на берегу – все эти звуки казались ему зловещими. Где-то далеко на берегу мерцали огоньки – должно быть, туземные рыбаки разводили костры, но судостроителю мерещились за этими слабыми огоньками злобные враги, в чью ловушку он неминуемо должен был угодить... Грелли тихо окликнул с мостика своего компаньона.

– Вон там, – указал он рукой направление на самый западный из рукавов дельты, – совсем недалеко, в сотне миль от нас, находится столица Эдо – Великий Бенин. Небось какой-нибудь ученый-географ позавидовал бы вам, мистер Паттерсон! Быть в такой близости от заповедного царства! Может, и вы втайне мечтаете предстать завтра перед лицом его царского величества – оббы? Клянусь всеми богами Эдо, он приготовил бы вам веселую встречу!

Паттерсон хотел выругаться и не успел: с мостика, к ужасу мирного бультонского джентльмена, внезапно раздался отвратительный, захлебывающийся хохот. Это негр-лоцман весьма искусно воспроизвел ночной крик гиены. Не успел Паттерсон опомниться, как с берега, уже близкого, раздался ответный хохот гиены. Это был сигнал затаившихся в береговой засаде тайных охранителей экспедиции. Он означал, что вверх по реке путь свободен.

Утром судно поднялось уже на десять миль вверх по реке. В болотистой низменности, где суша зелеными языками вдавалась в широко разлившуюся водную гладь, среди зарослей мангровых лесов и непроходимой чащи ярко-зеленых прибрежных папоротников, хвощей и тростников гнездились тысячи птиц. Казалось, что корабль достиг столицы царства пернатых. Пеликаны, аисты, цапли, чайки, фламинго, бакланы, множество крылатых хищников тучами носились в воздухе, плавали у берегов или неподвижно стояли у самой воды. Путешественники разглядели, как с зеленой косы бросился с берега в воду, спугнув каких-то белых птиц, крупный гиппопотам. Грузное животное, окунувшись в воду, долго не показывалось вовсе. Затем из воды вынырнула только огромная, похожая на гитару голова с розовыми ноздрями и выпуклыми полузакрытыми глазами. Гиппопотам зевнул, широко раскрыв чудовищную пасть, и не обратил никакого внимания на судно, проплывшее от него на расстоянии полукабельтова.

Наконец в подзорные трубы, переходившие из рук в руки, путешественники увидели деревни, раскинувшиеся по обеим сторонам реки, в глуши бесчисленных протоков Куарры.

Среди круглых тростниковых хижин с желтыми кровлями из маисовой соломы виднелись и довольно сложные сооружения из глины и камня. Несколько полуразрушенных домиков европейской постройки, очевидно, принадлежали когда-то португальской фактории и миссионерам. Поселки терялись в густой, непривычно яркой для глаз европейцев при-

брежной зелени. Позади поселков виднелись небольшие клочки возделанной земли – поля с весенними всходами маиса, ямса и маниоки⁴⁷. На песчаных участках у берега масличные пальмы поднимали к небу свои вечнозеленые кроны. Около пальм у хижин кучами валялась скорлупа от орехов.

Много мелких судов – парусных лодок, туземных рыбацких баркасов и пирог – двигалось в разных направлениях по спокойной глади соседних рукавов Куарры. Проводники недаром выбрали именно эту тихую, безлюдную протоку: с нее можно было просматривать окружающую местность и соседние рукава на много миль вокруг, оставаясь скрытыми за разросшейся береговой зеленью. Так, без всяких происшествий, «Глория» преодолела еще много миль вверх по Куарре.

3

Судно двигалось в чернильной темноте влажной тропической ночи. На носу и на корме корабля горели фонари. Их свет выхватывал из мрака несколько ярдов черной, как омут, воды, фигуру матроса, промерявшего шестом глубину фарватера, и призрачные рои ночных мотыльков, круживших около огней.

Крупные, яркие, словно мохнатые звезды величаво и загадочно мерцали в иссиня-черной мгле. Где-то на берегу кричала выпь. Вой шакалов то доносился ближе, то пропадал вдали. Откуда-то из глубины чащи ему вторили гиены. Царил глубокий мрак, луна еще не вставала. Влажная духота напоминала воздух в оранжерее.

Паттерсона охватила жуть. Он достал сигару и хотел закурить, но вспомнил, что огня у него нет. В темноте он сделал несколько шагов и почти наткнулся на Грелли и Джозефа Лорна. Они разговаривали вполголоса, стоя у грот-мачты, и не слышали шагов судостроителя.

Трубка в руках Грелли чертила в темноте огненные зигзаги и рассыпала искры. Паттерсон прислушался к словам лжевиконта.

– Кой черт! Мне достался от этих олухов Райлендов забытый титул и нищее поместье. Милордом меня величали только собственные слуги! А соседи на первых порах и сэром-то называли меня сквозь зубы! Ничего, они еще поползут на брюхе перед виконтом Ченсфильда, когда я стану пэром Англии, черт меня побери совсем! Это даст власть, это откроет дорогу в правительство, к сундукам этих торгашей и промышленников.

– Не высоко ли метишь, Джакомо? Смотри не сорвись, – услышал Паттерсон голос Лорна. – Ты рановато сбросил со счетов того, на острове. Он готов к отчаянной войне с тобой.

– Чепуха, Джузеппе. Или я сделаю его сговорчивым, или... весь экипаж будет охотиться за «прокаженным» на острове. Такая война не может быть слишком долгой.

– Он знает остров лучше, чем ты свой Ченсфильд.

– Допустим, неделю, месяц они продержатся, ухлопают у меня пару матросов. Все равно я сверну им шею, и тогда... можно будет вздохнуть свободнее и уже не опасаться разоблачения. Говорю тебе: мне нужно пэрское кресло, каррамба!

– Хватит с тебя и твоего виконтства. Ведь ты – уже лорд, черт возьми! По мне – все это чепуха! Лорды, пэры... Не понимаю я твоих планов. Давай потолкуем лучше о деле. Какого черта ты затащил сюда Паттерсона? Ты хочешь послать его в Америку?

– Паттерсона я сначала хотел послать с вами в Америку, но, пожалуй, на острове он будет мне нужнее. Руководить экспедицией в Америку придется Мак-Райлю и тебе, мой старый Джузеппе. Я не могу доверить продажу товара моим капитанам. Они неплохие моряки,

⁴⁷ М а и с – одна из разновидностей кукурузы; я м с – клубневидное растение, напоминает картофель; м а н и о к а – тропическая сельскохозяйственная культура, из клубневидных корней которой приготавливают крупу тапиоку.

но там понадобится хватка торговца. Мои условия: выручить по сорок фунтов за голову. Если сумеете поднять цену – излишки тебе и Маку. Я давно знаю Мак-Райля. Это ловкая лиса, он ухитрялся обманывать даже Бернардито. Тебе придется смотреть ему на пальцы, Джузеппе! Деньги ты доставишь мне в Бультон и сдашь в банк Ленди. Пять процентов от всей доставленной суммы я отдам тебе. Идет?

– Это собачья задача, Джакомо.

– Не называй меня прежним именем, Джузеппе. Почему ты колеблешься?

– Во-первых, у нас еще нет на борту чернокожих; мы делим шкуру неубитого медведя, сидя в его берлоге и находясь у него в лапах. Во-вторых, сдается мне, что ты назначил слишком высокую оптовую цену. Сахарным плантаторам на Ямайке или на Кубе дешевле брать малайцев с тихоокеанских островов.

– Негры стоят дороже! Они легко привыкают к работе и не так быстродохнут, как индейцы или малайцы. У Мака есть приятели-перекупщики на невольничьих рынках Луизианы и Виргинии. Там обеспечен хороший сбыт всей партии. Ты продашь их по полсотне соверенов за штуку, слышишь?

– Женщины и подростки идут дешевле, хозяин.

– Плантаторы берут всех. Там, где растет хлопок, и пятилетний детеныш – работник. Тебя ли мне учить, Джузеппе? У красивых матерей ты отберешь грудных детей и продашь красавиц вдвое дороже, на них покупатели есть во всех частях света. А детвору ты отдаешь некрасивым самкам и сбудешь их плантаторам со всеми детенышами: на больших плантациях их охотно берут с приплодом на вырост. Но цены не сбивай! Если, сверх ожидания, мелочь не найдет сбыта, лучше утопи ее, только не спускай за бесценок – это вредит торговле. Пока у нас еще нет своего укромного местечка, возиться с мелочью невыгодно. Поэтому я устрою на нашем острове целый питомник... Мы заведем там свои плантации и одновременно будем разводить товар для продажи, потому что ловля чернокожих или покупка их у князьков чем дальше, тем становится труднее и дороже.

Следующего вопроса Лорна Паттерсон не разобрал, но понял, что речь идет о нем самом. Грелли размышлял несколько минут, пока Лорн раскуривал трубку. Вспышка огня озарила густые брови Лорна, бронзовое немолодое лицо, жесткие волосы и белый шрам, наискось пересекающий лоб этого моряка.

Наконец Грелли заговорил:

– Видишь ли, Паттерсон не из нашего теста, но он тоже делец. Со временем он привыкнет. Сейчас я тащу его с собой, чтобы он просто пригляделся к делу. Может быть, его верфь войдет когда-нибудь в мою компанию, но пока мне это не нужно. Дело в том, что в своей игре он поставил на меня, и, черт побери, на моем номере он должен выиграть. Мне нужны союзники! Посмотрел бы ты, как он отстегал этого молокососа Томпсона!

Сообщники помолчали. Паттерсон боялся вздохнуть и пошевелиться.

– Послушай, Джакомо, меня не было в Бультоне, когда Фернандо обстриг Мак-Райля. Как случилось, что твои люди проглядели это?

– Я понадеялся на Вудро Крейга. Но Фернандо ловко маскировался и не попался на глаза ни одному шпиону Вудро. Сначала Фернандо снимал номер в «Белом медведе» с каким-то проповедником Элиотом Меджерсоном. Потом он поселился в частном доме под именем Роджерса. Овладев алмазом, он ускользнул... Скажи, Джузеппе, а ты знал, что камень находится у Мака?

– Вудро говорил, что он по дешевке сбыв камень Мак-Райлю, но я не очень-то верил...

– Почему большой камень достался тогда Вудро, а не тебе? – помолчав, спросил Грелли.

– Когда Бернардито нас высадил, мы с Вудро никуда не годились. Я очнулся уже на берегу. Утром всех нас приютил один рыбак. Вудро был совсем плох, у него картечью пере-

било кости на обеих ногах. Кое-как мы дотащились до какой-то бухты, где стояло французское судно. Ночью, на берегу, мы втроем – Вудро, Рой и я – решили покончить с Фернандо Диасом. Вудро притворился, что потерял сознание, а мы с Роем прикинулись спящими. Фернандо все время держался настороже, но тут задремал. Вудро стал его душить, Рой помогал. Фернандо уже хрипел, но тут Вудро нащупал у него на груди мешочек с двумя камнями и сорвал его. Пока мы рассматривали камни, Фернандо очнулся. Завязалась драка. Фернандо оглушил Роя, а мне рассек лоб ножом. Я выстрелил из пистолета почти в упор, пуля сорвала ему палец на левой руке, но преследовать его мы не смогли, Фернандо ушел живым. Утром французское судно приняло нас на борт, и корабельный врач отрезал Вудро обе ступни. На корабле мы бросили жребий: голубой алмаз достался пополам Вудро и Рою, а малый алмаз – мне. Вудро напоил Роя, и тот уступил ему свою половину «голубого камня» за несколько старинных испанских дублонов. Расстались мы в Марселе... Свой камень я продал и долечивался в Италии. А потом ты, Джакомо, начал собирать нас в Бультон. Первым обосновался там Вудро...

– Да, я встретил его в Плимуте, когда прибыл на «Крестonosце» в Англию, и тогда же посоветовал ему держаться поближе ко мне. В Бультоне он купил таверну, и мы с ним начали разыскивать своих: Мак-Райля, тебя, мой Джузеппе, Роя... Этот еще в Марселе попал в тюрьму, пришлось его выручать...

– Послушай, но как же Фернандо разнюхал, что Вудро продал камень Маку?

– Это меня и встревожило! Я стал опасаться, что Фернандо нащупал след всей партии камней, которую мы тогда решили продать голландским ростовщикам. Но, как видишь, все обошлось: ты благополучно сбыл партию. Однако Диас что-то знает... Какая-то бестия предала нас... Я подозреваю, что контора Томпсона ведет двойную игру со мной. Вудро, например, божится, что Роджерс, то есть переодетый Фернандо, дважды посещал квартиру старого Томпсона.

– Зачем же ты взял его сына с собой в это плавание?

– Мне удобнее наблюдать за ним на борту. Юрист в экспедиции нужен, притом юрист с хорошей репутацией. Не беспокойся, он станет у меня ручным, как собачонка, или же никогда не вернется в Бультон. С его помощью мне будет легче разделаться с Эмили и с тем, на острове, если...

Грелли понизил голос до шепота, и Паттерсон не смог разобрать конца фразы. Ему стало страшно. Словно в ответ на его невеселые мысли, где-то совсем близко завывала и захотала, захлебываясь бабьим, истерическим рыданием, полосатая гиена.

Владелец бультонской верфи ощупью добрался до каюты и, заткнув уши, съежился в плетеной качалке.

4

На рассвете «Глория» оказалась в нескольких милях от места стоянки «Доротеи». Ветер усилился, и еще до наступления полудня обе шхуны, некогда выстроенные в одном доке, снова стали борт о борт в экзотических водах Куарры.

Грелли, Паттерсон, капитан Вильсон и Джозеф Лорн отправились завтракать к капитану «Доротеи». Долговязый, болезненного вида капитан Хетчинсон сообщил гостям последние новости:

– Все идет хорошо, господа. Вы прибыли в самый раз. Наш сиятельный черномазый клиент Эзомо-Ишан с нетерпением ожидает оружия. Вчера от него были посланцы. Партия черного товара должна спуститься вниз по Куарре на трех больших плотках. Как обстоит дело с обещанным ему оружием?

– Оно находится в трюме «Глории». Одновременно с погрузкой негров на борт обеих шхун мы перенесем оружие на плоты и передадим их нашему почтенному Эзому-Ишану перед тем, как шхуна выйдет в открытое море... Сколько на каждом плоту... штук?

– Около двухсот. «Глория» примет триста пятьдесят, а «Доротея» – двести пятьдесят. Дополнительно можем принять еще штук двести. Будет тесновато, но создавать комфорт этим пассажирам компания не обязывалась! – Мистер Хетчинсон хихикнул.

Лицо Грелли светилось торжеством.

– Когда первый выстрел попадает в цель, охота всегда бывает удачной! Покамест шестьсот штук... Из них дойдут до Америки штук пятьсот. За вычетом расходов я считаю обеспеченными десять – двенадцать, даже пятнадцать тысяч фунтов выручки чистоганом! Мистер Хетчинсон, когда вы ожидаете прибытия плотов сюда, к месту стоянки «Доротеи»?

– Ждем через неделю, но готовы к погрузке хоть завтра. О'Хири с ребятами сам поднялся вверх по реке и принимал партию в Локодже, за триста или четыреста миль отсюда. Сейчас они, вероятно, уже в пути, в сопровождении наших ребят на шлюпках. Идти, конечно, им приходится с осторожностью, главным образом ночью. Впрочем, ближе к устью река достаточно широка, груз не бросается в глаза с берегов.

– Превосходно, джентльмены! Мистер Паттерсон, нам придется поработать, чтобы довести операцию до конца. Бенинских воинов оббы, слава богу, не видно, Эзому-Ишан провел нас сюда весьма осмотрительно. Обстановка благоприятна, но действовать нужно не медля ни минуты – не забывайте, где мы находимся! Вильсон, сейчас же приготовьте шлюпку! Мы с мистером Паттерсоном и Лорном выйдем на ней навстречу плотам. До заката успеем отдохнуть.

Вечером два сенегальских негра снесли в большую шлюпку ружья, снаряжение и припасы. Экипаж обеих шхун, собравшийся на корме «Глории» и «Доротеи», провожал охотников.

Оставляя на реке, озаренной последними лучами заката, две длинные расходящиеся борозды, шлюпка быстро пошла вверх по течению. Следы ее долго держались на оранжевой зеркально-тихой глади реки.

В царившем кругом безмолвии было слышно, как мелкая волна, поднятая четырьмя парами весел, заплескалась у бортов «Глории» и достигла наконец берега, где, чуть потревоженные ею, качнулись и зашелестели листья царственно прекрасных белых лотосов.

В шлюпке было восемь человек. Грелли, в высоких сапогах и просторной блузе, заправленной в шаровары, стоял на носу, уперев руки в бока. Двуствольный штуцер крупного калибра, работы славного лондонского оружейника, лежал перед ним на носовой банке. Пара пистолетов торчала из-за пояса.

Упираясь коленями в шлюпочный борт, юный Антони готовил заряды для своего господина. На подостланном куске парусины Антони разложил полые медные трубки диаметром около полудюйма и длиною дюйма в три. Юноша набирал порох небольшой меркой и пересыпал его в одну половину трубки. Заткнув отверстие толстым промасленным пыжом из верблюжьей шерсти, он в другую половинку трубки всыпал дробь или вкладывал пулю и тоже забивал пыжом. Таким образом снаряженный патрон вставлялся в гнездо кожаного пояса.

На охоте Антони с изумительной быстротой успевал перезаряжать хозяйское ружье, и Грелли поэтому решил взять юношу в эту поездку.

На корме сидел мистер Паттерсон, в плаще и широкополой шляпе, купленной им еще в Марокко. В руках он держал ружье и полагал, что имеет весьма воинственный вид.

Рядом с ним, высоко подняв колени, правил рулем и курил трубку сумрачный Джозеф Лорн. Приглядевшись к нему пристальнее, Паттерсон убедился, что мистер Лорн – конечно,

не Джозеф, а Джузеппе: черные глаза, смуглая кожа, чуть курчавые, сильно поседевшие жесткие волосы выдавали в этом человеке южанина, итальянца.

Сидя в затылок друг другу, четыре гребца наклонялись и двигались как один человек. На передних банках гребли два матроса-европейца. Позади них, орудуя веслами с такой легкостью, точно они были сделаны из тростника, сидели два негра-сенегальца, принятые на борт «Ориона» в Марокко, – существа неустойчивые, молчаливые и свирепые. Когда коричневые от загара шеи матросов уже покрылись испариной и дыхание их участилось, кожа негров оставалась такой же матово лоснящейся, какой была в начале пути.

Первую ночь экспедиция двигалась почти безостановочно. Только в самые жаркие часы следующего дня Грелли разрешил короткий отдых в мангровых зарослях у берега. Лодка шла то у самого берега, маскируясь кустами, то пересекала фарватер, сокращая расстояние на перекатах. К концу первых суток между шхунами и шлюпкой легло уже двадцать пять – тридцать миль.

Пришлось позаботиться о первом ночлеге на берегу. По знаку Грелли гребцы подвели шлюпку к песчаной косе. С этого места открывался широкий вид на верхнее течение реки. Однако шесть длинных, неподвижно вытянувшихся на песке крокодилов не проявили никакого желания потесниться или уступить свое место путешественникам.

Грелли прицелился в ближайшего из пистолета, но один из негров испустил предостерегающий крик и, бросив весла, вцепился руками в борта. Паттерсону тоже показалось не особенно желательным тревожить этих животных, и он попросил выбрать другое место для стоянки. Пришлось подняться еще на одну милю выше, где в пределы суши вдавалась небольшая заводь, заросшая водяными растениями и окруженная причудливым мангровым лесом. За мангровыми деревьями, уходившими корнями в воду, простиралась зеленая, поросшая папоротниками болотистая поляна, которая, сужаясь, переходила в едва заметную тропу.

Местность здесь была слегка холмистой, на горизонте виднелись невысокие горы, до самых вершин покрытые лесом. С ближайших к воде деревьев можно было обозревать реку на милю вверх и вниз по течению.

Лодка вошла в заводь и едва не застряла среди гигантских плоских листьев водяных растений, способных выдерживать на себе тяжесть пятилетнего ребенка. Края этих листьев загибались вверх, образуя как бы гофрированный борт вокруг всего листа. Ближе к берегу, среди высоких тростников и осоки, покачивались на потревоженной воде цветы белых лилий. Наконец путники добрались до вязкого берега, согнав с него десяток змей, убравшихся в густую осоку.

Поодаль, словно лесной царь, виднелось исполинское дерево бомбакс⁴⁸. Оно разрослось на невысоком холме и вместе со своими побегами издали казалось целой фантастической рощей.

Когда путешественники вышли на сушу, они разглядели на болотистой почве поляны и вдоль илистого русла пересохшего ручейка много следов животных – кабанов, коз и буйволов. Лодка, по-видимому, пристала к месту водопоя диких обитателей чащи.

Для ночлега Грелли выбрал исполинский бомбакс. Это дерево оказалось толщиной в четыре обхвата, возвышаясь метров на двадцать над землей. Ветви толщиной с человеческое тело простирались во все стороны, образуя шатер тени на сорок метров в поперечнике. К стволу и побегам ветвей тянулись с земли лианы, покрытые нежными, маленькими цветками. Казалось, что огромное дерево, подобно многорукому лесному старцу, опирается на множество узловатых палок.

⁴⁸ Б о м б а к с – дерево типа баобаба.

Паттерсон, вконец измученный предыдущей бессонной ночью, жарой и путешествием в шлюпке, едва ступив на траву, бросил на нее плащ и одеяло и, растянувшись на них, мгновенно заснул, пока остальные хлопотали над устройством лагеря.

Взобравшись с топором на дерево, матросы устроили для Грелли и Паттерсона небольшой помост. Всем остальным они приготовили места для ночлега на нижних ветвях дерева, в сплетениях лиан.

Окончив приготовление воздушной спальни, Грелли и матросы спрятали шлюпку в зарослях, перенесли из нее припасы и оружие на дерево и затем безуспешно попытались разбудить разоспавшегося Паттерсона. Он промычал что-то невнятное и, укрыв плащом голову от москитов, перевернулся на другой бок.

В стороне, у песчаного подножия холма, затрещал костер. Вскоре ужин поспел, но и запахи, распространяемые кухней, не смогли разбудить Паттерсона. Наконец, оставив Антони караулить лагерь и спящего джентльмена, Грелли, Лорн, оба сенегальца и матросы взяли ружья и отправились на охоту.

Солнце стояло уже низко над рекой и лесами. Воздух загудел от мириад насекомых. Становилось очень сыро. Измученный Паттерсон спал с открытым ртом и раскинутыми руками. Антони защитил его сеткой от москитов и оглянулся.

Никогда еще он не был в таком лесу. Среди густо разросшихся хвощей высились пальмы раффии, похожие на огромные папоротники. Дальше от реки вздымались из лесных зарослей прямые, как мачты, тонкие и гладкие, будто отшлифованные, стволы красного и копалового деревьев. Их драгоценная древесина, твердая, как камень, по-видимому, шла на поделки туземцев, потому что ближе к воде виднелось несколько свежих пней.

В глубине леса могучие кроны деревьев переплетались между собою. Ни одного сучка не было на стволах этих деревьев до самой вершины. Лес казался ненастоящим и населенным такими же сказочными животными, какими были эти сказочные деревья.

Становилось все холоднее. Юноша уже начал было дремать, но изо всех сил боролся со сном, помня наставления Грелли.

Чтобы стряхнуть дремоту, Антони решил изготовить смоляной факел, как советовал ему хозяин. Намотав на палку пучок пакли, он густо наплатил его смолой из бадьи, найденной в шлюпочной корме; она предназначалась для осмолки бортов. Готовый факел Антони положил на ветвь дерева, выбранную им для ночлега; затем он пошевелил костер и подбросил в огонь свежих ветвей.

Больше делать было решительно нечего, и Антони уселся около спящего, обхватив колени руками. Глаза слипались, мысли текли медленнее, повторялись и расплывались. Наконец голова юноши склонилась, и дремота одолела его. Теперь на поляне у заводи спало уже два человека.

Так прошло больше часа. Выпала сильная роса, лесную чащу окутал мрак, и только красные угли костра, чуть потрескивая, тлели в темноте да по черным обгорелым головешкам перебегали синие язычки.

Внезапно Антони вздрогнул и сразу очнулся от сна. Далеко, не ближе чем в двух милях, послышался глухой выстрел, затем треск, будто сломалось и упало дерево. В полной темноте юноша взвел курок и ощупал замок своего ружья.

По какому-то необъяснимому предчувствию опасности Паттерсон, которого не могли до того разбудить ни толчки, ни окрики, тоже мгновенно пробудился и сел, озираясь вокруг. В тот же момент до него и Антони донесся сильный треск ветвей и сучьев. Где-то близко со свистом ломались и падали стволы мелких деревьев, чавкала вода в болотцах. Земля загудела от грозного топота, и на поляну вылетело какое-то громадное животное.

В отуманенном сознании Паттерсона этот миг ярко запечатлелся на всю его жизнь. Прямо перед ним в мерцающем свете костра возникла из расступившейся чащи леса тупая,

опущенная к земле уродливая морда с крошечными, широко расставленными глазами и торчащим на носу рогом. В следующий миг рядом с Паттерсоном сверкнул длинный язык огня и ухнул выстрел. Это Антони почти в упор послал заряд в голову носорога. Огромный зверь взметнулся на бегу вверх, вскинул голову и свалился на бок, не добежав до берега. Земля дрогнула от падения тяжелого тела, а юный стрелок, охваченный страхом и не успев даже разобрать результата своего удачного выстрела, уронил ружье и опрометью бросился бежать к лесу.

Навстречу ему по звериной тропе, тяжело дыша, шел Грелли и остальные охотники. Когда они приблизились к туше убитого носорога, Паттерсон, шатаясь, встал на ноги и с чувством пожал руку шестнадцатилетнему груму из Ченсфильда.

Охотники осмотрели носорога. Голова его, вся в складках и буграх, была залита кровью, пуля юноши разворотила зверю мозг. Два рога на морде были тверды, как слоновая кость, и походили на уродливые лишай или наросты на дереве. Толстая складчатая кожа была почти непроницаема для пуль. Выстрел Антони оказался необычайно удачным: промедли он еще мгновение – и Паттерсон был бы неминуемо раздавлен грузным животным.

Узкий серп ущербной луны показался над рекой. На воде задрожала длинная серебряная дорожка. Тишина объяла леса и воды. Одни цикады неумолчно звенели.

Грелли, обняв юношу за плечи, повел его к дереву. Охотники взобрались на помост, и лишь теперь Паттерсон смог оценить эту предосторожность.

Влажный туман и ядовитые испарения поднимались от прибрежных тростников и гигантских папоротников. Трава у берега шелестела, и казалось, что она кишит змеями. В свете луны туша носорога отчетливо выделялась на земле.

Внезапно из зарослей вылетели на поляну легкие серые тени. Трудно было представить себе, что этих животных носят ноги, а не крылья, так воздушно легка была их скользкая, крадущаяся поступь. Издав короткий, захлебывающийся вой, они в одно мгновение пронеслись по поляне и скрылись подобно привидениям: это были шакалы, почуявшие добычу. Вскоре их вой и плач раздался с двух сторон, и уже две стаи этих трусливых хищников появились из леса. Они подняли грызню у тела носорога, и через полчаса их было десятка два на поляне.

Еще две крадущиеся, более крупные тени вышли из чащи. Они плелись к туше носорога с низко опущенными головами, поджимая куцые хвосты.

Паттерсон, сидя на помосте рядом с Грелли, наблюдал с содроганием, как оба хищника принялись раздирать внутренности убитого зверя. Это были полосатые гиены. Их отвратительные головы со злыми круглыми, близко посаженными глазами походили и на собачьи, и на свиные. Подняв измазанную в крови морду, одна из гиен потянула воздух. Шерсть поднялась у нее на загривке. Шакалы тоже насторожились и вдруг стремительно пустились наутек. За ними последовали и гиены.

В следующее мгновение хриплое мяуканье раздалось в лесной чаще.

Какое-то длинное гибкое тело скользнуло с ближайшего дерева к туше, и Паттерсон отчетливо разглядел крупного леопарда, вскочившего на спину носорога. Хвост пятнистого хищника извивался и бил по коже носорога, как хлыст. Леопард поднял голову и зарычал. Грелли положил ствол своего тяжелого ружья на сплетение ветвей, прицелился и выстрелил.

Сноп огня ослепил Паттерсона. Помост сильно трянуло, послышался отчаянный крик. В тот же миг вспыхнул смоляной факел Антони, и Паттерсон, нагнувшись, разглядел под деревом извивающееся тело леопарда; зверь терзал на земле, под деревом, одного из сенегальцев. Оказалось, что леопард, раненный пулей Грелли, метнулся после выстрела к дереву с людьми. Прыгнув на негра, который устроился на одной из нижних ветвей, леопард не удержался и, падая, увлек свою жертву вниз.

Антони, низко наклонившись со своей ветви, размахивал горящим факелом. Грелли выстрелил из второго ствола, но промахнулся. Антони, не ожидавший выстрела, вздрогнул, сделал неверное движение и, сорвавшись с ветви, упал к корням дерева, рядом с хищником. Факел покатился в сторону, горящая смола потекла по земле.

Бросив истерзанного негра, леопард отпрянул в сторону от полыхающего огня. Залитый кровью негр вскочил на ноги и побежал. Едва лишь Антони успел приподняться, хищник ринулся на юношу и повалил его.

Грелли мгновенно спрыгнул с помоста. В руке у него сверкнул кинжал. Он нанес удар прямо под лопатку зверя и, навалившись на хищника, оттащил его от тела юноши. Кинжал, погруженный по самую рукоять между ребрами зверя, так и остался в ране.

Животное уже издыхало, но Грелли, измазанный в крови и сам похожий на дикого зверя из лесной чащи, продолжал душить леопарда своими железными руками. Хвост леопарда еще раз судорожно ударил по земле, лапы его сделали несколько конвульсивных движений, изодравших одежду Грелли в клочья, и зверь затих.

Антони, почувствовав свободу, сел. На лбу, груди и плечах юноши леопард целыми полосами содрал кожу. Глубокая рана, нанесенная зубами зверя, зияла на левой руке.

Грелли пытался подняться, но зашатался и упал на колени. Его руки и грудь тоже должны были навеки сохранить следы единоборства с грозным хищником, название которого так много лет было неразрывно связано с именем Грелли.

Никто из участников экспедиции уже не смог заснуть до утра. Израненного юношу Грелли заботливо перевязал и уложил на помосте рядом с собою. Джозеф Лорн перевязал самого Грелли.

Сенегалец Али спустился с дерева, взял головню из костра и, осмотрев убитого зверя, опалил ему усы.

– Иначе дух этого леопарда будет всю жизнь тревожить тебя по ночам, – пояснил он Грелли.

«Ну, для синьора Джакомо это еще небольшая беда!» – подумал Паттерсон.

На небе уже исчезли мелкие звезды, только редкие светила утренних созвездий еще мигали в глубокой синеве; над рекой быстро разлилась оранжевая африканская заря, птицы загомонили, и ветерок зашелестел в кронах леса. Рассвет длился несколько минут – и безоблачный день пришел на смену ночным страхам и мраку.

Бледный Паттерсон спустился с дерева совершенно уверенный, что Грелли скомандует возвращение на «Глорию». Но глава экспедиции еще спал на своем помосте рядом с забинтованным Антони. Паттерсон с нетерпением ожидал, когда проснется Грелли; судостроителю хотелось поскорее вернуться к шхунам, туда, где были мягкие постели и не было ни носорогов, ни леопардов.

Однако пробуждение руководителя экспедиции принесло почтенному бульфонскому джентльмену горькое разочарование.

5

Грелли был страшен, когда, спустившись с дерева, он предстал перед остальными охотниками, уже сидевшими у костра за завтраком.

Один глаз его почти закрылся от кровоподтека. Кровь запеклась в волосах. Повязки на теле сбились в сторону, обнажив глубокие рубцы и царапины. Здоровый глаз сердито сверкал из-под жестких бровей. Он пнул ногой убитого леопарда и пошел к ручью умыться.

Завтрак прошел в молчании. Матросы нарезали ломтями мясо носорога и изжарили его. Оно оказалось сочным и напоминало свинину. Затем, к большому огорчению Паттерсона, Грелли приказал побыстрее собираться в дальнейший путь.

У Антони начался жар. Грелли приказал уложить юношу на корме, на связке одеял. Вдоль борта была развешана свежеснятая леопардовая шкура. Молча гребцы заняли свои места. Джозеф Лорн заменил на веслах тяжело раненного негра-сенегальца, который к утру потерял сознание. Его оставили лежать в кустах на месте первого ночлега экспедиции. Перед тем как сесть в шлюпку, Джозеф Лорн вернулся к этим кустам. Через минуту оттуда раздался негромкий пистолетный выстрел... и мистер Лорн вышел из кустарника. Путешествие продолжалось.

Следующая ночь, проведенная на берегу, прошла без приключений. Привал устроили в устье каменистой долины, где путники раскинули палатку, поддерживая рядом с нею огонек костра. Грелли, опасавшийся лихорадки, приказал всем своим спутникам каждый вечер выпивать стакан виски с хиной. На привале путешественников настигла первая тропическая гроза. Она смутила даже самого начальника партии: небо беспрерывно полосовали белые, оранжевые и ярко-красные молнии, а тропический ливень чуть не смыл палатку...

Еще трое суток шлюпка поднималась вверх по Куарре. Экспедиция миновала несколько больших негритянских селений. Мимо них шлюпка кралась ночью, по середине реки. Изредка попадались встречные туземные ладьи. Можно было разобрать в трубу, что они гружены глиняными сосудами, очевидно, с пальмовым маслом. На старицах и в болотах близ главного русла охотники поднимали много уток и чибисов. В лесах ворковали голуби. Однажды во время вечернего привала, углубившись в лес и перевалив через гряды холмов, путники пересекли слоновью тропу и услышали вдали трубный рев вожака слоновьего стада.

Антони уже поправился и участвовал в небольших охотничьих вылазках. Во время одной из них он наткнулся на высокое сооружение термитов и показал его остальным охотникам. Термитник – жилище африканских крылатых муравьев – оказался раза в два выше человеческого роста, напоминал формой утес или пористую скалу, словно высеченную из окаменевшей губки.

Вечером, на четвертые сутки плавания, путники заметили недалеко от берега полосы красноватой возделанной земли и небольшой поселок. Десятка два круглых конусообразных хижин окружали небольшую площадку с длинным строением посередине. Поселок был обнесен колючей изгородью. Загон для скота, где паслись козы, охраняли два подростка. У болотистой речки, впадавшей в Куарру, лежали в грязи буйволы. На прибрежной поляне бродили три-четыре стреноженные лошади, походившие на берберийских. Скота было мало. Губительная болезнь, разносимая ядовитой мухой цеце, уничтожала здешний домашний скот. Выживали только самые устойчивые особи, поколения которых выработали невосприимчивость к укусу мухи.

Лодка подошла к берегу поздно вечером и осталась незамеченной. Все население поселка уже закончило дневные работы и мирно отдыхало в хижинах.

Грелли оживился, даже повеселел. «Дичь», о которой так много думал работороговец, была перед ним. Правда, открытый разбой был опасен, но близость кораблей, готовых к приему «товара», мирный вид поселка и расчет на внезапность нападения побуждали пирата отважиться на эту охоту, обещавшую большой барыш.

У него было мало людей. Антони еще молод и слаб после ранений, Паттерсон – не боец и вдобавок совершенно раскис; оставалось всего пятеро, из которых один – негр.

Тем не менее, еще не имея никакого плана, Грелли старательно укрыл шлюпку в кустах, замаскировал место привала под раскидистым деревом пальмы раффии в лесу и не разрешил разводиться огонь. Оставив Антони и Паттерсона караулить лодку, Грелли и его спутники с оружием в руках подкрались к опушке. Тихо, чтобы не встревожить собак, охотники за людьми взобрались на высокое дерево, откуда хорошо просматривался поселок.

Судя по всему, здесь жили люди из довольно бедного лесного племени. Было их, вероятно, не более двухсот человек; значит, взрослых мужчин – десятков пять или шесть. Дневная жизнь уже замерла, семьи погружались в сон. Лишь перед одной хижинкой две женщины толкли что-то в большой деревянной долбленой ступе. К спине одной из женщин был привязан ребенок. Наконец и они скрылись. Все затихло, и только две темные тени – два сторожа, вооруженные дубинками, – неслышно двигались вдоль плетеной изгороди внутри крааля...

Пока Грелли обдумывал способ нападения, Джозеф Лорн осматривал местность. Вдруг он заметил, что в ближних кустах к ним кто-то крадется. Вглядевшись, он узнал Антони. Через минуту юноша был у дерева и тихо вымолвил:

– Плоты!

Грелли, приказав остальным не покидать засады, неслышно спрыгнул с дерева и отправился вместе с мальчиком к реке. В надвигающихся сумерках он с берега ясно разглядел в подозрную трубу плоты, сопровождаемые шлюпками. На этом расстоянии вся флотилия казалась неподвижной.

– Антони, – проговорил Грелли, не отрывая глаз от окуляра, – возьми лодку, надо встретить плоты как можно выше по течению. Паттерсон поможет тебе грести. Передай О'Хири, чтобы плоты спустились еще на десяток миль пониже и там причалили к берегу. Их сопровождает десяток лодок. Пусть О'Хири высадится здесь с вооруженными людьми. Скажи О'Хири, что на берегу есть работа... Приведи шлюпки к этому берегу, покажи, где можно незаметно высадиться, и веди ребят прямо к нашей засаде. Сигнал – крик выпи. Паттерсон пусть караулит шлюпки. Как только ты приведешь ко мне О'Хири с людьми, возвращайся к Паттерсону.

Антони бегом бросился к кустарнику. Вдвоем с Паттерсоном они оттолкнули лодку от берега и вывели на фарватер реки. Грелли вернулся к засаде. В лесу уже царил мрак. С северо-запада надвигались грозовые тучи. Повеяло прохладой. Первые зарницы полыхнули над горизонтом. Громовые раскаты, приближаясь, делались все оглушительнее. Так прошел час.

Вдали протяжно заухала выпь. Грелли соскочил с дерева, приложил руки к губам и мастерски издал такой же крик.

Первые редкие капли дождя застучали по тугим пальмовым листьям, и вскоре тропический ливень прямыми, как водопад, струями обрушился на охотников. В кромешной тьме леса, непрерывно озаряемой вспышками молний, Грелли столкнулся под деревом с широкоплечим американцем. Человек протянул ему жесткую, крепкую, как доска, ладонь.

– С приездом, О'Хири! – приветствовал Грелли начальника своей экспедиционной партии. – Все ли благополучно? Сколько вооруженных парней с вами?

– Двадцать. Остальные спустились с плотами ниже. Что вы тут затеваете, мистер Райленд? Проклятая погода!

В коротких словах Грелли объяснил американцу задачу. О'Хири взобрался на дерево вместе со своим патроном и при частых вспышках молнии разглядел поселок. Люди, приведенные им, толпились у подножия дерева. Взглянув на них, Грелли различил разбойничьи лица, заросшие бородами до самых глаз; во тьме холодно поблескивали ружейные стволы, кинжалы и серебряные насечки пистолетных рукояток. О'Хири тронул хозяина за плечо.

– Строение посреди поселка – это храм предков и жилище жреца или старейшины рода, – сказал он. – Вон на столбе висит эроро – ритуальный колокол под деревянным идиолом. Идол – это бог Олокун, покровитель морей и рек. Колоколом жрец созывает жителей. Полагаю, что через него нам и следует действовать. У меня есть негр-переводчик из племени йоруба, понимает по-английски. Хитрейшая бестия, тоже из жрецов, но был изгнан своим племенем за какие-то проделки. Субъект этот теперь готов мстить чернокожим братьям до конца дней своих. Вот, не угодно ли взглянуть на эту черную свинью с ожерельем?

Грелли увидел жирного сутулого старика с короткими пухлыми руками и втянутой в плечи головой. Лоб его охватывал серебряный обруч. Собранные в пучок курчавые волосы были намазаны жиром и заткнуты под обруч. Негр был в тунике, достигавшей ему до колен и перехваченной на плече медной пряжкой. На плечах у него болталась пятнистая шкура пантеры, шею украшало ожерелье из зубов этого зверя. Обут он был в сандалии, в отличие от босых жителей этой местности. Выражение лица, злобное и лукавое, делало его похожим на гиену.

– Зовется Урикон. Служит мне давно отменной собакой по черной дичи. Сейчас я с ним потолкую. Ну-ка, любезный Урикон, поднимись к нам и поклонись хозяину.

Взобравшись на дерево с ловкостью обезьяны, бывший жрец угодливо поцеловал руку Грелли своими толстыми красными губами.

Ливень между тем прекратился, но все небо оставалось обложенным тяжелыми тучами. Стало холоднее. Рассвет был уже недалек. Нужно было действовать быстрее. Пошептавшись с Уриконом, О'Хири посвятил Грелли в свой план и пошел расставлять людей вокруг изгороди. В их обязанность входило убивать каждого туземца, кто попытался бы искать спасения бегством. О'Хири и Грелли считали, что от поселка и его населения не должно остаться после облавы никаких следов.

Вскоре стрелки стояли вдоль всей изгороди.

О'Хири, Урикон и Грелли с его четырьмя охотниками направились прямо к жилищу жреца в середине поселка.

– Мистер Райленд, Урикон спрашивает, не заметили ли вы каких-нибудь свежих охотничьих трофеев у жителей поселка? – осведомился О'Хири.

– Несколько слоновых бивней... Сложены у двух или трех хижин...

– Хорошо! Вы увидите презабавнейшее представление. Это лучший трюк нашего Урикона.

В темноте, под неистовый лай собак, охотники подошли к центру поселка. Внезапно перед ними выросли воинственные фигуры двух сторожей, которых Грелли за приметил еще с дерева. Дубинами они преградили путь охотникам, но Урикон выступил вперед и властно приказал сторожам пасть ниц перед богами грозы, посланцами разгневанных небес.

– Ступайте к колоколу, созывайте жителей на площадь; так приказываю я, жрец богов.

Растерянные сторожа повиновались и, сопровождаемые сенегальцем Али, направились к столбу с колоколом.

Подойдя к жилищу жреца, О'Хири поднял плетеную циновку, прикрывавшую вход, и, пропустив внутрь Урикона и Грелли, вошел в хижину последним, держа за спиною пистолет.

Светильник, наполненный жиром, освещал хижину. На подстилке из звериных шкур спал старик негр, завернувшись в старое шерстяное одеяло. В углу, на подставке, стояла деревянная голова, служившая опорой слоновому бивню, покрытому искусной резьбой. Это был «алтарь предков». Урикон тронул старика за плечо и завыл тонким, пронзительным голосом, сопровождая свои завывания уродливыми корчами, как бесноватый.

Старик вскочил, дико озираясь на пришельцев.

– Вставай, о жрец, и внимли нам, посланцам бога рек и морей Олокуна! – вопил Урикон на межплеменном языке бини. – Внимли нам, вестникам великого горя! Собери свое племя, о жрец, ибо мы пришли возвестить ему скорбь!

Одновременно снаружи, у столба, врытого рядом с хижинкой, зазвучали мерные, унылые звуки колокола – эроро.

Поселок ожил. Из-под циновки многих жилищ уже выглядывали головы мужчин. Детский плач раздавался по всему краю.

Урикон вывел жреца на улицу.

– Кричи громче, о жрец, собирай свой народ, всех, до последнего младенца!

У столба Урикон повторил свои кривляния. Глядя на него, Грелли подумал, что он и впрямь одержим бесом.

– Великая беда, о жители! – иступленно вопил Урикон. – Послушайте своего жреца, который не уберет вас от несчастья! Люди вашего племени убили священного слона, сына царя богов Олокуна. У хижины убийцы стоят его священные бивни! Посланцы Олокуна, боги грозы, сами пришли к вам за искупительной жертвой!

Испуганный жрец племени в тон голосу Урикона повторил ту же весть. Теперь у столба в свете разведенного костра кривлялись и плясали уже два жреца.

Во время этого сеанса Урикон успел вполголоса предупредить своего коллегу:

– Знай, жрец, если хоть один человек ускользнет от посланцев богов, великие несчастья падут на твою голову!

Чернокожие люди подходили к огню костра с понурыми головами. Испуганные женщины с детьми на руках и за спинами становились поодаль. За ними прятались голые ребятишки с вытаращенными от любопытства и страха глазами.

– Люди! Приведите сюда ваших охотников за слонами, – приказал Урикон; и, обращаясь к О’Хири и Грелли, Урикон добавил шепотом: – Отводите мужчин-охотников в загон для скота и вяжите. Это самые сильные люди племени.

Вперед один за другим выступали хорошо сложенные, стройные люди. Матросы О’Хири отводили пленников в загон для скота. Здесь пленникам связывали руки и укладывали лицами вниз. Вскоре на мокрой от дождя земле лежали, крепко связанные сырмятными ремнями из буйволового кожи, человек тридцать. Эта участь постигла и обоих сторожей, у которых сенегалец отобрал дубины.

Цепь стрелков вокруг крааля поредела, так как не пришлось сделать ни одного выстрела: никто из жителей поселка и не пытался спастись бегством от небесных посланцев.

Внезапно катастрофический раскат грома, грохнувший почти одновременно с оранжевой вспышкой молнии, потряс, казалось, землю и воды. Сухое высокое дерево на краю поселка треснуло сверху донизу, словно расколотое топором. Разваливаясь пополам, оно вспыхнуло ярким белым пламенем.

– На колени! – заорал Урикон. – Кто-то из вас замыслил скрыться от карающего бога! Удержите его, удержите, иначе никто не останется в живых!

Но бежать никто и не помышлял. Охваченные ужасом люди племени повалились на колени, положили ладони на землю и уткнули лица в траву между кистями рук.

Грелли, О’Хири и матросы тут же на площади связали руки остальным мужчинам и приказали женщинам нести или вести детей следом за связанными главами семейств. Все племя, как один человек, оказалось за прочной изгородью загона. Вооруженные охотники окружили загон, где нарастал отчаянный плач детей. Стали причитать и женщины. Напуганный скот сгрудился в самом дальнем конце загона.

Грелли с матросами обошли все хижины. Лишь в одной из них они нашли несколько насмерть перепуганных женщин и немедленно присоединили их к остальным пленникам.

Начинался рассвет, багровый и зловещий.

Отбрав десятка три молодых мужчин, О’Хири заставил их под охраной матросов валить деревья на берегу болотистой речки за поселком. Женщины и дети обрубали сучья.

Четыре пары буйволов, подгоняемые погонщиками из числа пленников, оттаскивали бревна к берегу и спускали их на воду лесной речки.

Еще одна группа пленников, под руководством Лорна, вязала плот. К обеду он был готов. Сделанный из бревен, перевитых гибкими растениями, плот свободно мог вместить всех пленников и даже часть скота, запас продовольствия и все слоновые бивни.

Со шлюпок доставили длинные, тридцатиметровые, корабельные канаты с приделанными к ним ошейниками, свисавшими через каждые полметра.

Эти канаты с подвесками матросы положили на землю и стали попарно подводить к ним мужчин племени. Под их подбородками защелкнулись металлические застёжки ошейников. Люди были «запряжены». В таком же порядке матросы О'Хири «запрягали» все остальные пары. Работа эта велась с поразительной быстротой и сноровкой.

Скоро свободных гнезд на канате не осталось, и четверо матросов, вооруженных пистолетами и ременными бичами, повели первую партию «товара» к берегу Куарры. Только тогда мужчины племени поняли, что они обмануты. Поднялся вой и крик. Однако плети и пистолетные выстрелы быстро восстановили порядок.

Следующее общее ярмо, рассчитанное тоже на шестьдесят пленников, охватило шеи взрослых подростков, женщин и девушек.

В последний канат запрягли сорок женщин и пожилых мужчин, которые показались Грелли еще пригодными в дело. Конец каната со свободными ошейниками, звякая, потащился по земле.

В загоне остались только жрец племени, восемь старух и стариков с беззубыми ртами и глубоко запавшими глазами.

Принесли заступы. Грелли сам вывел стариков из загона и, проводив их до края недавно засеянного маисового поля, приказал им копать длинную, неглубокую яму. Старый жрец, скрестив руки на груди, не взял заступа. Остальные неторопливо принялись рыть.

Не успела еще последняя партия пленников скрыться из виду, как на поле была вырыта яма локтя в два глубины. Грелли уже вынул из-за пояса пистолет, но обернулся, услышав громкий оклик. Паттерсон, возбужденный и взволнованный, бежал к нему.

– Поразительно, сэр Фредрик! – воскликнул он, подходя к компаньону. – Сто шестьдесят человек! Пятьдесят шесть мужчин, восемьдесят женщин, двадцать четыре подростка и, сверх того, штук двадцать младенцев и маленьких ребятшек! И все это без единого выстрела, гуманно, быстро и безболезненно! Совладать с леопардом было труднее, не правда ли?

Грелли, не ответив, поднял пистолет. Прогремел первый выстрел, и старый жрец с пульей в переносице упал возле готовой могилы. Одна негритянка со сморщенной грудью, испуганная выстрелом, бросила заступ и всплеснула руками.

Загремели выстрелы матросов. Ударами кованых матросских сапог тела жертв были сброшены в яму.

Оторопевший Паттерсон в смущении побрел назад.

Через пять минут поле приняло свой обычный вид и опустело. Лишь свеженасыпанная могила на поле напоминала о пришельцах да столбы пламени поднимались над хижинами крааля.

О'Хири велел пригнать на берег часть скота. Оставшиеся козы и буйволицы с блеянием и ревом носились по загону, среди пылающих изгородей и хижин.

Когда солнце склонилось к закату, от деревни остались только груды тлеющих головешек, покрытых серым пеплом. Едкий запах дыма, тлеющей шерсти, горелого мяса долго держался в воздухе.

В наступившей темноте из кустарника выползла на пожарище раненая собака с перебитой спиной. Тяжело волоча задние ноги, дряхлая сука втянула ноздрями воздух, пахнущий гарью, и, задрав голову к луне, завывала пронзительно, высоко и горестно.

6

Матросы спустили плот вниз по лесной речке к месту привала экспедиции на Куарре. Здесь их уже ждали прикованные к канату невольники. Грелли, О'Хири и Лорн внимательно осмотрели «товар» перед погрузкой, пересортировали его и даже прикинули буду-

щую выручку. Наконец невольников погрузили на плот вместе со скотом. «Охотники» расселись по шлюпкам, и флотилия тронулась в путь.

Одна шлюпка шла под самым берегом. О'Хири осматривал с нее прибрежные заросли – искал плоты ушедшей вперед партии. Рядом с ним сидел бледный Ан тон и, потрясенный всем виденным. События этого дня навсегда остались в его памяти черным и страшным пятном...

Перед рассветом следующего дня новый плот присоединился к трем остальным, и вся партия без промедления двинулась вниз по реке.

Края плотов были огорожены плетнями из ветвей и хвороста. С берега невозможно было разглядеть груз, и казалось, что на плотках везут только скот, привязанный к небольшим колышкам.

Еще две короткие остановки понадобились для того, чтобы напоить скот и накормить невольников; каждому в сутки давалась горсть риса, иногда добавляли и кусок вареного мяса.

Среди невольников, купленных у Эзомо-Ишана, было несколько воинственных суданских туарегов, сухих, жилистых и необычайно жестоких. О'Хири сделал их надсмотрщиками. Старшим над ними был поставлен Урикон. Свирепые, вооруженные длинными кожаными бичами, туареги-надсмотрщики наводили на связанных пленников еще больший ужас, чем сами работоторговцы.

Восьмого ноября под сильным грозовым ливнем трюмы «Глории» и «Доротеи» освободились от груза, доставленного для Эзомо-Ишана: деревянные продолговатые ящики со старыми кремневыми мушкетами, бочонки пороха и рома и несколько легких ящиков с дешевыми безделушками перекочевали на опустевшие плоты. Затем те же трюмы приняли живой груз с четырех плотов. Паттерсон отшатнулся, заглянув через люк в эти наполненные трюмы...

На другой же день обе шхуны с еще мокрыми от ливня парусами, гулко хлопавшими на ветру, миновали устье Куарры, вышли в море и взяли курс на остров Фернандо-По. В водах острова были высажены на шлюпках Грелли, мистер Паттерсон и Антони. Они вернулись на «Орион». Хозяин корабля, еще не сменив своего экспедиционного костюма на мундир, который он обычно носил на бриге, пригласил к себе пастора Редлинга.

– Мой дорогой пастор, – обратился он к священнику самым задушевным и прочувствованным тоном, – я скорблю о том мраке языческих заблуждений, в коем погрязли несчастные души здешних туземцев. Сюда изредка заходят корабли, здесь трудятся миссионеры, с которыми вы познакомились за время нашего отсутствия. Вы посетовали, что на этом острове еще нет христианского храма. Я хочу, чтобы после нашего посещения он был здесь воздвигнут. Прошу вас сейчас же договориться о подробностях со здешними деятелями, ибо уже через два часа мы поднимем якоря. Вероятно, среди этих миссионеров вы найдете сильного верой христианина-проповедника, который сможет стать священником будущего скромного храма. В ином случае придется призвать пастыря из Европы. Не откажите принять от меня эту тысячу фунтов на устройство церкви для обращения язычников к истинному Богу. Благоволите распоряжаться этими деньгами всецело по вашему усмотрению, ибо я знаю, что передаю их в достойнейшие руки!

Пастор Редлинг с поклоном принял подписанный чек и молча осенил зиждителя широким знаменем креста...

Через несколько часов бухта Санта-Изабель снова опустела: два корабля уже пенили волны, унося живой груз к невольничьим рынкам Америки, а третье судно – бриг «Орион» – на всех парусах летело к далекому острову в Индийском океане.

6. Постоялец миссис Бингль

*Ребенка скорее создать, чем машину.
Чулки драгоценнее жизни людской,
И виселиц ряд оживляет картину,
Свободы расцвет знаменуя собой.
Не странно ль, что, если является в гости
К нам голод и слышится вопль бедняка,
За ломку машины ломаются кости
И ценятся жизни дешевле чулка.*

Байрон

*Клянусь, что никогда ни одному лицу или лицам на свете не
открою имен тех, кто участвует в этом тайном комитете, их
действий, собраний, потайных мест, одеяния, черт лица, наружного
вида или всего того, что может повести к их раскрытию... под угрозой
изъятия из мира первым встретившим меня братом...*

*Да поможет мне бог и благословит меня сохранить мою клятву
ненарушимой.*

Клятва английских луддитов

1

Старый слуга Френсис опустил шторы, задернул занавески на окнах и принес свечи в кабинет мистера Уильяма Томпсона.

Невеселый сочельник выдался в этом году! Где-то в неведомых водах, под чужими небесами, находится сын Ричард, а с ним и два верных друга дома. Может быть, им сейчас грозит опасность? Или среди чудес южных морей они подымают стаканы за удачу и недосуг им даже вспомнить об оставшихся на родине? А может быть, и они сейчас с грустью думают о зимних сумерках, тяжелых хлопьях снега, пустующем столе для пикета и старых друзьях у камелька?

Миссис Томпсон, известная всему Бультону дама-благотворительница, пришла в кабинет супруга, чтобы рассеять его раздумье и пригласить к заботливо накрытому рождественскому столу.

– Уильям, – сказала она мужу, – сегодня нам будет грустно за праздничным столом. Так хочется, чтобы сегодняшний сочельник был настоящим христианским Рождеством, как в добрые старые времена! Пошлите, сэр, слугу на улицу и велите привести какого-нибудь маленького бедного мальчика, чтобы посадить его за этот стол. Я уж так давно не видела детей в нашем доме!

Сам мистер Томпсон вышел на поиски «святочного мальчика». Искать пришлось недолго. Достигнув ближайшего перекрестка, он заметил перед освещенным окном лавки немца-колбасника маленькую фигурку мальчика, созерцавшего рождественских поросят и окорока, украшенные кружевной бумагой. Как во всех почтенных святочных рассказах, мальчик был бедно одет, ежился от холода, дул на озябшие пальцы и не сводил глаз с поросенка в бумажном уборе.

Юный джентльмен едва не дал стрекача от мистера Томпсона, но, по-видимому, тоже вспомнил святочные традиции и последовал за адвокатом.

– Вот здесь сними свою куртку, мальчик, и скажи этой доброй леди, как тебя зовут, – сказал мистер Томпсон своему гостю, входя в переднюю.

– Мое имя Томас Бингль, сэр, – отвечал «святочный мальчик», – мама дала мне полшинга на сладости и велела скорее возвращаться домой. У нас нынче тоже будет праздничное угощение.

– Томас Бингль? Скажи, Томас, не ты ли вместе с твоей матерью был у меня однажды летом в конторе? Ты меня узнаешь, Том?

– Да, сэр.

– Вероятно, мой совет и моя помощь пошли на пользу этому семейству. Знаешь, Дэзи, в свое время я снабдил мать этого мальчика рекомендательным письмом к Паттерсону. Вероятно, ты работаешь на верфи, Том?

– Нет, сэр.

– Еще один прибор к столу! Дэзи, сведи мальчика к умывальнику. Френсис, зажгите праздничные свечи. Садись за стол, Томас, и скажи мне, чем же ты сейчас занимаешься.

– Я учусь в школе мистера Гемфри Чейзвика, сэр.

– Это весьма похвально, но откуда же у миссис Бингль берутся средства на твое образование, Томас? Она жаловалась мне на нужду... Впрочем, я не хочу отвлекать тебя от жареного гуся! Я припоминаю, что у тебя есть старший брат. Дела вашего семейства, очевидно, улучшились? Вовремя поданный мною совет...

– Благодарю вас, сэр.

– Дэзи, теперь приготовь своему гостю пакет. Он отнесет его домой, другим членам семьи. Расскажи мне, Томас, как поживает миссис Бингль.

– Сэр, когда мама привела нас в доки мистера Паттерсона, Джорджа поставили на разгрузку леса, а меня – убирать стружки и опилки. Там, на верфи, их были целые горы. Я возил их на тачке и отбирал мелочь от больших обрезков. Большие продают на дрова подороже, а мелочь покупают бедняки. Там работает много других мальчиков. Мы с Джорджем приходили в доки к шести часам утра, а в девять вечера возвращались домой. Мне казалось, что это длится целый год, а прошло не больше месяца. Потом к нашей соседке тете Полли – знаете, к той старухе, у которой раздавило сына при спуске нового корабля, – приехала одна леди...

– Очевидно, из твоего комитета, Дэзи. Продолжай, мальчик.

– Нет, эта леди была не из комитета. Леди из комитета всегда долго говорят о спасении души, дают несколько пенсов и обещают прислать поношенное платье. А это была красивая, молодая, очень добрая леди. Когда тетка Полли рассказала ей о гибели своего сына Майка, молодая леди заплакала. Потом через несколько дней наш управляющий, мистер Чейзвик, позвал тетю Полли и сказал, что ей пойдет пенсия, а за квартиру уплачено вперед за целый год.

– И тогда твоя мать тоже обратилась к этой леди?

– Да, сэр, моя мама разузнала, кто была эта дама, и сама пошла к ней со мной – далеко, за двенадцать миль от города. Леди говорила с мамой в парковой беседке, и с тех пор у нас все переменялось. Меня отдали в школу мистера Чейзвика, и я уже умею писать и решать задачи. Джорджа взял в обучение мистер Барлет, старший чертежник на верфи. Теперь Джордж научился здорово рисовать корабли и уже зарабатывает деньги чертежами, ему ведь пятнадцать! Мистер Барлет говорит, что, если Джордж и дальше будет учиться, из него выйдет настоящий художник... А когда мама сдаст нашу вторую комнату какому-нибудь тихому жильцу, тогда мы заживем совсем хорошо.

– А ты не узнал, как зовут эту даму? Видно, она очень богата, если может обеспечить благополучие двух семейств сразу? Дэзи, кто бы это мог быть из здешних благотворительниц?

– Не знаю, Уильям, и впервые слышу об этой таинственной особе...

– Я знаю ее имя, сэръ! Она помогла и нашему старому Паткинсу, который оттыпал себе топором пальцы на левой руке. Он теперь живет у нее в Ченсфильде домашним столяром... Ее зовут леди Эмили Райленд, и... она самая красивая леди в целом графстве!..

2

Прошли праздничные дни. Мистер Уильям Томпсон давно позабыл и маленького гостя, и рождественскую ветку омелы. С каждым днем у старого адвоката все больше забот. Прежде он всегда радовался, когда краснорожий почтальон слезал с дилижанса перед дверью конторы, втаскивал наверх потертый кожаный мешок и выкладывал на столе Дженкинса, старшего клерка, пачку газет, журналов, запечатанных пакетов и конвертов с деловыми и дружескими письмами. Теперь не то! Торопливые письма, хлопотные, неприятные дела, тревожные вести... Будто сама река времен изменила течение, стала быстрее, мутнее: видно, и ее заставили крутить фабричные колеса! А он, доктор прав и королевский адвокат, уже сделался стар для этого водоворота...

Январским вечером, когда в желтом свете фонарей, висящих над каменными арками ворот, тихо реяли сухие снежинки, мистер Уильям Томпсон пешком возвращался из конторы домой. Как любил он прежде эту привычную, неторопливую прогулку! Сколько славных судейских речей он обдумал на этих знакомых узких улицах!.. На ходу так хорошо слагались плавные фразы, вспоминались ораторы древности, Цицерон... Ох, у Цицерона не было тех забот, которые ныне выпадают на долю юриста! При Цицероне чернь было легче держать в повиновении, чем этих, нынешних... Римская чернь бездельничала, довольствуясь крохами с патрицианского стола, жила «хлебом и зрелищами», а эти... эти создают все богатства нации: их руки должны быть проворны, а головы – покорны! Самое опасное – если они сами поймут свою силу, ибо их много, целые толпы. Собранные воедино на фабриках, они легко могут сговориться... Это страшно!

...Вон за городом виден багровый отсвет. Это дальний отблеск огней над рудником.

День и ночь скрипучий ворот поднимает там из-под земли огромные плетеные корзины с черным земляным углем. Над рудником всегда стоит грязно-белое, с красным отблеском облако. Это – пар, новая стихия, рожденная слиянием двух древних стихий – огня и воды. Огненные машины, громоздкие и неуклюжие, похожие на грозных идолов древности, пыхтят и тяжело вздыхают; качаются тяжелые коромысла над паровым цилиндром, и с каждым вздохом машины в небо взлетает новое облачко пара... А под землей, в ходах и штольнях бультонской шахты, живут люди, живут при тусклых свечах целыми семьями, с детьми и женами, редко-редко поднимаясь на свет божий. Это не преступники, не колодники, это просто крестьяне, «выгороженные» со своего клочка земли, или иные обездоленные бедняки. У них на шее железные обручи; на обручах выгравирована фамилия гордого владельца угольных копей – сэра Гарри Хартли графа Эльсвика. В газетах пишут, что в парламенте теперь как раз обсуждается прошение рудокопов о снятии этих шейных обручей⁴⁹...

А вон там, вдоль реки Кельсекс, на дальних окраинах Бультона, где теряется нескончаемая Соборная улица, громоздятся новые фабрики мистера Райленда – суконные, хлопчатобумажные, канатные...

Старый адвокат вспомнил, как совсем недавно в сопровождении управляющего «Северобританской компании» мистера Ральфа Норварда он осматривал эти фабрики, уже работающие и еще строящиеся... Мистеру Томпсону запомнились дети – маленькие, тщедушные фигурки, иные в деревянных башмаках, иные – на высоких колодках, чтобы детские

⁴⁹ Закон о снятии шейных обручей с рудокопов был принят парламентом в 1775 году, но на многих английских копях, в том числе на соляных, работа в обручах и кандалах местами продолжалась до конца XVIII века.

ручонки могли дотягиваться до станков... Одна маленькая пяти-шестилетняя девочка потеряла колодку и споткнулась. Мастер сердито схватил колодку и ударил девочку по голове... А женщины-работницы!.. Худые, ко всему равнодушные, с землистыми лицами, с тощими, уродливыми руками... Придаток к машинам, что ж поделаешь!

Сотнями умирают эти женщины и ребятишки от фабричной горячки, похожей на тюремный тиф. Вот так и проходит их жизнь с самого детства и до... койки в Доме общественного призрения, где супруга адвоката миссис Дэзи Томпсон жертвует пенсы на деревянные гробы... Что и говорить, это все грустно для страны, для нации, но...

...Но зато за один лишь прошлый, 1772 год (мистер Томпсон уже успел подвести этот итог отечественной коммерции) новые фабрики в Англии дали более десяти миллионов фунтов годового оборота! Сколько выгод связано с этой цифрой для британских юристов вроде мистера Томпсона, сколько жалоб, споров, петиций – для британского парламента!..

Ведь эти тени с бескровными лицами, эти фабричные рабочие, они пожаловались-таки парламенту! Море скорби и нищеты не всегда остается покойным, иногда оно волнуется и бьется о каменные берега!..

Ответом на все петиции был недавний билль о правах предпринимателей... Разумеется, парламент оказал поддержку не простолюдинам, а столпам нации, предпринимателям: он узаконил труд детей с пятилетнего возраста... Да и как могло быть иначе? Фабриканты вводят новые машины, новые станки, и уже не прежний опытный ткач, прядильщик, сучильщик, а пара детских рук у станка вырабатывает пряжу и ткань в десять раз больше прежнего и... в десять раз дешевле!

В памяти мистера Томпсона еще свежо то время, когда его страна, его богатеющая Англия, стала ввозить из своих американских колоний новое волокно – хлопок. Прекрасная вещь, если дать ей хорошую обработку. И ум человеческий, неистощимый на выдумку, быстро нашел новые способы, чтобы дешевле и лучше обрабатывать это волокно. Не угодно ли? Какой-то обыкновенный английский плотник, по имени Харгривс, взял да выдумал прядильный станок и назвал его «Дженни», по имени своей белокурой дочурки. Давно ли это было? Да нет еще и десяти лет, а уж по всей Англии крутятся эти прялки, и уже придуманы новые ткацкие станки, чтобы и ткачество не отставало от прядения. Разумеется, число новых фабрик с машинами будет год от года расти – спрос на товар велик, а работа на станках дешева... Но вот куда же деваться прежним добрым мастерам и подмастерьям, отцам семейств и вековечным труженикам? Это... не совсем ясно! Хм! Если подумаешь, то действительно их положение становится...

Размышления адвоката были прерваны отчаянной руганью с высоты козел... Мистер Томпсон, оказавшийся в своих раздумьях как раз на середине улицы, еле-еле успел увернуться из-под копыт. Толстый кучер осыпал рассеянного джентльмена проклятиями, но седок... дружеским жестом откинул меховую полость, приглашая несколько сконфуженного адвоката занять место на сиденье: оказалось, что мистер Уильям Томпсон едва не угодил под коляску бультонского банкира мистера Сэмюэля Ленди!

Старые друзья вместе доехали до адвокатского дома. В пути бультонский юрист оправился от испуга и предложил мистеру Ленди провести нынешний вечер в дружеской беседе. У господина адвоката было о чем потолковать с надежным другом дома!

Оба джентльмена, хозяин и гость, уселись в креслах старинного кабинета. Кофе и ликер стояли на круглом столике. Пламя свечей рождало рубиновые искорки на маслянистой поверхности разлитого в рюмки ликера. В камине громко трещали дрова; они то вспыхивали, рассыпая искры, то покрывались серым пеплом тления, но углы кабинета оставались в полумраке, и оттуда, из зеленоватого сумрака, доносилось цвирканье неугомонного сверчка, одного из старожилов этого покоя.

– Свежие новости? – спросил банкир, указывая на распечатанные конверты писем. – Где сейчас находится бриг?

– Письма отправлены двенадцатого ноября и помечены так: «Гринвичский меридиан, десять градусов южной широты, Гвинейский залив». Встречный военный корабль, фрегат «Крестonosец», доставил их в Плимут очень быстро. Ричард пишет, что «Орион» зайдет с грузом в Капштадт и затем отправится дальше. Возможно, что сочельник они праздновали уже на острове Райленда. Паттерсон описывает, как он едва спасся в Африке от носорогов и леопардов. Вероятно, страшно преувеличивает!.. Гораздо более удивительные вещи происходят на самом судне. Ричард пишет о них, правда, очень скупно, но из его письма ясно, что между ним и Райлендом возникла вражда. Он намекает на какие-то темные дела главы новой компании.

– Неужели Ричард, пребывая в обществе леди Стенфорд, находит время, чтобы заниматься и делами компании?

– Сэмюэль, я доверю вам то, что пока скрыто даже от моей жены. Ричард расторг в пути свою помолвку с леди Эллен...

– Боже мой! Какие же причины?

– Понимаете, Сэмюэль, этот Райленд вторично встал между моим сыном и его избранницей. Правда, я не могу сказать, чтобы симпатизировал новому выбору Ричарда, но тем не менее его помолвка уже стала известной в городе. И вот в пути Ричард сделал открытие, не оставляющее, увы, никаких неясностей насчет отношений между леди Эллен и Фредриком Райлендом.

– Позвольте! Да ведь они знакомы всего полгода!

– И тем не менее факт бесспорен. Ричард в этом уверен.

– Какие сенсационные вести! А... леди Эмили?

– Видите ли, Мортон пишет мне, чтобы я, с соблюдением особых предосторожностей, начал готовить бракоразводный процесс. Следовательно, дело серьезно.

– Уильям, старая поговорка гласит: «Пока суп варится, он всегда горячее, чем поданный к столу». Может быть, по возвращении все уладится? Вообще это плавание – странная затея для такого делового джентльмена, как Фредрик Райленд.

– Ричард пишет о нем вещи еще более странные. Из его намеков следует, что Райленд не является даже законным наследником Ченсфильда!

– Ну, это уже слепая оскорбленная ревность! Она сделала вашего сына явно пристрастным.

– Возможно. Для меня законность вступления Райленда в права наследства не оставляет сомнений. Тем не менее Ричард прямо советует мне прекратить всякие отношения с «Северобританской компанией» и ее главой.

– Чепуха! Райленд – крупный делец, быть может не всегда разборчивый в средствах, но человек широкого размаха. Я связан с ним серьезными делами. Читали вы в последнем номере «Монитора», как возросли дивиденды компании и какой масштаб принимают заокеанские торговые операции? Кроме того, Райленд подарил городу крупные суммы на благоустройство и церкви – на богоугодные дела.

– Все это так. Но где источники этих средств? Он расходует по меньшей мере в полтора раза больше суммы дивидендов, опубликованных в «Мониторе». За словами Ричарда что-то кроется, я убежден в этом!

Ленди хотел возразить, но махнул рукой и вздохнул. Мистер Уильям продолжал:

– Помните, Ленди, тот уютный летний вечер, когда я огласил в узком кругу друзей подробности спасения Райленда? Так вот, рукопись Мортонa, по-видимому, умалчивает о существенных подробностях этих событий. Я обязался хранить в тайне один эпизод, слу-

чившийся как раз накануне этого вечера, но дела так осложнились, что я обязан быть вполне откровенным с вами. В этот день ко мне явился незнакомец. Он назвал себя Роджерсом...

Старый Ленди, весь обратившись в слух, не произносил ни слова. В настороженной тишине только сухо потрескивали дрова да сверчок время от времени подавал из угла свой голосок. Мистер Томпсон перешел на полусшепот.

– Человек этот искал следы похищенных драгоценностей и больше всего интересовался обстоятельствами гибели «Черной стрелы» и спасения Райленда. Роджерс высказал предположение, что Райленд убил капитана Бернардито Луиса и овладел сокровищем этого пирата – драгоценными камнями, оцененными в шестьдесят тысяч фунтов стерлингов!

Замолчал даже сверчок. Только Френсис шаркал в столовой подагрическими ногами в войлочных туфлях.

– Скажите, мистер Томпсон, – многозначительно спросил банкир, – вам известен агент Райленда, бывший моряк Джеффри Мак-Райль?

– Я слышал это имя минувшим летом... Какая-то история о нападении бандита на его квартиру...

– А вы не поставили эту историю в связь с вашим загадочным посетителем Роджерсом?

– Нет, это не приходило мне в голову.

– Так ведь именно ваш Роджерс и был тем самым бандитом... Он ограбил Мак-Райля и чуть не убил его.

– Боже мой!

– Удар несомненно был нацелен в Райленда. И быть может, именно вы, Уильям, косвенно помогли нанести этот удар по интересам вашего важнейшего клиента.

– Но, Ленди, если подозрения Роджерса справедливы, то он, вероятно, искал свою долю добычи в сокровище Бернардито. Мой уважаемый клиент, овладевший ворованными драгоценностями, сам навлек на себя риск встретить других претендентов на это краденое богатство.

– Ваш Роджерс – просто ловкий бандит! Ему понадобилась ваша помощь, чтобы найти способ обокрасть сэра Фредрика.

– Послушайте, Ленди, с каких пор сами вы превратились в такого горячего защитника Райленда? Чем вас околдовал этот человек? Что за поветрие охватило умы самых почтенных старожилов Бультона? Паттерсон стал его компаньоном. Вы вступили с ним, по вашим словам, в серьезные деловые отношения. Леди Стенфорд вверила ему все свои свободные средства. «Монитор» его превозносит, и поговаривают, что редактор даже стал акционером компании. Бультонский мэр принял от Райленда крупную сумму для нужд города. Портовые и таможенные власти оказывают ему широкую поддержку. Государственные контролеры сукон что-то подозрительно легко ставят пломбы на изделия «Бультонской мануфактуры». Даже церковь... Вы слышали, какие похвалы воздались жертвователю во время последней проповеди в соборе? Наконец, сотни мелких держателей акций... Нет, это даже не поветрие, это какая-то дьявольская паутина, черт побери! Но я могу смело утверждать, что деловые отношения с этим клиентом не лишили меня независимости. Мне выгодно вести дела компании, но я могу в любую минуту прекратить их, как того желает мой сын. Почему вы молчите, Сэмюэль?

– Уильям! Откровенность за откровенность! Лучше вам узнать правду, прежде чем следовать бредовым советам вашего ослепленного сына... Вам в точности известно, что главные средства моего банка составляют вклады Паттерсона, еще нескольких фабрикантов, ваши собственные, наконец, средства страхового общества...

– Боже мой, к чему это предисловие? Дела банка я знаю лучше, чем свои! Не пугайте меня, Ленди!

– Так послушайте, Уильям. Во время летней паники на бирже я скупил на крупную сумму падавшие в цене бумаги – и просчитался... Подошли срочные платежи, я нуждался в немедленном займе. Я метался, как в лихорадке, ибо при малейшем признаке беспокойства вкладчиков я должен был бы объявить себя банкротом. Я тщательно скрывал положение дел даже от ближайших друзей, но Мак-Райль знал о моем просчете, ибо часть бумаг я купил через него. Он-то и познакомил меня с мистером Райлендом, и мы быстро нашли с этим джентльменом общий язык. И вот в самый критический для «Бультонс-банка» момент Райленд бегло проверил мой баланс и пошел на крупный риск, ссудив меня под вексель шестьюдесятью тысячами фунтов, правда под высокие проценты.

– Дальше, Ленди, дальше!

– Я вывернулся с платежами и ожил. Банк выстоял благодаря этой поддержке. Но, дорогой мой Уильям, эти шестьдесят тысяч были... не в денежных купюрах. Это были крупные бриллианты, которые агенты Райленда негласно продали в Голландии от моего имени. Райленд предложил мне камни и услуги агентов, с тем чтобы его имя не упоминалось при продаже камней. Что мне оставалось делать? Мог ли я тогда задумываться о происхождении этих камней? Да и можно ли считать несовместимым с джентльменской честью присвоение средств мертвого пирата?

Мистер Томпсон тяжело дышал.

– У меня дрожат колени, – простонал он. – Сэмюэль, вы не должны сердиться, но я буду вынужден перевести свои вклады...

– Уильям, это, увы, невозможно. После того как банк устоял, я вложил, по настойчивому совету Паттерсона, все новые вклады в бумаги «Северобританской компании» и жду от них быстрого оборота. Свободных денег, чтобы вернуть такой крупный вклад, как ваш, у меня нет. Теперь судьба – и моя и ваша – всецело связана с процветанием компании Райленда.

– Боже мой! Значит, любой удар по репутации этой фирмы или пятно на имени ее владельца...

– ...сделает нас нищими, мой старый друг! Наше благополучие – в чужих руках, Уильям!

В глубоком молчании, воцарившемся в кабинете, из затемненного угла вновь, еще явственнее, чем прежде, зазвучало редкое, сухое и будто насмешливое: цвирк! цвирк! цвирк!

И вдруг среди этой тягостной тишины старый Френсис, поправлявший оконную штору, испуганно всплеснул руками и опрокинул фарфоровую вазу.

– Мистер Уильям, смотрите в окно... На Соборной улице горят новые фабрики мистера Райленда!

Оба старых джентльмена бросились к окну. Над городскими крышами полыхало багровое зарево. Даже сквозь двойные стекла в кабинет проникал отдаленный звук набата и дважды донесся нестройный звук ружейных залпов.

3

Вниз по Соборной улице, начинавшейся у Ольдпорт-сквер и терявшейся под конец в дымной неразберихе окраинных трущоб, двигалась серая, молчаливая толпа мужчин, женщин и детей, одетых в рабочие блузы и передники. Многие шли с непокрытыми головами. У иных на плечах виднелись ломы и молоты, кое-где над плечом идущего в толпе колыхался и ружейный ствол. Издали вся процессия походила на погребальную.

Почти треть толпы составляли дети. В неуклюжих деревянных башмаках, они тяжело шагали, держась за руки старших товарищей. Некоторые, самые юные, по извечной детской привычке, еще хватались за юбки женщин, бредущих в лохмотьях, с каменными, суровыми

лицами. Сбывалось предчувствие бультонского адвоката: море скорби и отчаяния выплеснулось на городскую улицу и билось о ее каменные берега!

Над первой шеренгой колыхался плакат, написанный черной краской по белой полосе холста:

«ПРОЧЬ МАШИНЫ!»

У некоторых участников процессии на груди были прикреплены дощечки с надписями: «Я искалечен машиной», «Машина работает – я голодаю».

Когда процессия, миновав два-три перекрестка, стала приближаться к окраине, высокий человек в плаще, похожий на пуританского⁵⁰ проповедника кромвельских времен, затянул диким голосом песню, подхваченную всей толпой. Мотив звучал, как церковный хорал, однообразно и торжественно.

Прохожие на улицах останавливались и провожали процессию то сочувственными, то испуганными взглядами. На самой окраине демонстрантов все чаще встречали приветственные возгласы из окон и с тротуаров.

Процессия приближалась к длинной глухой ограде, за которой виднелись кирпичные здания цехов «Бультонской мануфактуры» и соседнего с нею канатного завода. В глубине, вдоль северной границы всего промышленного участка, протекала речка; незамерзшая вода ее с маслянистыми пятнами на поверхности чернела среди заснеженных берегов. Две баржи стояли у причала. На самом берегу высилось здание красильной. Выше по течению речку перегораживала плотина. Вода недовольно шумела в отводном рукаве, встречая позеленевшие склизкие лопасти больших деревянных колес, укрепленных меж кирпичных стен. Эти колеса, со скрипом ворочаясь, двигали громоздкие рычаги передаточных механизмов и крутили станки в мастерских и цехах «Бультонской мануфактуры». Впрочем, большая часть колес находилась сейчас в покое. Вода лишь чуть-чуть покачивала их и с бульканьем бежала под лопасти...

Приводы, машины, станки... Плохо стало при них настоящему рабочему человеку! Хозяин не хочет платить ему, если эту работу выполняет машина. К ней можно приставить семилетнего парнишку или девчонку, и они отлично будут помогать машине по шестнадцать часов в сутки за жалкий фартинг и десяток тумачков в придачу. Стыдно сказать: господа в парламенте разрешили брать на фабрики детей с пятилетнего возраста... И все это наделали чертovy машины!

Толпа глухо шумела, подходя к главным воротам. Здесь, у этих знакомых, ненавистных ворот, шествие остановилось. Обширный двор и цехи всех фабрик были как вымершие. С неба падали снежинки, постепенно превращавшие двор в ровную нехоженую целину. Ворота были заперты изнутри. Во дворе перед воротами расхаживали толстый констебль и два его помощника.

Люди забарабанили в чугунные ворота. Констебль вышел из калитки на улицу и обратился к рабочим. Вместо общепринятых слов человеческой речи он издал несколько лающих звуков, означавших, что народу следует разойтись по домам и что на фабрику их сегодня не пустят.

Из фабричной конторы спешил к воротам маленький человечек в парике с косицей. В руках он держал лорнет⁵¹ и тетрадь с какими-то списками.

– Старший приказчик хозяина, – зашептали в толпе, – тот, кто хочет заменить наши руки железными машинами!

⁵⁰ П у р и т а н е – в период английской буржуазной революции XVII века приверженцы религиозно-политических группировок буржуазии, выступавших против королевского абсолютизма и официальной англиканской церкви; п у р и т а н и з м – суровая, часто показная нравственность.

⁵¹ Л о р н е т – очки, которые приставляют к глазам, держа за ручку, прикрепленную к оправе.

Высоким, тонким голосом, приложив лорнет к глазам, приказчик закричал собравшимся:

– Что за сборище? Если вы решили работать, приходите утром, по одному. Скопом я вас не пушу. А сейчас будьте благоразумны, расходитесь по домам!

Внезапно перед воротами выросла фигура человека, похожего на кромвелевского проповедника. Снежинки падали на его седые всклокоченные волосы.

– Люди! – закричал он пронзительно. – Не слушайте изверга! Это он вместо божьих душ ставит в цехи железные машины, эти порождения сатаны. Они питаются человеческой кровью. Жертвы их неисчислимы. Следом за машинами крадутся голод, нищета, увечье. Сокрушим изделия Вельзевула! Вперед, храбрецы, вперед, братья, за мной!

Пока оратор с жаром обращался к толпе, небольшой смуглый человек в сопровождении нескольких ловких мальчишек быстро перелез через ограду и оттолкнул приказчика от ворот. Человек одним ударом лома отодвинул тяжелый засов. Констебль и его помощники были сбиты с ног толпой, ринувшейся в ворота. Несколько клерков и мастеров выскочили было из конторы на помощь констеблю и старшему приказчику, но в нерешительности остановились на полдороге. Приказчик, потерявший лорнет и тетрадь, благоразумно ретировался за их спины и теперь криками побуждал их к наступательным действиям. Помощник констебля вынырнул из толпы, вскочил на верховую лошадь и помчался галопом вверх по Соборной улице.

Люди уже взламывали двери цехов. Звенели выбитые стекла, сыпалась штукатурка, трескали двери. Послышались удары по металлу и треск разрываемых тканей, еще натянутых на станочные рамы. Машины, ящики, двери, даже скамьи и табуреты – все разлеталось под ударами молотов.

Тем временем смуглый человек, открывший ворота, ловко взобрался на чердак суконного цеха и, склонившись над грудой тряпья, высек огонь. Вскоре из чердачных окон вырвались красные языки огня с чадным, черным дымом.

В этот миг пара взмыленных храпящих лошадей внесла в ворота легкий желтый шарбан. Не дожидаясь, пока кучер перехватит вожжи и остановит экипаж, седок соскочил на землю. Глазам его представились испуганные клерки, прижавшиеся к стене конторы, и объятые яростью женщины и дети во дворе.

– Норвард! Управляющий! Смерть ему, смерть! – слышались крики.

В управляющего полетели камни.

Вообразив, что перед ним только эти слабые противники, Норвард ринулся со шпагой в толпу и, нанося направо и налево свистящие удары по головам, ворвался в дверь кирпичной пристройки прядильного цеха, откуда доносился треск ломаемых машин. Здесь суровые, молчаливые люди били молотами по рычагам и кривошипам передаточных механизмов. Увидев их, Норвард стал пятиться к двери. Перед ним выросла фигура длинноволосого проповедника. Управляющий выхватил пистолет... Рабочие подались вперед, прикрывая своего вожака. В дюйме от головы Норварда просвистел топор. Пронзительно завизжав, управляющий на четвереньках, с обезьяньей ловкостью выскочил из пристройки.

Очутившись снова на дворе, он увидел толпу женщин, бегущих из суконного цеха, уже охваченного пламенем. По соседству пылал канатный завод. Три конные упряжки пожарной команды, подминая и расталкивая встречающих, влетели в открытые ворота, а за оградой уже заблестели штыки и мундиры королевских драгун. Солдаты окружили весь участок и хватали разбегавшихся рабочих. Норвард осыпал их бранью и проклятиями.

В глубине двора, у здания красильной, группа самых непримиримых разрушителей еще продолжала размахивать молотами. Заметив их, офицер подал команду своим стрелкам. Щелкнули курки. Грянул залп. Снег окрасился кровью. Отчаянно вскрикнули женщины, кто-то застонал... Солдаты перезаряжали ружья. Несколько драгун бросились преследовать

последнюю группу рабочих; отстреливаясь из охотничьих ружей, они отходили к реке. Их вожак показал рукой на баржу у причала. Взбежав на нее, человек десять – двенадцать кинулись с баржи в ледяную воду. Вслед им раздался повторный ружейный залп, но беглецы уже достигли противоположного берега и скрылись в ночном мраке.

Во дворе валялись части исковерканных машин, ломы, топоры, охотничьи ружья, шляпы, обрывки холста, тлеющая пряжа. Громко стонали раненые. Драгуны повели к воротам хмурую толпу арестованных – по неумолимому королевскому закону⁵², этих людей ждала виселица...

Смуглый человек, успевший поджечь несколько строений «Бультонской мануфактуры», услышал первый залп, сидя под стропилами красильного цеха. Пора было и ему подумать о спасении! Он быстро сорвал с себя тлевшую куртку и передник ремесленника. Под ними оказался нарядный камзол, перехваченный поясом с дорогим испанским кинжалом и тяжелым пистолетом. Из-за пазухи он достал бархатный берет и прикрыл им свои волнистые волосы, а на левую руку надел свинцовую перчатку.

Констебль уже взбирался на чердак, где ремесленник только что закончил свое превращение в нарядного джентльмена. Три помощника констебля стояли внизу, под стремянной лестницей.

Едва полицейский, нагнувшись, полез в темноте под стропила, переодетый человек нанес ему удар рукоятью пистолета. Тело полицейского неподвижно растянулось на чердачном полу. Человек в камзоле высунулся в окно.

– Спешите сюда, – крикнул он вниз, – здесь еще кто-то прячется!

Трое полицейских заторопились наверх. Как только последний из них взобрался по лестнице, человек в камзоле соскочил вниз и, оттолкнув лестницу, подошел прямо к Норварду.

– Сэр, – указал он пистолетом на покинутый чердак, – пошлите туда солдат. Там еще прячутся эти разбойники.

Пока Норвард распоряжался, незнакомец спокойно вышел из ворот, властно раздвинул цепь солдат и уже на улице обернулся. По чердачному окну залпами стреляли солдаты...

Незнакомец завернул в переулок и заметил во дворе какого-то дома несколько оседланных лошадей под охраной солдата. Беглец подошел к коновязи и резко приказал солдату подвести его коня.

– Вашего коня? Вы ошиблись, я вас не знаю, ваша честь!

В следующее мгновение солдат лежал на земле, сбитый с ног ударом свинцовой перчатки. Незнакомец выбрал коня, подтянул спущенную подпругу и взнуздал лошадь. Выехав на темную боковую улицу, он погнал коня галопом и скакал несколько миль до гостиницы «Белый медведь». Сдав во дворе лошадь, как знатный путешественник, незнакомец не зашел в гостиницу, а отправился дальше пешком и добрался до противоположной окраины города. Он постучал в окно первого этажа большого кирпичного дома на Чарджент-стрит.

– Это вы, мистер Ханслоу? – спросил его женский голос. – О, какой на вас сегодня красивый камзол!

– Скажите, миссис Бингль, когда возвращается из школы ваш Томас?

– В субботу он приходит в полдень, а утром в понедельник опять уходит в пансион мистера Чейзвика на целую неделю. Завтра суббота, он придет. Зачем он вам понадобился, сэр?

– Хочу дать ему одно поручение. Я прошу, отпустите его завтра со мной на весь день. Кстати, если утром явится один старик, разбудите меня, пожалуйста!

⁵² Королевский закон 1769 года карал смертной казнью за разрушение цехов и машин.

4

Постоялец миссис Бингль не успел проспать и трех часов, как среди ночи раздался стук в наружную дверь.

Мистер Ханслоу, по-видимому, привык спать с чуткостью лесного зверя: он сразу вскочил с постели и облачился в темноте с необычайной быстротой. Только вместо нарядного камзола он надел поношенный, выцветший и латаный костюм старьевщика и торопливо обмотал тряпкой кисть левой руки.

– Проснитесь, мистер Ханслоу! – крикнула хозяйка не совсем довольным тоном. – Старик, которого вы ожидали, уже явился... Сейчас пять часов утра, – добавила она укоризненно.

– Нет, меня ты не ждал, Ханслоу! – произнес уже в комнате жильца чей-то осипший голос. Вошедший прикрыл дверь и тяжело опустился на стул. – Зажги-ка свет, мистер Ханслоу, да принеси мне поесть и переодеться.

– Как, это вы, Меджерсон? – удивился хозяин. Он зажег свечу и поставил ее на стол. – В хорошеньком же, однако, виде! Как вы пробрались по улицам незамеченным? Нет ли погони?

– Да, мне, конечно, не следовало идти к тебе, Ханслоу, но ищеек я обманул; кажется, хвоста за мной нет. Рассвет занимается, я не мог оставаться дольше на улице в этом наряде. Кроме того, я голоден и страшно озяб.

Хозяин поставил перед гостем тарелку с холодной бараниной и налил из фляжки стакан тодди⁵³. Кастрюлю с горячей водой для этого напитка он вытащил из полупотухшего камина. Гость с жадностью принялся за еду.

Перед хозяином комнаты сидел изможденный, худой старик с длинными седыми волосами, падавшими на плечи. Впалые щеки были покрыты глубокими морщинами, две резкие борозды спускались от носа к подбородку. Глазницы Меджерсона были необычайно глубоки, и в суровом взгляде, горевшем из-под густых, нависших бровей, чудилась непреклонная решимость борца.

– Куда вы скрылись вчера, Меджерсон? Я видел, как вы с ребятами переправились вплавь через речонку.

– Благодарение Богу, с одним делом покончено! Ты, Ханслоу, хорошо помог нам вчера расправиться с извергами: проклятые машины преданы огню, и честным труженикам теперь станет легче. Люди будут спокойно трудиться в лоне семьи или в общих цехах; свои изделия, плоды искусного ремесла, они смогут продавать по прежним ценам; малые дети тружеников снова предадутся младенческим забавам и играм, ибо отцы и матери смогут сами кормить ребятшек, не продавая их безбожным фабрикантам... В Бультоне умолк шум машин, значит, в Бультоне высохнут детские слезы! Ты сделал вчера доброе дело, друг Ханслоу, Бог наградит тебя за помощь беднякам. Скажи, хочешь ли ты помогать нам и впредь?

– Как, разве вы, Меджерсон, намерены остаться здесь, в Бультоне? Это слишком опасно. Если вас схватят, то...

– ...еще раз осудят на смерть, хочешь ты сказать? Судьба моя – бороться со злом и защищать обездоленных. Во имя сего благого дела я приму другой облик, какой подскажет мне разум, и снова, препоясавшись мечом Господним, буду сражаться с мучителями народа. Аминь!

Суровый фанатизм Меджерсона, непреклонная воля и страстная ненависть, прозвучавшая в его словах, поразили мистера Ханслоу. Он глядел на собеседника с уважением.

⁵³ Т о д д и – шотландский напиток: водка, подслащенная сахаром и разбавленная кипятком.

– Откуда вы родом, Меджерсон, и давно ли вы ведете эту вашу... войну со злом? – спросил он тихо.

Меджерсон пристально поглядел в глаза хозяину:

– Об этом не следует спрашивать, Ханслоу, но... ты честен с нами, я знаю... Родом я из Ланкашира. Мне пятьдесят лет, и двадцать из них я отдал борьбе за правду. Меня еще помнят в Ланкашире. Там бедняки оказали мне честь: я был выбран в первый стачечный комитет еще четырнадцать лет назад. За это меня приговорили к смерти, но рабочие напали на полицейский возок и вырвали нас, пятерых осужденных, из рук палачей. Потом я перебрался в Спитфильд, близ Лондона. Почти десять лет мы боролись там за наши права, за свободу детей, проданных в фабричное рабство, за уничтожение главного зла – машин. В нас стреляли солдаты – мы не сдавались. Многих схватили и повесили – мы продолжали сопротивляться и уничтожать машины. Наконец мы были побеждены, но я снова спасся от неминуемой петли и ушел сюда, в Бультон, чтобы бороться дальше. Ненависть моя к палачам, к богачам несправедливым священна и неистощима. Я спрашиваю тебя: хочешь ли ты и впредь помогать нашему правому делу?

– Что же вы намерены еще затеять здесь, мистер Меджерсон?

– Пока в Северном графстве не сгорит последняя фабричная прялка, я не покину своих братьев по этой священной войне.

– Хм! Прялки меня, правду говоря, не слишком интересуют, пусть себе крутятся! Мне нужно сделать кое-кого сговорчивым. У нас, то есть у меня и у вашего братства, есть общий враг, мистер Меджерсон. Зовут его, как вы догадываетесь...

– ...Фредрик Джонатан Райленд, виконт Ченсфильд, сын Вельзевула! Самое имя его проклято: он хочет машинами заменить всех людей на своих гнусных фабриках. Райленд – продавец человеческого мяса. Но его машины вчера сгинули в огненной геенне...

– Можете не сомневаться, мистер Меджерсон, что он построит новые, и очень быстро. Нет, нужно нанести ему еще один удар, такой, от которого ни он, ни его друзья уж никогда бы не смогли оправиться. Бультонская верфь строит ему корабли. Вот ее и нужно уничтожить. Это убьет насмерть всю компанию Райленда и... заставит его отдать то, что принадлежит другим по праву.

В глазах Меджерсона, скрытых нависшими бровями, зажглись огни. Взгляд его стал похожим на тлеющий костер в глубокой пещере, видимый ночью сквозь кусты.

– Райленд и Паттерсон – оба эти негодяя заслужили ненависть и проклятие рабочих людей, – проговорил он торжественно. – Мы приняли решение: братство луддитов благословляет тебя на этот шаг, и оно поможет тебе так же, как ты вчера помог братству, синьор Фернандо Диас!

Мнимый мистер Ханслоу переменился в лице и быстро прикрыл рот своему гостю:

– Тише, сакраменто! Откуда, синьор, вы знаете мое настоящее имя?

– Оно давно известно братству, и потому я еще в прошлый твой приезд не случайно оказался с тобой в одном гостиничном номере... У нас есть незримые союзники и тайные уши... Нам известна и цель твоей борьбы с этим Райлендом: ты ищешь драгоценности пиратского главаря... Эта цель чужда нашему братству, но ты молод, смел и честен, и мы готовы видеть в тебе союзника. Помни одно: к предателям мы беспощадны...

– Что ж, коли так – ударим по рукам, синьор Меджерсон! Теперь вы должны переменить платье. На всякий случай я приобрел кое-что из гардероба покойного мастера Джона Бингля. Наденьте-ка этот темный фрак; вероятно, покойный супруг нашей домохозяйки надевал его по большим праздникам, идя в церковь... Сейчас я займусь вашей прической. Недаром я два года был бродячим актером. Волосы мы вам подстрижем... Вот так! Теперь вы – почтенный клерк какой-нибудь шотландской фирмы. Посмотрите на себя в зеркало. Пусть теперь кто-нибудь узнает в вас Элиота Меджерсона, черт побери!

– Ты действительно превратил меня в клерка, Фернандо Диас. Что ж, это, видно, перст Божий! На время я сохраню обличье клерка и нынче же «приеду» дилижансом из Эдинбурга в гостиницу «Белый медведь». Там я сниму номер, пока не найду себе более удобное пристанище.

– Как мы будем держать с вами тайную связь, мистер Меджерсон?

– Уже не Меджерсон, Фернандо! Меджерсона ты превратил в клерка Арчибальда Стейболда. Запомни: Арчибальд Стейболд, гостиница «Белый медведь». А связь с тобой будем поддерживать по-старому. Ты не забыл тумбу для афиш на Гарденрод? Присматривайся, как и раньше, к объявлениям цирка... Сообщай о своих планах. На самый крайний случай, если придется спасаться бегством, ты найдешь приют и помощь у «ирландских братьев». Где их искать в Бультоне, тебе известно... А теперь прощай, брат Фернандо!

5

Миссис Бингль, впустившая в свое жилище Элиота Меджерсона и выпустившая шотландского клерка Арчибальда Стейболда, несказанно удивилась разительному различию во внешности и костюме этих двух джентльменов. Без особого труда она опознала на клерке Стейболде под меховым плащом, еще вчера служившим ее жильцу, фрак и панталоны покойного мужа. Добрая женщина уже собралась было к своей соседке, тете Полли, чтобы с должной серьезностью обсудить это удивительное превращение весьма сомнительного оборванца в респектабельного господина, как новый стук раздался у входных дверей, но на этот раз слабый и нерешительный.

Перед изумленной миссис Бингль опять предстала фигура старика, но сгорбленного, хилого и ничем не похожего на предыдущего посетителя.

– Могу ли я видеть мистера Ханслоу? – спросил гость слабым, старческим голосом.

Миссис Бингль видела, как старик вошел в комнату ее жильца, с трудом таща за собою два небольших ящика и клетку, прикрытую цветным платком. Уже через несколько минут жилец миссис Бингль выпустил своего второго гостя из комнаты. Уходя, тот задержался в дверях и сказал с порога:

– Микси любит орехи и фрукты, но ест также молоко и белый хлеб. В холод одевайте ее в шерстяную курточку, она привыкла к здешней зиме. А за моим плащом и шляпой пришлите мальчика, я живу недалеко. Но это совсем старые, поношенные вещи, мистер Ханслоу!

Снедаемая любопытством, миссис Бингль приоткрыла замочную скважину в дверях жильца. То, что она увидела, окончательно поразило ее.

Вместо солидного мистера Ханслоу, всегда носившего парик с косицей, высокую шляпу и два теплых жилета, на стуле перед зеркалом сидел красивый молодой человек, чернобровый, с косыми баками и волнистыми, коротко подстриженными волосами. Расстегнутый воротник рубашки обнажал сильную, загорелую шею. Перед ним стояли на столе две миски с какими-то жидкостями и целая коробка с мазями, красками, волосами и бородами. В руке он держал тоненькую палочку и сидел, как художник перед мольбертом, всматриваясь в зеркало и чуть прикасаясь палочкой к своему лицу. При этих манипуляциях миссис Бингль впервые заметила, что на левой руке ее жильца нет четвертого пальца.

Новые толчки в дверь заставили миссис Бингль покинуть свой наблюдательный пост. Если бы она не сделала этого, то ей пришлось бы пережить сильный испуг, так как мистер Ханслоу немедленно подскочил к окну, проверил, открывается ли оно, сунул за пояс нож, подхватил под мышку плащ и стал у подоконника, держа в каждой руке по пистолету.

Но приготовлений этих миссис Бингль не видела, а сам жилец, услышав в комнате хозяйки веселый голос Бингля-младшего, отложил боевые доспехи и, усевшись опять перед зеркалом, возобновил свои занятия с кисточкой.

– Томас, – крикнул он мальчику, сунув ему в дверную щель записку, – сбегай-ка по этому адресу и принеси мне плащ и шляпу.

Не прошло и получаса, как мальчик вернулся со свертком, Ханслоу все еще сидел у зеркала. Голову и лицо он прикрывал полотенцем, так что мальчик видел одни глаза постоянно.

– Послушай, Томас, – заговорил Ханслоу, – хотел бы ты недельку отдохнуть от своих школьных занятий, если это разрешат мама и мистер Чейзвик?

– Да, мистер Ханслоу, очень хотел бы.

– Так вот, я хочу предложить тебе нетрудную интересную работу на одну или две недели.

– Ах, работу... Таковую же, как на верфи Паттерсона, или полегче?

– Что? Ты знаешь, какие работы производятся на верфи? Разве ты бывал там?

– Конечно, знаю. На этой верфи я работал целый месяц, а сейчас мой брат Джордж учится и работает там в конторе.

– Да ты просто находка для меня, Томас! Нет, твоя работа будет, наверно, совсем не похожей на все, что ты в своей жизни делал. Скажи, ты когда-нибудь видел шарманку?

– Ну конечно видел. Дядюшка Поттер, тот самый старик, от которого я сейчас принес вещи, ходил раньше с шарманкой по дворам, а мы бегали за ним. Какая у него была умная обезьяна! Ее звали Микси... Раньше с ним ходил один мальчишка, Томми Вуд, но он поступил юнгой на корабль, и с тех пор дядюшка Поттер сидит дома. Ему одному не под силу таскать шарманку по дворам.

– Так вот, одну или две недели ты будешь делать то же, что когда-то делал Томми Вуд. Если я останусь доволен тобою, то дам тебе двадцать шиллингов, большой перочинный нож, и, главное, ты получишь в полную собственность музыкальный ящик старого Поттера и обезьянку Микси. Что ж ты молчишь? Не веришь? Тогда посмотри-ка сюда! – И Фернандо сдернул с клетки покрывавший ее цветной платок.

Глаза у Томаса стали круглыми, как пуговицы на его курточке. От безграничного изумления он забыл даже обрадоваться. Потом он бросился на колени перед клеткой и пытался сквозь прутья погладить маленькую мартышку в зеленом платьице, печально сгорбившуюся в глубине клетки.

– Дай ей конфету, – сказал Фернандо, вынимая из кармана лакомство.

Мартышка протянула мальчику маленькую коричневую ручку, так похожую на человеческую, что Фернандо испытал какое-то чувство неловкости перед этим разумным существом, посаженным в клетку. Однако зверек потянулся к Томасу не за конфеткой: вид обрадованного, взволнованного мальчика, по-видимому, возбудил в обезьянке какие-то сильные ответные чувства. Она заметалась по клетке и закричала. Томас открыл дверцу. Зверек сразу вскочил мальчику на плечо и с человеческой нежностью обнял своего освободителя за шею. Том не выдержал; он обхватил обезьянку обеими руками и, прижавшись к ней лицом, засмеялся и заплакал от сладкой радости, жалости и волнения.

– Я вижу, что ты доволен, Том, и я сам рад доставить тебе удовольствие, – снова заговорил Фернандо, и голос чуть-чуть изменил ему. – Я потом все объясню: как себя держать, о чем разговаривать с людьми и чего им не надо говорить. Если тебя спросят, давно ли ты меня знаешь, ты скажешь, что очень давно. Скажи, как вы называли дедушку Поттера?

– Томми Вуд и все ребята говорили ему «дядюшка Метью».

– Дядюшка Метью! Очень хорошо. Меня, видишь ли, тоже зовут Метью, поэтому на улице ты и меня будешь звать дядюшкой Метью. Теперь посмотри-ка на меня!

Перед мальчиком как живой стоял старый дядюшка Поттер с его насупленными бровями, седыми баками и сгорбленной фигурой, в зеленом выцветшем плаще и черной шляпе.

От удивления мальчик разинул рот. Обезьянка соскочила на пол и перепрыгнула на кровать. Мальчик бросился ловить зверька и ловко надел ему ошейник и курточку. Привлеченная шумом, в комнату вошла миссис Бингль.

– До свидания, мама! – крикнул Томас. – Мы сейчас уходим на бультонскую дорогу с дядюшкой Метью!

Миссис Бингль, онемев от изумления, смотрела, как старик взвалил шарманку на спину; мальчик взял под мышку клетку, укутанную платком, и «ящик с сюрпризами». Уходя, мистер Ханслоу, превращенный в старого Метью Поттера, сказал хозяйке:

– Миссис Бингль, все, что вы сегодня видели, возможно, несколько удивляет вас, но я очень прошу не придавать этому никакого значения и никому об этом не рассказывать.

Когда жилец и его помощник удалились, миссис Бингль осталась стоять со скрещенными на животе руками перед захлопнувшейся дверью; честная женщина разрывалась от жестокой борьбы между тягостным обетом молчания и страстным желанием поделиться с соседками своими удивительными открытиями.

6

Ранним утром 1 февраля на бультонском шоссе шагал старый шарманщик, сопровождаемый мальчиком с обезьянкой. Они не заходили ни в один из дворов и шли по обочине почтового тракта.

Скупое февральское солнце перед полуднем стало чуть пригревать землю. Снег на дороге почернел; в колеях, оставленных дилижансами, стояла вода.

– Том, все, что я рассказал тебе сейчас про пирата Бернардито Луиса, не пересказывай никому, – сказал шарманщик своему юному спутнику.

– Что вы, дядюшка Метью, никто не услышит от меня ни словечка! Скажите, сколько же теперь лет сыну Бернардито?

– Ему пятый год. Я совсем недавно его видел.

– Да ну? Каков же он собой?

– Обыкновенный мальчик... Умеешь ли ты писать, а?

– Конечно, умею. И считать, и решать задачи про купцов и встречные дилижансы.

– Молодец! А что делает на верфи твой брат Джордж?

– Он работает рисовальщиком и чертежником. Только знаешь что, дядюшка Метью? Джордж очень умный, он читает запрещенные книги и хочет стать «сыном свободы».

– Вот как! Я в его годы подумывал о другом!.. Так слушай, Том, я скажу тебе адрес сына и матери капитана Бернардито. Но если ты кому-нибудь проболтаешься, то ночью сам Бернардито придет за тобой и зашьет тебе рот, слышишь?

– Слышу, – ответил мальчик упавшим голосом.

– Если мы с тобой расстанемся и ты услышишь, что я погиб, то напиши сеньоре Эстрелле и маленькому Диего письмо. Запоминай адрес: «Греция, порт Пирей, предместье, дом купца Георгия Каридаса». Напиши им, что их друг из Толедо умер. А теперь скажи мне, какие поместья встречаются на этой дороге?

– Вон та нарядная дача – это усадьба леди Стенфорд. Ей принадлежит дом, где мы живем. Дальше будет Ченсфильд, потом поместье, которое называется Уольвсвуд, а дальше я не знаю.

– Так вот, кто бы тебя ни спросил, куда ты идешь, говори – в Уольвсвуд, понял?

– Ладно. Но по дороге хорошо бы заглянуть в Ченсфильд! Вон за парком уже видны две башенки на большом доме. Там живет одна очень красивая и добрая леди. Дядюшка Метью, давайте покажем ей нашу Микси!

– Как, Том, ты, оказывается, знаешь и эту леди? – воскликнул шарманщик. – Да ты какой-то всезнайка! К ней-то мы и идем, потому что нам нужно вручить ей маленький сверток. Ей ты можешь сыграть хоть все четыре песенки, что играет наша шарманка... Но там, в Ченсфильде, эта прекрасная леди живет не одна! Там, в том же старом доме, есть темная щель кровожадного паука, чью хитрейшую паутину я должен разорвать... если сам не запутаюсь в ней, – добавил он вполголоса.

Усталый мальчик замолчал, недоверчиво и испуганно косясь на приближающийся парк и дом, где в глухой щели будто бы прячется от солнца и плетет свою сеть неведомый сказочно страшный паук...

День уже перевалил на вторую половину, когда оба путника, не передохнув в Ченсфильде, уже брели в обратный путь.

– Нам чертовски не повезло, мой мальчик, – бормотал шарманщик. – Паук затащил нашу прекрасную леди в индийские воды на своем проклятом корабле! Боюсь, что она может не вернуться из этого плавания... Что ж, придется нам еще сегодня добраться до конторы старого мистера Томпсона и оставить ему сверток, адресованный леди Райленд. Нам с тобой, Том, слишком опасно держать этот сверток при себе, ибо он стоит дороже, чем любой дом по этому унылому шоссе...

По дороге в Бультон ехал какой-то добродушный фермер. Он сперва обдал наших путников грязью из-под колес своей легкой повозки, а затем сжалился над ними, уныло бредущими, мокрыми от дождя. Под вечер возница высадил голодных и полузамерзших странников перед высокой дверью дома, где помещалась юридическая контора «Томпсон и сын».

7. Клинок и кольчуга

1

В субботу, первый день февраля, на бультонском внешнем рейде раздался пушечный выстрел, оповестивший портовых чиновников о прибытии судна.

Выпавший с утра снег таял, но сырой, холодный ветер нагонял с моря новые тучи. Прибой ревел у портового мола, и даже в гавани волны сильно качали две шлюпки с прибывшего американского корабля. Борясь с волной, они приближались к причалу.

На первой из них среди других пассажиров сидел высокий путешественник в индейской куртке, расшитой красными узорами. Из-под войлочной шляпы с загнутыми полями выбилась на его лоб седоватая прядь, прикрывая косой шрам над переносицей. На поясе висел нож в узорчатых ножнах и два крупнокалиберных пистолета. Путешественник не спускал глаз с двух кожаных мешков, обшитых ременными полосками. Они лежали на дне шлюпки вместе с большим черным саквояжем пассажира. На мешках сидели два его спутника в матросских плащах.

Группа встречающих на берегу ждала прихода шлюпок. В стороне, заложив руки в карманы, стояли с видом глубочайшего безразличия двое портовых зевак. Когда гребцы первой шлюпки пришвартовались к причалу, эта парочка удалилась за штабель ящиков.

Оба субъекта стали наблюдать из-за прикрытия за высадкой пассажиров.

Таможенный чиновник пригласил прибывших в длинное серое здание на берегу. Он грубо толкнул одного из матросов, вытаскивавших на берег тяжелые мешки, но путешественник в индейской куртке отвел чиновника в сторону и сказал ему вполголоса несколько слов, упомянув имя сэра Фредрика Райленда. Лицо чиновника расплылось в улыбке. Он почтительно похлопал рукой увесистые мешки и удалился, оставив путешественника, матросов и их груз на опустевшем пирсе.

На зевак, укрывшихся за штабелем, слова путешественника оказали магическое действие. Один из них с поклоном подошел к приезжим, другой побежал за извозчиком. Очень скоро багаж был погружен в коляску, приезжий занял место на сиденье, а его матросы стали на подножках экипажа. Оба неожиданных помощника остались следить за высадкой пассажиров второй шлюпки.

На улице Портового Маяка экипаж остановился перед каменной аркой двухэтажного дома. Над аркой красовалась вывеска с изображением очень бурного моря и тупомордого кита в продольном разрезе, позволявшем созерцать внутренности животного. В области его желудка бесстрашный живописец поместил стол с бутылками и двух пирующих матросов.

Дым от десятков трубок синими полосами вился под низким потолком таверны. На столиках гремели кости, звякали монеты. Кружки с элем⁵⁴ опорожнялись тем быстрее, чем ближе день подходил к вечеру. Когда входная дверь открывалась, с улицы врывался в зал густой клуб холодного февральского воздуха. Морозный пар смешивался с табачным дымом, и свет закопченной люстры еле пробивался сквозь эти облака.

За высокой буфетной стойкой, среди бутылок, оловянных кружек и тарелок с закусками, стоял хозяин таверны, человек, известный морякам всех пяти частей света.

Рукава его блузы были закатаны и обнажали сильные волосатые руки с тяжелыми, как гири, кулаками. На груди висела серебряная боцманская дудка. Коротко постриженная борода иссиня-черного цвета обрамляла бледное, без единого пятнышка румянца лицо. Глаза

⁵⁴ Э л ь – крепкое английское пиво, светлое и густое.

глядели холодно и властно из-под тяжелых век. У стойки, справа от хозяина, всегда виднелась пара черных костылей.

Уже пятый год шел с тех пор, как боцман Вудро Крейг потерял в морском бою ступни обеих ног и стал за стойку в купленном им небольшом трактире. Прежний хозяин этого заведения еле сводил концы с концами, но у Крейга дело пошло. Через год после перехода к новому хозяину трактир «Чрево кита» стал самым известным на западном побережье Англии. Бультоны осведомлялись здесь о времени прихода любых кораблей; купцы обменивались новостями из всех стран мира. Моряки при помощи смазливых девиц спускали за два-три дня все, что зарабатывали в течение месяцев океанских рейсов. Капитаны вербовали здесь экипажи, а судовладельцы находили капитанов для кораблей.

В душных номерах верхнего этажа, куда вино и блюда подавались молчаливыми исполнительными слугами-неграми, совершались всевозможные сделки между купцами, моряками и владельцами судов. Нередко эти совещания кончались пиром далеко за полночь. Подчас это бывали совсем особые сделки, когда один из договаривающихся развязывал мешок с золотом, а его партнеры прятали за пазуху оружие и выходили из таверны, низко опустив поля своих шляп и прикрыв подбородки плащами...

На этот раз сам хозяин таверны, знаменитый и таинственный Вудро Крейг, выбрался из-за стойки, чтобы встретить путешественника в индейской куртке и его спутников. Матросы, прибывшие с этим моряком, сразу нашли множество собеседников в общем зале; тяжеленные мешки быстро очутились в самой нарядной из верхних комнат, куда Вудро проводил и путешественника. Дверь за ними захлопнулась, и приезжий сбросил свою широкополую шляпу, накрывшую сразу чуть ли не половину стола.

— Ты вернулся вовремя, Джузеппе, — говорил хозяин таверны. — У нас в Бультоне стало беспокойно с тех пор, как Фернандо нанес Мак-Райлю свой визит. Райленд приказал взять под наблюдение всех приезжающих. Ты видел моих ребят в порту?хлопот у нас прибавилось. Раньше мои люди работали на одного Райленда, теперь же у меня целое сыскное бюро. Три десятка частных агентов, понимаешь? Для полиции я ловлю воров и фальшивомонетчиков; для ревнивцев слежу за их женами; для предпринимателей нахожу соглядатаев; приходится выполнять и особые частные поручения... Это прибыльно! А нынче ночью меня вызвал сам полковник Хауэрстон. Ты слышал о нем?

— О полковнике Хауэрстоне? Начальнике тайной канцелярии при военном министре? Разве полковник сейчас в Бультоне?

— Прибыл нынче ночью с двумя офицерами штаба; остановился в «Белом медведе». Они давно ловят какого-то опасного проповедника. Он появился здесь недавно, чтобы сеять смуту среди рабочих. Зовут его Элиот Меджерсон. В Бультоне он стал главою тайного братства разрушителей машин, и полковник Хауэрстон всего на несколько часов опоздал к пожару «Бультонской мануфактуры».

— Как, разве сгорела «Бультонская мануфактура»?

— Не далее как вчера. Весь Бультон поднят на ноги. Хауэрстон просил меня помочь изловить Меджерсона и его «братьев луддитов». У Меджерсона есть помощник, кажется, не из здешних, очень ловкий парень. Я пустил по их следу моего компаньона Линса и самую опытную из ищек — Куницу Френка. Помнишь его?

— Бывшего картежного шулера? Помню! Скажи, Вудро, удалось тебе узнать что-нибудь новое о Фернандо? Райленд требует, чтобы Фернандо Диас был уничтожен любой ценой.

— Он исчез из Бультона и, по-видимому, из Англии.

— Фернандо, несомненно, имел здесь сообщников. Он охотился за Леопардом Грелли и должен появиться снова. Кто мог знать, что камень был у Мака?

— Об этом мог догадаться Лоусон, бывший оценщик. Только он и видел алмаз в руках Мака.

– Ты не пробовал прощупать этого Лоусона?

– Это нелегко: он живет в порту и знает всех моих людей в лицо. Я советую тебе, Джузеппе, поселиться у него на несколько дней. Он сдает свой домик приезжим. Под видом чужеземца ты, быть может, что-нибудь и выведаешь у него. Отправляйся к нему сегодня же, в этом наряде... Теперь рассказывай, какие новости привез ты от Леопарда.

– Он выручил хорошие деньги за партию негров. Мы с Джеффри продали их в Америке, более шестисот душ... Вот они! – И моряк указал на мешки. – Сегодня я доставлю эти мешочки в банк Ленди. «Глория» и «Доротея» пошли теперь в Южную Африку ловить кафров и зулусов. Леопард не любит проторенных дорог к Золотому Берегу или Гамбии; на африканском юге он возьмет негров дешевле, и это даст ему еще тысяч двадцать. Леопарду нужны деньги, он замышляет крупные дела. Будут строиться кирпичный и литейный заводы, новая суконная, новая хлопчатобумажная фабрика; «Бультонская мануфактура» должна вырасти вдвое. Да, вероятно, и верфь Паттерсона Грелли приберет к рукам, так же как и банк Ленди...

– Что ж, в добрый час! Как поживает его леди?

– Она вряд ли вернется в Ченсфильд. Там, наверно, вскоре появится другая леди, более покладистая.

– Как же он думает разделаться с первой?

– Или она получит развод, или... в море нередки несчастные случаи! Кстати, Джакомо велел тебе не спускать глаз с конторы Томпсона.

– Я наблюдаю за ней в четыре глаза. Удалось купить адвокатского кучера Флетчера и старшего клерка конторы Дженкинса. С этим Дженкинсом, боцманом Бутби и капитаном Блеквудом я набираю матросню для «Окрыленного». Ты, Джузеппе, идешь на «Окрыленном» первым помощником. Можешь сегодня познакомиться здесь с твоим будущим капитаном, которого Джакомо сманил с «Крестonosца». Толковый моряк, но боюсь, что он набит честностью, как фаршированный желудок гречневой кашей. Тебе придется заняться его воспитанием. Нынче вы должны подписать ваши контракты в конторе Томпсона; там в шесть вечера ты найдешь управляющего компанией мистера Норварда и нового капитана – Блеквуда. Эх, поплавал бы и я с вами, да проклятые костыли держат меня во «Чреве кита», как пророка Иону⁵⁵...

Сообщив все это, хозяин таверны заковылял на своих костылях вниз. В большом зале царил в этот день не обычное оживление. Как только хозяин занял место у стойки, матросы в одиночку и целыми группами стали подходить к этому алтарю таверны. Вудро коротко отвечал на приветствия, всматривался в стоящих перед ним и записывал некоторые имена в засаленную синюю книжку. Всем, кто удостоивался чести попасть на страничку этой книжки, открывался новый кредит. Остальные смотрели на них с завистью.

После полудня в таверну явился новый капитан «Окрыленного», мистер Блеквуд. В отдельном номере он беседовал с каждым из членов будущего экипажа. Одним из первых к нему подошел худой человек с запавшими глазами и землистым цветом лица. Капитан бросил взгляд на его бумаги.

«Джемс Кольгрев, рисовальщик и гравер», – прочел моряк. Он с сомнением взглянул на впалые щеки и худые руки гравера.

– Вы давно оставили свою профессию, Кольгрев? – осведомился капитан.

– Да, сэр, уже четыре года... Два последних года я плаваю матросом.

– Что же побудило вас к этому?

⁵⁵ И о н а – один из легендарных библейских пророков. В Библии о нем рассказывается, что за послушание Бога он был брошен в море и проглочен китом, провел три дня и три ночи в его чреве, вымолил себе прощение и был изрыгнут китом на берег.

– Ах, сэр, это печальная история. Она разбила сердце моей матери. Мистер Крейг хорошо знает мою судьбу.

Вудро Крейг действительно хорошо знал историю этого человека. Нужда и лишения заставили молодого мастера принять один частный заказ на изготовление некоего брачного документа. Заказ был выполнен, причем гравер Кольгрев столь успешно конкурировал с государственными органами, что изготовленный документ вполне удовлетворил и заказчика, и британские власти. Через некоторое время Кольгрев попытал свои силы на поприще конкуренции с денежным печатным станком и при первой же довольно наивной попытке угодил за решетку бультонской крепости-тюрьмы. Смехотворность попытки, семнадцатилетний возраст злодея и вмешательство важного заступника побудили судью вынести очень мягкий приговор; через два года Кольгрев оказался на свободе и явился в порт, чтобы предложить свои услуги любому капитану, который согласился бы увезти его подальше от Англии. Вудро Крейг узнал в порту бывшего гравера и, памятуя о документе, определил Кольгрева матросом на каботажное судно. Теперь Вудро почел за благо перевести Кольгрева в состав экипажа «Окрыленного».

Боцман капера Джон Бутби и старший клерк конторы Томпсон тощий мистер Дженкинс протягивали морякам листы контрактов и большое перо. Не все моряки умели подписать свое имя, многие ставили крестики и кружочки, и тогда за них расписывался Дженкинс. Затем он скрипучим голосом читал слова контракта вслух, и моряк, не пытаясь вникать в туманные юридические формулы, отправлялся с узелком под мышкой в доки Паттерсона.

Когда вечерние огни города приветливо замигали в туманном воздухе, весь экипаж «Окрыленного», насчитывавший более трехсот человек, был уже на борту, а капитан Блеквуд отправился подписывать свой контракт в контору Томпсона.

2

Миссис Бингль собрала в узелок свежевыглаженное белье своего давнишнего клиента Эндрию Лоусона; повесив на двери замок, она направилась в порт, к его домику.

Около дома она заметила коляску. Мистер Лоусон встречал нового постояльца. Прибыл он, вероятно, издалека. На приезже был необычный кожаный костюм, украшенный бахромой и индейским узором. Багаж его заключался в большом черном саквояже. Прачка подождала у калитки, пока суматоха в доме уляжется. Когда пустой кеб отъехал, миссис Бингль постучала в окно. Сначала в комнате залаял пудель, потом открылась задняя дверь. Слуга хозяина выглянул во двор.

– Мистер Лоусон занят, – сказал он. – Присядьте, миссис Бингль, и расскажите, что новенького слышно в городе.

– Ох, Грегори, вы не поверите, какие удивительные вещи произошли нынче у меня на глазах! Вы знаете, несколько дней назад у меня тоже поселился постоялец, очень спокойный одинокий жилец, из приезжих...

Плотина молчания, слишком долго сдерживавшая стихию женского красноречия, наконец прорвалась, и первой жертвой хлынувшего потока оказался Грегори. Миссис Бингль повествовала вдохновенно. Лицо ее покраснелось, а в глазах зажглись искры. Она не просто рассказывала – она изображала в лицах все, чему была свидетельницей в комнате своего жильца...

В соседнем помещении мистер Лоусон беседовал с новым постояльцем. Услышав голос миссис Бингль, Лоусон прервал беседу и покинул комнату приезжего, чтобы расплатиться с прачкой. Приезжий давно уже прислушивался к художественному повествованию за стеной. Вслед за Лоусоном он шагнул в кухню, где ораторствовала прачка. В этот миг

миссис Бингль изображала с помощью узла с бельем и стула, как ее жилец, превращенный в шарманщика, покидал квартиру с юным Томасом.

Новый постоялец Лоусона осведомился, не является ли миссис Бингль прачкой, присовокупив, что весьма нуждается в услугах такого рода. Миссис Бингль сделала нечто вроде реверанса, и приезжий пригласил ее в свою комнату. Он вручил ей несколько пар превосходного голландского белья, извлеченного из черного саквояжа, и уплатил вперед столь щедро, что прачка рассыпалась в изъявлениях благодарности. Приезжий сделал комплимент тонкости ее манер и выразил предположение, что миссис ввергнута в свое нынешнее скромное состояние несомненно лишь в силу неожиданных жизненных невзгод.

Разумеется, уже через четверть часа приезжий был посвящен в биографию мастера Джона Бингля и его супруги подробнее, чем в дела своих ближайших родственников. Гибель мастера, вмешательство леди Эмили Райленд в судьбу вдовы и ее детей, сочельник у мистера Томпсона и, наконец, все события последней ночи были изложены приезжему столь же вдохновенно, как и предыдущему слушателю. Когда повествование дошло до ночного возвращения в нарядном камзоле ее жильца, мистера Ханслоу, глаза приезжего приняли сонное и безучастное выражение. Обставляя свой рассказ все более красочными деталями, миссис Бингль передала свои впечатления от предрассветного визита угрюмого старика, который вышел из квартиры в другом платье и оставил в комнате жильца не только обледенелую куртку, но даже часть своих волос. Наконец разговорчивая особа поведала усталому слушателю о необычайной трансформации⁵⁶ самого мистера Ханслоу сначала в красавца перед зеркалом, а затем – в старого шарманщика.

– И еще я забыла сказать, что мистер Ханслоу впервые снял перед зеркалом свою перчатку с левой руки, и я увидела его кисть: на ней одного пальца не хватает, а в перчатке этот палец просто набит ватой!

– Куда же он повел вашего мальчика? – спросил приезжий сонным голосом.

– Этого я не знаю, сэр.

Голова приезжего стала клониться на грудь. Он взглянул на свою собеседницу помутневшим взором.

– Простите, миссис Бингль, – сказал он, – вы доставили мне большое удовольствие своим рассказом, но я чувствую сильное утомление. Я охотно послушаю вас еще раз, когда вы принесете белье. До свидания!

Мистер Лоусон, зашедший к постояльцу, застал его уже спящим в кресле. Посетовав на женскую болтливость, утомившую гостя сильнее, чем все проделанное морское путешествие, старик прикрыл дверь.

Тем временем Грегори успел запереть калитку за прачкой. Веки постояльца слегка приоткрылись. Он посмотрел в окно и подождал, пока фигура миссис Бингль совсем скроется из виду. Тогда он встал и позвал хозяина.

– Какая досада! – воскликнул он. – Эта болтливая баба так заговорила меня, что я забыл отдать ей еще смену белья! Я пойду сейчас по делам и кстати занесу ей сверток. Далеко ли она живет отсюда?

– Чарджент-стрит, против Дома общественного призрения, в нижнем этаже. Это совсем близко. Разрешите записать ваше имя в книгу жильцов, сэр.

Постоялец протянул ему свой морской патент.

«Джозеф Лорн», – прочел хозяин. Имя это было ему совершенно незнакомо.

⁵⁶ Т р а н с ф о р м а ц и я – преобразование, превращение; здесь – искусство быстро изменять внешность.

3

Выйдя из калитки, Джозеф Лорн посмотрел на часы. Был шестой час. Ровно к шести Норвард и капитан Блеквуд ждали его в конторе Томпсона. Моряк подозвал кеб и вскоре очутился перед дверью «Чрева кита». Беседа с Крейгом на заднем дворе таверны отняла у Лорна всего несколько минут, и кеб со своим седоком покатился дальше по плохо освещенным улицам.

Не прошло и получаса, как во двор Дома общественного призрения, крадучись, пробрался человек с карабином. Выбрав щель в заборе, выходящую прямо на одно из окон противоположного дома, человек просунул ствол карабина в щель и положил приклад на упор из двух палок. Запахнув полы плаща, стрелок неподвижно замер в своей засаде. Одновременно другой человек тихо вошел в подъезд, где жила миссис Бингль, и, спрятавшись за дверью чулана в темном углу под лестницей, высвободил из ножен кинжал. Едва эти приготовления были закончены, два других агента постучали в дверь квартиры. Узнав у хозяйки, что мистера Ханслоу нет дома, они бесцеремонно втолкнули миссис Бингль в его комнату; тут под угрозой пистолетных дул они предложили вдове не подавать жильцу никакого знака и спокойно открыть ему дверь, как только он вернется домой.

– Ваш постоялец – государственный преступник, а мы – представители полиции, – сказал ей старший из обоих гостей, рыжеусый человек в низко надвинутой шляпе. – Только помощь в его поимке смягчит вашу собственную участь как соучастницы Роджерса-Ханслоу.

Миссис Бингль вскрикнула и едва не лишилась чувств.

– Не вздумайте падать в обморок, – предостерег ее тот же агент. – Вы должны впустить его в дом и запереть дверь. Остальное предоставьте нам.

Убедившись, что вдова уже полумертва от страха, незнакомец в низкой шляпе обратился к своему спутнику:

– Помните, Френк, нашу задачу: передать полковнику Хауэрстону только труп этого Ханслоу. Безногий предупредил, чтобы ни под каким видом этот человек не попал в руки властей живым.

– Об этом не тревожьтесь, мистер Линс, – отвечал рыжеусому его товарищ.

4

– Капитан Дональд Блеквуд, извольте скрепить контракт подписью. Итак, с нынешнего дня вы уже не старший офицер фрегата «Крестоносец», а капитан капера «Окрыленный». Разрешите вас поздравить и пожелать...

– Я не опоздал, господа? Сейчас, вероятно, ровно шесть часов?

– Садитесь, мистер Джозеф Лорн... Теперь как раз ваша очередь подписывать... Благодарю вас, джентльмены, и желаю вам удачи!

Старый мистер Томпсон отложил в сторону бумаги, подписанные офицерами «Окрыленного».

– Познакомьтесь с вашим первым помощником, капитан Блеквуд, – сказал Норвард, управляющий компанией. – Мистер Джозеф Лорн только сегодня утром прибыл из Америки – и уже снова на корабль! Такова жизнь моряка. Сегодня ночью мы с капитаном Блеквудом на месяц уезжаем в Лондон, чтобы получить в адмиралтействе каперский патент для «Окрыленного» и покончить с делами мистера Блеквуда на «Крестоносце». Два места в почтовой карете уже заказаны, вечером я буду ожидать вас, мистер Блеквуд, в гостинице «Белый медведь». А вам, мистер Джозеф Лорн, придется наблюдать за всем, что происходит в доках, пока корабль не покинет причал. На днях моряки с «Окрыленного» охраняли доки и предот-

вратили до вольно подозрительную попытку поджечь верфь. Мятеж в Бультоне назревал давно, но до сих пор нам удавалось с помощью людей мистера Крейга вовремя распознавать планы рабочих создать комитет и разгромить цехи, как это не раз делали восставшие ткачи Спитфильда. Новые машины вызывают их гнев, ибо опытных мужчин-мастеровых мы теперь оставляем в цехах вдвое-втрое меньше прежнего, заменяя их бабьем и ребятей. Это выгодно и помогает легко избавляться от недовольных и смутьянов. Но у бунтовщиков недавно появился опытный вожак, который научил наших ремесленников правильным тайным действиям, или, как говорят, конспирации. Так вот, пока мятеж рабочих Бультона еще тлеет под пеплом первого разгрома и пока еще не изловлен вождь луддитов Элиот Меджерсон, вам нельзя дремать, мистер Джозеф Лорн! До свидания, мистер Томпсон!

Моряки и управляющий вышли из кабинета. Контора была пуста. Мистер Томпсон отпустил уже всех своих клерков, кроме одного писца в передней, но в общей зале моряки заметили довольно странную группу, ожидавшую перед дверью кабинета: мальчишка на скамье кормил орехами небольшую мартышку в платице, старый шарманщик дремал, откинувшись на спинку скамьи. Шарманка стояла рядом, и старик придерживал ее левой рукой. На ней не хватало безымянного пальца...

Лорн шел последним. При взгляде на шарманщика он резко остановился от неожиданности, и бродячий музыкант поднял на него глаза. Два взгляда встретились, смертельная ненависть сверкнула в обоих... Не успел еще Лорн опомниться, как шарманщик одним движением сорвался с места и распахнул дверь кабинета, откуда только что вышли офицеры. Очутившись за дверью, он с силой захлопнул ее, дважды повернул ключ в замке и накинуд крючок.

Кошачьим прыжком шарманщик отпрыгнул в глубь кабинета, где Уильям Томпсон, стоя на корточках перед шкафом, укладывал на полку подписанные контракты. В дверь уже сыпались сильные удары. Джозеф Лорн изо всех сил налегал на нее снаружи.

Норвард и Блеквуд даже не заметили, что Лорн отстал. Они не обратили внимания на его отсутствие и при посадке в экипажи. Под окнами адвоката уже застучали подковы и закрипели по снегу железные шины. Дверь кабинета сотрясалась от толчков и ударов.

– Боже мой, это вы, мистер Роджерс! – пролепетал испуганный адвокат, когда незнакомец, так неожиданно очутившийся в его кабинете, сбросил плащ и шляпу.

– Тише, мистер Томпсон! Оставляю вам сверток для леди Эмили Райленд. Никому не показывайте его, слышите? В нем письмо и драгоценность в четыре тысячи гиней... Вероятно, миссис Бингль проболталась и выдала меня... Молчите о пакете, чтобы Джузеппе Лорано сейчас ничего не заметил!

Удары в дверь становились все оглушительнее. Из приемной прибежал писец и стал помогать моряку. Вдвоем они высадили наконец массивную дверь.

Мистер Томпсон растерянно глядел на распахнутое окно своего кабинета. Морозный зимний воздух врвался в комнату.

Джозеф Лорн бросился к окну и выглянул с высоты второго этажа. Он увидел внизу свежие следы конских подков и колес, а в глубине улицы – темную фигуру бегущего человека, завернувшего в ту же минуту за угол.

Моряк отскочил от окна и ринулся назад, в общую комнату, где за барьером еще сидел бледный, растерянный мальчуган. Он выпустил из рук цепочку от ошейника обезьяны, и зверек, скорчившись на спинке скамьи, с любопытством осматривал обстановку канцелярии. Джозеф Лорн схватил мальчика за руку, чтобы подвергнуть допросу. В этот миг обезьяна, словно и ей передалось царившее среди людей волнение, сделала огромный скачок и очутилась на шкафу, под которым Томас Бингль силился освободиться из рук моряка.

Мистер Уильям Томпсон вбежал в канцелярию в тот момент, когда со шкафа прямо на Лорна обрушился пыльный гипсовый бюст Цицерона. Столкнув бюст, разлетевшийся

вдребезги, обезьяна перескочила на люстру и, сильно раскачавшись, повисла на одной руке. Она держалась за обод люстры и прицеливалась, куда бы прыгнуть дальше.

Ушибленный в плечо, Джозеф Лорн выпустил из рук мальчишку, в ярости схватил большой кусок отколовшегося гипса и запустил им в обезьяну. Снаряд угодил не в животное, а в качающуюся люстру. Зазвенел разбитый абажур, горящее масло полилось на стол. Сукно и папки на столе затлели. Обезьяна перескочила на полку. В комнате сделалось темно, но Микси схватила с полки какие-то документы и швырнула их в горящую на столе жидкость. Бумаги вспыхнули ярким пламенем и, словно факел, осветили метавшихся по комнате людей. Мистер Томпсон, клерк и Джозеф Лорн бросились тушить огонь.

Им удалось заглушить пламя, набросив на него ковер и сорванные портьеры. В этой суматохе Томас Бингль ухватил наконец цепочку зверька и опрометью выбежал с ним на улицу.

Когда он приплелся домой, тетя Полли, их соседка, открыла дверь. Мальчик не узнал квартиры. Все вещи в комнате были перерыты, белье из комода валялось на полу, а сама миссис Бингль стояла посреди этого хаоса, прижав руки к подбородку и неподвижно уставившись в одну точку. Увидев обезьяну в руках мальчика, она закричала диким голосом, взмахнула руками, словно защищаясь от привидения, и, как сноп, повалилась на кучу хлама, разбросанного на полу.

Поздним вечером старый бултонский банкир мистер Сэмюэль Ленди заперся в подвале своего банка, где в прохладном сумраке стояли шесть грузных, как слоны, металлических шкафов. Вдвоем с казначеем банка мистер Ленди при свечах еще раз пересчитал золото и ассигнации, высыпанные из двух кожаных мешков.

– Ровно десять тысяч фунтов золотом и на четырнадцать тысяч ассигнациями, – сказал казначей. – Все ли они идут на текущий счет мистера Райленда?

– Нет, по его распоряжению пять процентов этой суммы зачисляется на счет мистера Джозефа Лорна, – отвечал хозяин. – Этот вклад – первые результаты экспедиции «Ориона». О, заокеанские экспедиции Райленда, по-видимому, обещают многое впереди!

Мистер Ленди подсчитал что-то в своем блокноте, вздохнул и, захлопнув дверь денежного шкафа, отправился на покой.

Шотландец клерк мистер Арчибальд Стейболд за короткий срок успел надоесть всей прислуге «Белого медведя». Постоялец был сумрачен, не отличался щедростью и постоянно изъявлял желание «покинуть этот вертеп порока». В течение двух суток он сидел в одиночестве, запершись в своем тесном номере, не принимая никаких гостей и не делая никому визитов. Только один раз этот угрюмый жилец велел трактирному слуге окликнуть на улице и позвать в номер какого-то юношу, которого постоялец заметил из своего окна. Старый клерк быстро надел меховой плащ и вместе с юношей покинул гостиницу.

В сопровождении своего юного спутника, которому на вид можно было дать лет пятнадцать, мистер Стейболд отправился в сторону порта. Узкими окраинными улочками они вышли к предместью, пересекли пустырь, покрытый снегом и мусором, и спустились по крутой тропинке к самому морю, где прибой ворочал каменные кругляки.

Старик с привычной осторожностью огляделся по сторонам и обнял юношу за плечи:

– Здесь один Бог слышит нас с тобою, мой сын! Я рад, что судьба привела тебя под мое окошко и я снова могу побеседовать с тобою.

– Мне нельзя отлучаться надолго, учитель: я послан из конторы в город за покупками и должен скорее принести джентльменам их заказы... Но я, конечно, тоже очень рад снова видеть вас, мистер Меджерсон...

– Тсс! У меня теперь другое имя.

– Могу ли я быть чем-нибудь полезен вам и... делу свободы? – добавил юноша, краснея и смущаясь.

– О мой Джордж, в нашей борьбе важна всякая помощь! Если собрать все наши слабые усилия и соединить в одно, мы можем сдвинуть горы... Прочел ли ты книги, что я тебе дал?

– Да, мой учитель, я их прочел и хорошенько спрятал. Их никто не видел у меня.

– Ты поступил разумно, ибо книги эти запрещенные. Они учат справедливой жизни и любви к ближнему; в руках борцов за правду они клинок, который пробьет кольчугу зла! Возмужав, ты, Джордж, должен будешь взять в руки этот клинок, потому что разум твой ясен и душа чиста. Ты – сын людей труда, не так ли?

– Да, моего отца задавило на фабрике, а мы с братом Томом погибали на верфи, пока нам не помогли добрые люди... Учитель, я очень хочу скорее вступить в ваше братство.

– Ты, мой сын, еще слишком юн, чтобы брать на себя столь тяжкую клятву. Но со временем, когда ты на деле докажешь свою готовность к жертве ради равенства всех людей, ты станешь не только членом братства, но, быть может, и его вожаком, заменив того, чей час пробьет!

– Испытайте меня, учитель!

– Одно поручение я дам тебе сейчас же: подыщи мне в городе небольшую квартиру поближе к окраине, где живут рабочие верфи и мануфактур.

– Это я исполню с радостью. А мне вы позволите приходить к вам?

– Да, мой сын, там мы будем часто видеться.

– Но это же слишком легкое поручение! Доверьте мне что-нибудь трудное, опасное.

– Сын мой, коли хочешь знать, опасно даже говорить со мной, опасно стоять рядом со мной здесь, у этих шумных волн. Но у меня есть для тебя и еще одно, настоящее, трудное поручение. В борьбе за правду и свободу оно немаловажно.

– В борьбе за правду и свободу!.. Мне кажется, я сумею умереть за это!

– Жизнь – это высший Божий дар, и отдавать ее нужно подороже. Не погибеть, а победа – вот наша цель... Так вот, поручаю тебе: неторопливо, настойчиво, терпеливо собирай все, что сможешь узнать о... злейшем враге тружеников Бультона, о владельце «Северобританской коммерческой компании». Его окружает какая-то важная тайна. Братству нужно проникнуть в нее, чтобы успешно бороться с этим слугою дьявола. Имя этого человека...

– Я знаю. Это виконт Ченсфильд!

5

Полковник Хауэрстон отложил томик Стерна, набил трубку и пустил колечко дыма в угол комнаты.

В гостинице «Белый медведь» наступила тишина. Ночной почтовый дилижанс, отрубив под окном полковника, уже двинулся дальше и, вероятно, катился теперь по заснеженному тракту. Замерли и шаги слуг в коридоре; из нижнего этажа более не доносился стук посуды, и лишь беспокойный сосед полковника, занимавший небольшой номер рядом с просторным покоем Хауэрстона, еще брюзжал и копошился за стеной. Этот ворчливый клерк какой-то шотландской фирмы бранил слугу и проклинал офицера-моряка, занявшего вместе с управляющим «Северобританской компании» два последних свободных места в дилижансе.

– Ни одного дня не останусь больше в вашем вертепе! – негодовал старик. – Я немедленно покину это блудилище, где хозяин-безбожник нарочно устраивает все так, чтобы жилец не мог вовремя уехать! Пусть он не воображает, что, продержав меня здесь лишние сутки, он выманит еще денег за постой!

– Хэллоу, мистер Стейболд! – крикнул полковник, которому надоела брань за стеной. – Что привело вас в такое негодование? Зайдите ко мне и остудите свою злость глотком недурного хереса!

Стейболд, в длиннополом меховом плаще, вошел в номер полковника, продолжая изливать свою досаду. Хозяин пригласил его к столу и придвинул стакан. За вином между соседями завязалась беседа, и негодование старого клерка несколько улеглось. Он сухо поблагодарил полковника и ушел к себе, отказавшись, по дружескому совету Хауэрстона, от своего намерения покинуть гостиницу.

Полковник уже собирался раздеться и потушить свечу, как денщик принес письмо, только что доставленное посыльным от Вудро Крейга.

Хауэрстон пробежал глазами листок, накинул халат вместо уже снятого мундира и спустился на первый этаж, где квартировали сопровождавшие его офицеры. Одного из них, капитана Бредда, полковник застал за составлением донесения министру. Офицер поднял на своего начальника усталые глаза и, уловив скрытое торжество и радость в лице Хауэрстона, спросил:

– Уж не получены ли новые вести о Меджерсоне, господин полковник?

– Я недаром обратил внимание на своего соседа! – отвечал тот. – Сейчас я получил подробности допроса этой дуры Бингль. Ее жилец Ханслоу, агент Меджерсона, пока ускользнул. Но не далее как вчера утром этот самый Ханслоу помог Меджерсону изменить свою внешность и превратиться в шотландского клерка. Так вот: мой сосед и друг шотландский клерк Арчибальд Стейболд – не кто иной, как вожак луддитов Элиот Меджерсон! Вы немедленно установите за ним строжайшую слежку, мы накроем одним ударом всю его шайку!

Ранним утром следующего дня из ворот бультонской верфи торопливо вышел юноша лет пятнадцати в чистой куртке и синем суконном берете с пряжкой. Выпустивший его стражник ухмыльнулся, глядя вслед юноше, столь непосредственно выражалась на его лице радость свободе и возможности провести воскресный день дома.

Неподалеку от ворот юношу окликнул уличный разносчик, предлагавший прохожим пирожки и булки.

– Куда вы так спешите, молодой человек? Не купите ли вы себе что-нибудь на завтрак? Вы нигде не найдете товара лучше и свежее, чем мой!

Юноша сдвинул берет на затылок, рассыпав по плечам золотистые кудри. Сунув руки в карманы куртки, он в раздумье остановился перед лотком.

– Вот эти слоеные пирожки стоят по три пенса. Присядьте-ка на тумбу и попробуйте пирожок. Как вас зовут и что вы делаете на верфи?

– Меня зовут Джордж Бингль. Я служу чертежником в конторе.

– Я узнал тебя, Джордж, по сходству с твоим братом, – понижая голос, сказал разносчик. – Послушай, что я тебе скажу: у тебя дома несчастье.

Юноша вздрогнул, пирожок выпал из его рук.

– Ты не пугайся, твоя мать и брат здоровы. У них жил постоялец, по имени Ханслоу. Вчера вечером пришла полиция, перерыла весь дом и напугала твою мать. Они теперь по всему городу ищут вашего жильца.

– А кто же он такой, этот Ханслоу?

Разносчик наклонился к уху мальчика:

– Он друг твоего брата Тома и скрывается от полиции, потому что он... сын свободы, понял?

– Ханслоу – сын свободы? Он был вместе с луддитами, да?

– Ты угадал! Ханслоу во всем доверился Тому, и Том хочет помочь ему бежать из Бультона...

- Слушайте, а где сейчас Ханслоу?
- Он спрятался. Вчера его чуть-чуть не поймали. Его ищут, и пока он должен на месяц скрыться из Бультона. Но он обязательно вернется.
- Как же помочь ему?
- Помоги ему тайком увидеться с Томом и никому не говори о нашем разговоре.
- Что же передать Тому?
- Скажи ему, чтобы через четыре недели, в четверг накануне первого марта, он один пришел сюда, вон в тот сад за домиком, к одиннадцати-двенадцати часам вечера. Ханслоу встретит его.
- Ладно! Даю слово! Сегодня же передам об этом Тому, а больше никому не скажу ни звука.

Был уже полдень третьего февраля, когда сосед полковника Хауэрстона зашевелился в своей комнате. Совершив не спеша свой туалет, мнимый мистер Стейболд вышел из гостиницы. Он шел медленно, читая вывески и афиши, как человек, которому решительно некуда спешить. В руках он держал последний номер «Монитора». На углу улицы Святого Якова и Гарденрод начинался небольшой бульварчик. Меджерсон уселся на скамье и развернул журнал. Он увидел, что человек в сером плаще, шедший от самой гостиницы по другой стороне улицы, отвернувшись, рассматривает что-то в окне.

«Шотландский клерк» пошел вниз по бульвару, ускоряя шаги. Серый плащ тоже быстрее замелькал в толпе. Старик неожиданно завернул в знакомый ему проходной двор, вышел на Гарденрод и, убедившись, что он обманул наблюдателя, приблизился к тумбе для афиш, построенной в виде гриба с конической шляпкой. Обойдя тумбу кругом, он нашел афишу местного цирка. В левом верхнем углу этой афиши синим карандашом было начертано несколько значков и цифр.

Этими иероглифами Фернандо извещал своего соратника о крайней опасности. Они означали, что Меджерсон раскрыт, взят под наблюдение и должен, не теряя ни часа, спасаться бегством.

Вождь луддитов окликнул кеб и с предельной скоростью, на какую только была способна извозчицья кляча, покатила по безлюдным переулкам. Остановив экипаж у ворот какого-то дома, он пересек двор, перелез через забор и вышел на другую улицу. Окончательно убедившись, что наблюдатель отстал, старик снова взял извозчика и поехал на окраину города, откуда начиналось загородное шоссе. Пешком он добрался до крайних домиков на берегу. Перед домом сушилась рыбацкая сеть. Это был тайный знак, по которому Меджерсон понял, что здесь, в последнем и наиболее тщательно скрытом убежище братьев, все обстоит благополучно. Пристанище это Меджерсон берег на случай крайней опасности.

Старый рыбак-ирландец встретил Меджерсона на заднем дворе. Они молча пожали друг другу руки, и рыбак проводил гостя в крошечную каморку за печью, настолько незаметную, что даже при тщательном обыске было очень трудно обнаружить этот тайничок.

Здесь Меджерсон осмотрел свои карманы, проверив, на месте ли деньги и документы. Убедившись, что, выходя из гостиницы, он не оставил в комнате ничего ценного и важного, Меджерсон скрючился в своей темной норе и проспал до самого вечера. Вечером он услышал голоса в доме. Сын хозяина, крепкий детина лет двадцати трех, вернулся из города. Оба рыбака и старуха, молчаливая, как и ее супруг, позвали Меджерсона ужинать. Ставни на окнах были закрыты. На простом некрашеном столе горела свеча и стояли миски с вареными бобами и свиной.

Меджерсон попросил старика принести спрятанные припасы. Подняв половицу в углу, ирландец вытащил из-под пола плоский, довольно тяжелый ящик.

– Отнеси это в тот садик у порта и спрячь в условленном тайнике. Когда Ханслоу вернется, он найдет там этот ящик; вещь эта окажет ему добрую услугу. Это подарок ему от нас за помощь. А мне придется пока перебраться в Ирландию, в Бельфаст. Там меня спрячут ваши «Дубовые сердца»⁵⁷.

Глубокой ночью, когда над морем опустился туман, от берега отвалил небольшой рыбацкий баркас. Под сложенной на корме сетью самый внимательный глаз не смог бы различить человека. Управляемый старым рыбаком и его сыном, баркас взял курс к берегам Ирландии.

6

Накануне 1 марта, когда все ученики пансиона мистера Чейзвика уже лежали в постелях, Томас Бингль, укрывшись с головой одеялом и затаив дыхание, ожидал ночного обхода. Дортуар⁵⁸, где спали мальчики, находился на втором этаже.

В одиннадцатом часу вечера раздались шаги на скрипучей лестнице. В дортуар вошла миссис Чейзвик, сухопарая, длинноногая особа с плоской грудью. Очки ее в тонкой стальной оправе, казалось, вот-вот должны сползти с острого кончика носа. В руках у нее была свеча в бумажном колпаке. Она прошла по проходу между восемнадцатью кроватями, притронулась к двум-трем скрюченным под одеялами фигурам и, постояв у дверей, удалилась в нижние комнаты. Там рядом с двумя классными помещениями находилась квартира самого мистера Чейзвика.

Едва шаги миссис, внушавшей ученикам больше страха, чем сам педагог, утихли в глубине дома, Томас Бингль поспешно натянул под одеялом свою одежду.

По скрипучим ступеням лестницы и шатким половицам нижнего коридора мальчик пробрался в одних шерстяных носках, держа башмаки в руке.

Внизу Томас присел на корточки перед дверью каморки, где хранилась верхняя одежда учеников. Мальчик всунул в дверной замок маленький крючок, свитый из железной проволоки, и, орудуя этим прибором, открыл дверь. Отыскав свою куртку, подбитую ватой, и напялив шапку с пристегнутыми наушниками, мальчик добрался до дверей в кухню. Выйти наружу Томас мог лишь через квартиру мистера Чейзвика или через кухню. В тесном темном чулане спала кухарка, а рядом с выходом, у задней калитки, жил в отдельной пристройке сторож.

На цыпочках мальчик миновал темную кухню и нащупал в сенях дверной крючок. Дверь скрипнула, и Томас Бингль очутился на дворе. Соборные куранты вдали дважды отзвонили свою мелодию, затем колокол ударил один раз: отбил половину двенадцатого ночи. Во дворе мальчик обулся. Озираясь на окошко сторожа, он выскочил за калитку и бегом припустил по темным задворкам и закоулкам к верфи.

На территории доков было темно, но вдоль длинного забора горели на редких столбах фонари, озаряя верхний край дощатой ограды, утыканной железными шипами. По углам забора стояли часовые. У ворот прохаживался стражник. Патруль из четырех солдат со старинными алебардами вышел из ворот и отправился в обход, освещая талый снег ручным фонарем, прикрытым от ветра жестяным щитком.

В темном садике одного из ближайших к верфи домов мальчика ожидал его друг, Метью Ханслоу.

– Ты пришел, Том! Молодчина! Я уж начал тревожиться... Ты нужен мне нынче для важного дела!

⁵⁷ «Дубовые сердца» – одна из тайных крестьянских революционных организаций XVIII века в Ирландии.

⁵⁸ Дортуар – спальное помещение в закрытых учебных заведениях.

– Что я должен делать здесь, дядюшка Метью?

– Не торопись. Подождем, пока патрульные вернутся с обхода. Сейчас я объясню тебе нашу задачу... Скажи, ты хорошо знаешь это место?

– Еще бы не знать! За этим забором – доки мистера Паттерсона... Вон крыша кузницы, рядом с нею – чаны со смолой, дальше – склад с инструментами, а за ним – помосты, где заложены корабли...

– Том, а ты знаешь, для кого Паттерсон строит эти корабли?

– Для сэра Фредрика Райленда... Он главный заказчик. Джордж говорит, что на кораблях будут возить рабов в Америку.

– Да, корабли эти понесут в мир много зла... Они нужны Паттерсону и Райленду для разбоя в море, для торговли живыми душами людскими... Фредрик Райленд, ченсфильдский паук, – мой злейший враг, но он враг и всем простым добрым людям... Ты лучше меня знаешь, Том, сколько их погибло на этой верфи! Помнишь беднягу Майка, раздавленного, когда спускали «Окрыленного»? А сколько калек вроде беспалого Паткинса выкинул на улицу мистер Паттерсон! Сколько бедных ребятишек вроде тебя страдает на этой проклятой верфи!.. Том, я намерен спалить ее, спалить всю к черту, как «Бультонскую мануфактуру»!.. Хочешь помочь мне?

– Да!

– Видишь этот ящик? Он довольно тяжел. В нем – часовой механизм с колесцовым замком⁵⁹ и... крепкая начинка. Надо пробраться на верфь и спрятать наш гостинец под днище корабля, заложенного в среднем доке. Рядом положишь вот эту бутылку... Потом прикрой ящик и бутылку стружками, просунь под них руку и поверни вот этот рычажок на ящике. Если там затикает, как в часах, то скорее беги сюда, ко мне. Если не затикает, встряхни ящик, только легонько... Скажи, в школе никто не заметил, как ты ушел?

– Нет, никто.

– И ты сможешь незаметно вернуться?

– Попробую.

– Молодчина, Том! И еще: знаешь ли ты корабль «Окрыленный»?

– Знаю. Он сейчас стоит на причале, под самой верфью... Только... на нем уже есть команда.

– Да, ее-то и берегись. Смотри, чтоб тебя не заметили с этого корабля... Вон обход возвращается, теперь пора!.. Здесь, в заборе, я вынул доску. Лезь в дыру. Я просуну тебе ящик и сам буду дожидаться тебя здесь. Сквозь щель я буду следить за тобой. Когда пойдешь назад, держи направление вот на этот фонарь, дыра в заборе чуть правее его... Постарайся никому не угодить в лапы... А уж коли схватят... я тебя выручу! Только... ты не забыл адрес сына Бернардито?

– Нет, не забыл. Давайте ящик, дядюшка Метью...

Мальчик прополз в отверстие, сделанное в заборе. Фернандо просунул ящик, и Том, закрыв его, потащил его в темноту, где на фоне серого ночного неба слабо вырисовывались силуэты лебедек и строящихся кораблей. Припав ухом к щели в заборе, испанец не слышал ничего, кроме шороха ветра в голых ветвях сада. Где-то на причале, вероятно на борту «Окрыленного», раздался перезвон корабельных склянок, и соборные часы, словно в ответ, пробили полночь.

Фернандо стоял у забора, прижавшись к столбу. Ближайший фонарь качался над забором в полусотне шагов, и тень от столба прикрывала фигуру испанца. Патруль, обойдя верфь, снова вернулся к воротам. Солдаты ушли погреться в караулку. Где-то лаяла собака. Минуты

⁵⁹ Колесцовый замок – тип пистолетного и ружейного замка; действовал по принципу современных зажигалок; был всеобщепотребителен в XVII веке; мог быть использован для «адской машины».

текли томительно медленно. Кругом стояла тишина, и редкие, далекие звуки собачьего лая не нарушали, а словно подчеркивали эту глухую ночную тишь.

Внезапно во мраке, где над причалом вздымались мачты «Окрыленного», раздался окрик. Фернандо силился сквозь щель взглянуть в темноту. Он попытался кинжалом раздвинуть доски; крепкое дерево не поддавалось. Свет фонарей замелькал среди высоких помостов с кораблями. Послышался топот кованых сапог. Испанец уперся коленом в бревно, ухватился за шипы забора и, подтянувшись на руках, взглянул поверх ограды. Он увидел мальчишку, стремительно бежавшего к забору. Но мальчик ошибся в темноте и спешил, спотыкаясь, прямо на фонарь!

За мальчиком тяжело бежал моряк в широкополой шляпе и индейской куртке; он держал в руках длинный карабин. Преследователь был еще далеко от мальчика, но тот заметался перед забором, не будучи в силах разыскать спасительную дыру.

Фернандо колебался лишь мгновение. Одним прыжком он очутился внизу, под забором, на той стороне. Мальчишка отпрянул, но, узнав испанца, бросился к нему. Фернандо успел подхватить мальчика; он вскинул его на верхний край забора, и Томас Бингль, перемахнув через острые шипы, в полубеспамятстве скатился в садик и опрометью пустился бежать по задворкам.

Его спаситель выстрелил из пистолета навстречу приближающемуся врагу. Тот опустился на одно колено и вскинул карабин, в то время как испанец, ухватившись за железные шипы, напрягся, чтобы перескочить через них. В тот же миг в глубине верфи что-то ухнуло и глухо прокатилось по всей округе. Багровый сноп поднялся к небесам, и десятки огненных змей заструились в темноте ночи, озаряя ее вспышками, искрами и жадными языками пламени. Порывистый ветер подхватил летящие искры.

Первый мартовский рассвет еще не занимался над Бультоном, когда лондонский дилижанс приблизился к городу.

Норвард откинул занавеску от окна кареты и пристально всматривался во тьму, где влево от дороги темнели заснеженные деревья и строения Ченсфильда. Остальные пассажиры дилижанса мирно похрапывали на трясках сиденьях.

Вдруг встревоженный крик кучера разбудил всех пассажиров:

– В Бультоне опять пожар! Горит либо в порту, либо рядом с портом!

– Гоните лошадей! – свирепо проговорил Норвард, взглядывая в неподвижное зарево, охватившее полгоризонта.

Тяжелая карета покатила быстрее. Кучер поминутно стегал бичом по конским спинам, и вскоре под железными шипами дилижанса загремели камни бультонских мостовых.

Норвард и Блеквуд, предчувствуя грозную беду, выскочили из кареты при виде первого извозчичьего кеба.

– В порт! – крикнул Норвард.

Заря уже занималась, когда мокрая лошадь, тяжело раздувая бока, рысью примчала кеб к порту. Пламя гигантского пожара, полыхавшего рядом с портовыми строениями, превратила ночь в багровый, страшный день. В море дрожали отсветы пламени.

– Верфь Паттерсона! О черт! К верфи!

Но подъехать к верфи оказалось невозможным.

У ворот стояла густая толпа зевак, с трудом сдерживаемая цепью полицейских. Трое прибывших, оставив экипаж, бросились к воротам. Полицейские расступились, и Норвард с Блеквудом вбежали во двор. Огненный шторм бушевал над верфью. Стапели пылали. Струи воды от пожарных помп поднимались не выше чем до половины огненных смерчей и фонтанов.

Кучка людей толпилась в стороне, у забора. Под самым забором лежал, широко раскинув руки, человек с простреленной головой. Над ним, опершись на карабин, склонился Джозеф Лорн, без шляпы, в обгорелой одежде. Голова его была обмотана окровавленной тряпкой.

Когда Норвард подошел к этой группе, он ясно различил в багровом отсвете пожара, что на левой руке убитого не хватает безымянного пальца. Труп лежал вниз лицом; косо срезанные баки курчавились у висков.

Норвард обвел взглядом верфь. За огненным шквалом нельзя было различить ни причального пирса, ни берега. От нестерпимого жара захватывало дыхание и слезились глаза. Ветер гнал в море тучи искр, и они гасли в свинцовых водах.

– Корабль? – задыхаясь, спросил Норвард, трогая Лорна за плечо.

Вместо ответа, Лорн показал рукой в море. Взглянув туда, Норвард и Блеквуд не смогли различить ничего, кроме полыхающего пламени.

В следующий миг резкий порыв ветра отмахнул стену багрового дыма в сторону; далеко на горизонте все трое разглядели силуэт корабля, озаренного отсветом пожара.

Через два часа, когда верфь Паттерсона представляла собой огромную грудку тлеющих углей, на «Окрыленном» ожидали прибытия капитана и его помощника Джозефа Лорна. Их шлюпка качалась на мелкой волне у причальной стенки в порту. Блеквуд и Джозеф Лорн, пожав руку Норварду, уже стояли в шлюпке.

Норвард в молчании смотрел ей вслед, пока шлюпка не скрылась за корпусом корабля. С далекого рейда донеслись звуки выбираемых якорных цепей. Вымпел взлетел над гот-мачтой.

Корабль ожил, развернулся, и паруса, словно лепестки белых цветов, один за другим стали распускаться на реях. Наконец, освещенная первыми лучами солнца, белая громада корабля, покинув свою догорающую колыбель, тронулась в путь, навстречу неведомой и неверной судьбе.

8. Костер на ветру

1

Декабрьские грозовые ливни мыли палубу «Ориона». Океанские волны длиною в полгоризонта катились навстречу бригу, переламывались с шипением и плеском и с размаху ударяли в борт.

Корабль стонал. В его глубоких, темных недрах все скрипело: дерево терлось о дерево, булькала вода, набравшаяся в трюмах. Мачты звенели под многотонным грузом влажных парусов. С брезентовых курток команды текла вода; у матросов, вязавших на ветру узлы снастей, обламывались ногти. Но по-прежнему лейтенант Уэнт ежедневно отмечал на карте десятки миль, пройденных по курсу к одинокому острову; и по-прежнему бриг «Орион», зарываясь по самый бушприт в ревущую воду, шел вперед под многозвездными небесами или под лучами летнего декабрьского солнца, от которых мокрая палуба начинала парить, а в каютах сразу делалось жарко.

Приближался сочельник. В кают-компании Доротея, Паттерсон и доктор Грейсвелл готовили рождественский стол. Помещение украсили коврами. Ветка омелы⁶⁰, сорванная для рождественского праздника еще в далекой родной Англии, стояла в серебряной вазе посреди стола.

Ричард Томпсон редко показывался на палубе. С молодым адвокатом произошла разительная перемена после памятного ему «семейного совета» в каюте Грелли. С того дня состояние глубокой подавленности не покидало Ричарда.

Теперь вся прежняя жизнь казалась адвокату удивительно простой, чистой и безмятежной. Как изменилось все за такой короткий срок! С неумолимой ясностью Ричард понял, какую катастрофу он вызвал бы своими разоблачениями, не сулившими притом никакого успеха благодаря железной защите, созданной его противником. С тех пор Ричард стал лишь несколько внимательнее приглядываться к экипажу корабля, стараясь распознать среди матросов и офицеров тайных приближенных Грелли.

После стоянки на острове Фернандо-По владелец «Ориона» сам нес вахту на мостике, заменив Джеффри Мак-Райля. На место вышедшего Джозефа Лорна Грелли назначил некоего итальянца, Джиованни Каррачиолу, принятого на бриг в качестве второго штурмана. Этого широкоплечего разговорчивого субъекта Вудро Крейг рекомендовал судовладельцу как «надежного и ловкого малого». Два матроса всегда находились поблизости от Грелли. Один из них – Энрико Рой, развязный субъект, не боявшийся на бриге никого, кроме Грелли. Другой, молчаливый и медлительный датчанин Оге Иензен, выделялся среди экипажа своим атлетическим телосложением, исключительной физической силой и туповатой исполнительностью. Однажды марсовый матрос Дик Милльс замахнулся на Иензена железной штангой толщиной в полдюйма. Датчанин вырвал штангу, злобно согнул ее, связал в виде двойного узла и швырнул Милльсу под ноги. Когда боцман показал этот узел пассажирам «Ориона», никто не хотел поверить, что он завязан человеческими руками.

⁶⁰ О м е л а – род вечнозеленых кустарников; служила в Англии XVIII века традиционным украшением рождественского стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.